а

№ 4 (100) 2013

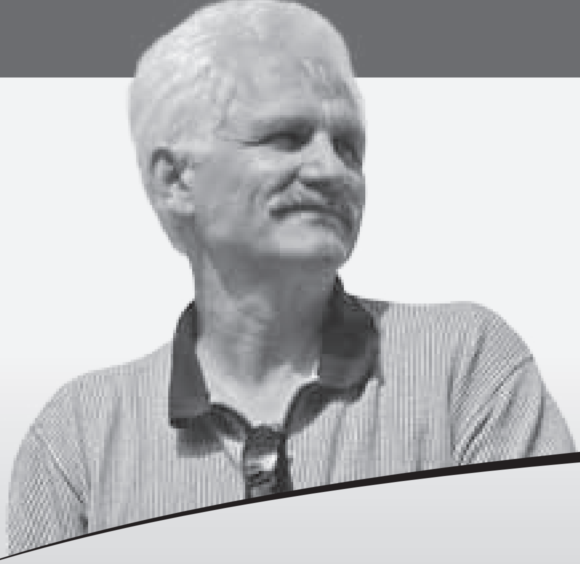
абажур

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Алесь Бяляцкі пераабраны віцэ-прэзідэнтам FIDH

fidh
Міжнародная федэрацыя
за правы чалавека

27 траўня ў межах 38-га Кангрэса Міжнароднай федэрацыі за правы чалавека (FIDH) сябра БАЖ, беларускі праваабаронца-палітвязень Алесь Бяляцкі пераабраны на сваёй пасадзе віцэ-прэзідэнта FIDH.

У 2007 годзе ён стаў першым віцэ-прэзідэнтам FIDH з Усходняй Еўропы, у 2010 годзе быў абраны на другі тэрмін.

Сёлета за кіраўніка Праваабарончага цэнтра «Вясна», сяброўскай арганізацыі FIDH, свае галасы аддалі 76 з 90 удзельнікаў галасавання. Кандыдатуру Алеся Бяляцкага напярэдадні галасавання падтрымала прэзідэнт FIDH Сухайр Белхасен.

«Ад Арменіі да Казахстана, ад Украіны да Кыргызстана, у Грузіі і Расіі ён правёў дзясяткі даследчых місій і візітаў салідарнасці. Яго досвед быў і застаецца найважнейшым складнікам стратэгіі FIDH у рэгіёне. Са жніўня 2011 года Алесь стаў адным з вязняў, правы якіх ён заўсёды абараняў разам са сваімі калегамі…

Мы павінны паказаць рэжыму Лукашэнкі, што Алесь — па-ранейшаму адзін з нас і зусім хутка ён будзе побач з намі і працягне сваю працу віцэ-прэзідэнта Федэрацыі», — адзначыла спадарыня Белхасен у сваім выступе.

На пасадзе прэзідэнта FIDH Сухайр Белхасен (яна ўзначальвала арганізацыю шэсць гадоў) змяніў іранскі адвакат Карым Лахіджы. Спадарыня Белхасен прызначана ганаровым прэзідэнтам FIDH.

FIDH праводзіць кангрэсы кожныя тры гады, на якіх сяброўскія арганізацыі разам вызначаюць стратэгіі працы і абіраюць Міжнароднае бюро FIDH. Сёлета FIDH павялічыла свой склад са 164 да 178 арганізацый.

а
абажур
ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS
ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 4 (100) 2013 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Паўла Курзы (1-я вокладка)
Генадзя Верацінскага (апошняя)

Выданне зарэгістравана
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 04.06.2013 г.
Дата выхаду 18.06.2013 г.
Фармат 60х84 / 8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Так какое у нас государство?

Сергей НИКОЛЮК,
эксперт НИСЭПИ,
Республика Литва

Мы, белорусы, — мирные люди. Мирные и толерантные. Кто бы сомневался. Вот только жаль, что комбинацию двух столь замечательных качеств в одном флаконе портит статистика ООН. В 2012 г. на тысячу человек населения в Беларуси приходилось 328 заключенных. По данному показателю мы находимся в группе лидирующих стран (17-е место).

Но, несмотря на статистику, «можно с полной уверенностью сказать, что в стране обеспечен уровень общественной безопасности, достаточный для дальнейшего успешного социально-экономического развития нашего государства. И самая высокая, лично для меня, оценка, когда к нам приезжают москвичи, россияне, из Украины, особенно из западных государств и с удивлением говорят: “Как?! В этом государстве вечером еще дети на улицу выходят?”»

Таково мнение Александра Лукашенко, которым он поделился с делегатами III Всебелорусского собрания в марте 2006 г. Ничего не могу сказать о детях, но журналистам, чьи трудовые книжки не хранятся в отделах кадров государственных СМИ, выходить вечером на улицу небезопасно. Вероятность, что к ним подойдут люди в штатском и предложат пройти, существенно выше вероятности натолкнуться на подвыпившую компанию молодых людей.

Что последует далее — предсказать несложно. Алгоритм действий отечественной правоохранительной системы (люди в штатском — лишь одно из ее звеньев, защищающих наши права) отрабатывался на протяжении двух десятилетий. Но в любом случае конечную точку в подобных историях ставит суд. А как же иначе? Согласно статье 26 Конституции, «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Нельзя не отметить важную деталь: «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». Деталь важная, но практически бесполезная. Станете вы доказывать свою вину в неподчинении людям в штатском (нецензурной брани, отправлении естественных надобностей в общественных местах) или нет, — на результате судебного процесса это не отразится.

Если кто-то полагает, что отсутствие удостоверения журналиста независимых СМИ освобождает от гарантированных Конституцией гражданских прав и свобод, то он ошибается. Ибо сказано: «А потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе». Поэт и по совместительству проповедник Джон Донн знал, что говорил. Дело было в начале XVII в. Не зря же человечество выработало представления о вечных ценностях. И не зарекаться от тюрьмы — из их числа.

Правоту моего обобщения подтверждают опросы Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ). Доля белорусов, утвердительно отвечающих на вопрос: «Обижали ли Вас за последние три года представители органов власти?» — за минувшие восемь лет ни разу не опускалась ниже 26 %. Рекорд был зафиксирован в июне 2011 г. — 34 %. Все логично: глубокий экономический кризис, как правило, начинает обрастать социальными и политическими составляющими.

«Народ не обманешь»

Рост доходов населения и постоянное педалирование «образа врага» — основные механизмы поддержания стабильности авторитарными патерналистскими государствами. К большому огорчению главы нашего государства, эффективность второго механизма в современной Беларуси невысока. И дело тут не в толерантности белорусов. Время идеологий навсегда осталось в прошлом, да и впадать в мессианство (в отличие от русских) белорусы не склонны.

Но то, что не свойственно большинству белорусов, способно формировать «картину мира» в отдельно взятых выдающихся головах. Приведу фрагмент высказывания А. Лукашенко, позаимствованный из выступления перед ветеранами Великой Отечественной войны: «Суверенная Беларусь постоянно находится под прицелом орудий необъявленной холодной войны. Кое-кто на Западе так и не смог смириться с тем, что Беларусь не стала очередной “банановой республикой”, танцующей под дудку заокеанских демократий. Нас душат санкциями, обливают грязью клеветы. Вдоль наших границ летают военные самолеты НАТО, создаются новые базы, совершаются провокации. Но никто не заставит наш народ свернуть с избранного им пути».

«Он пугает, а мне не страшно», — заметил как-то Лев Толстой по поводу творчества писателя Леонида Андреева. Это наш случай. Государственные чиновники пугают. Работа у них такая. Но пусть поднимет руку тот, кто по ночам просыпается в холодном поту после просмотра очередного сна на тему «Создание баз НАТО вдоль наших границ».

Как уверяет один весьма авторитетный культуролог, любое действие доводило бы нас до оргазма, если бы не процесс рутинизации. Обратимся к академическому словарю: «routinization — социальная ситуация, в которой регулярно повторяющееся социальное действие может осуществляться при низкой степени вовлеченности и мотивации».

Все верно. Белорусов пугают уже 19 лет. Стоит ли после этого удивляться отсутствию массового желания (мотивации) сплотиться вокруг главного борца с внутренними и внешними «врагами народа».

В июне 2011 г. шорт-лист ответственных за разразившийся кризис выглядел следующим образом (с конца): оппозиция — 2 %, Россия — 4 %, Запад — 6 %, спекулянты — 17 %, мировой кризис — 27 %, правительство — 37 %, президент — 45 %. Требуются ли тут комментарии? Полагаю, что нет.

Максимальные возможности власти по наращиванию доходов населения пришлись на временной интервал со второй половины 2003 г. (начало роста мировых цен на нефть) до 1 января 2007 г. (двукратный рост цены на российский газ). Повышение средней зарплаты до «святой» цифры в $500 в последний год третьей пятилетки едва не закончилось коллапсом «белорусской

экономической модели». Спасибо России, в очередной раз подставившей экономическое плечо компаньону по Союзному государству.

Откроем официальную биографию главного и единственного профессионального борца за народное счастье в Беларуси: «Приход к власти А. Г. Лукашенко не ожидался самонадеянной бюрократической верхушкой, установившей своеобразное “сосуществование” с прозападным националистическим крылом. Он сразу же столкнулся с глухой стеной отторжения, осложнившей государственную работу».

Но все течет, и все изменяется. От «глухой стены отторжения» образца 1994 г. не осталось и следа. Но это не означает, что специалисты по строительству стен остались без работы. На наших глазах возводится новая стена. На этот раз между главой государства и его сторонниками.

Накатывающиеся на власть экономические проблемы заставляют ее окукливаться, и народ, который согласно многочисленным заявлениям главы государства «не обманешь», прекрасно это чувствует. Соцопросы данный вывод подтверждают (табл. 1).

За шесть последних лет роль «вертикальщиков», силовиков и государственных чиновников в качестве опоры авторитаризма существенно возросла. Основные же социальные группы, обеспечившие электоральную революцию в 1994 г., свое опорное значение или сохранили (пенсионеры), или растеряли (жители села, простые люди). Тут следует подчеркнуть, что речь идет не о точке зрения экспертов, а об общественном мнении.

Таблица 1
На Ваш взгляд, на кого прежде всего опирается Лукашенко? (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Август 2006 г.	Июнь 2012 г.
На президентскую вертикаль	37	45
На военных, МВД, КГБ	49	57
На пенсионеров	41	40
На государственных чиновников	21	33
На простых людей	34	18
На жителей села	30	24
На директоров крупных предприятий	14	14
На специалистов	10	5
На культурную и научную элиту	8	4
На бизнесменов	5	6

Кто же замыкал, замыкает и, вне всяких сомнений, будет замыкать список групп, в поддержке которых Лукашенко нуждается в наименьшей степени? Несложно сообразить, что это группы, ответственные в современном мире за экономическую модернизацию: руководители предприятий, специалисты, культурная и научная элита, бизнесмены! Трудно подобрать лучшую иллюстрацию, способную передать специфику национальной модернизации.

Страх нарастает, доверие падает

В государстве для народа (как тут не вспомнить популярные билборды) доля граждан, полагающих, что белорусы готовы открыто выражать свои взгляды, неуклонно сокращается (табл. 2). Беларусь — классический пример современного социально ориентированного полицейского государства. И коль вклад социального фактора стабильности падает, вклад полицейского фактора вынужден возрастать.

Таблица 2
Что Вы думаете о готовности людей в Беларуси выражать свои политические взгляды? (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Февраль 2001 г.	Июнь 2006 г.	Октябрь 2010 г.	Июнь 2011 г.	Март 2013 г.
Никто не боится	20	19	18	11	14
Только немногие боятся	34	29	16	17	19
Сумма позитивных ответов	*54*	*48*	*34*	*28*	*33*
Многие боятся	30	40	41	46	41
Все боятся	6	8	19	22	19
Сумма негативных ответов	*36*	*48*	*60*	*68*	*60*

Таблица 3
Доверяете ли Вы следующим государственным и общественным институтам? (% от числа опрошенных)

Вариант ответа	Август 2000 г.	Апрель 2002 г.	Ноябрь 2004 г.	Июнь 2006 г.	Июнь 2008 г.	Сентябрь 2010 г.	Декабрь 2012 г.
Суды	23	29	39	45	45	49	41
КГБ	23	28	34	38	38	38	37
Милиция	18	21	34	38	40	41	37

Но рост значимости полицейского фактора не повышает рейтинги доверия его составных компонентов после 2006 г. (табл. 3). Сказывается общий кризис белорусской экономической модели. Ее патерналистский потенциал исчерпан.

И, завершая статью, попробую перейти к обобщению.

Сплоченность обществ и государств исторически определялась комбинацией трех факторов: силы, веры и закона. До появления мировых религий ведущую роль играла сила. Новая эра потому и стала новой эрой, что вере удалось потеснить силу. Окончание Средневековья в Европе и переход к Новому времени с его бурным экономическим ростом — прямой результат очередной перегруппировки внутри указанной выше «троицы», в результате чего верховенство закона стало нормой повседневной жизни европейцев.

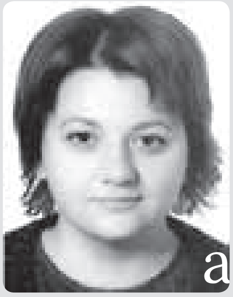
Лукашенко, как известно, выстраивает политику «от жизни», от народной жизни, в которой закон привычно пасует перед верой, но, что еще хуже, — перед ничем не ограниченной силой государства. Сказать, что подобная политика неэффективна, значит продемонстрировать полное непонимание происходящего, так как оценивать исторический путь в категориях эффективности бессмысленно.

Фото В. Гридина

Медиаполе: оттепель «нецелесообразна»

В результате оттепели в отношениях между Беларусью и Евросоюзом в 2008–2010 годах в государственную систему вернулись подписка и распространение независимых газет «Народная воля», «Наша Ніва» и «Ганцавіцкі час». Сейчас официальный Минск снова предпринимает попытки наладить отношения с Брюсселем…

Татьяна **КОРОВЕНКОВА**

Участились встречи между дипломатами различного уровня, прошли визиты в Беларусь представителей европейских структур, белорусские власти согласились на возобновление работы шведского посольства в Минске… Пока активному возобновлению диалога препятствует принципиальный для Запада вопрос — освобождение и реабилитация белорусских политзаключенных. Раздумывая, как разрешить эту проблему, официальный Минск заодно прикидывает, что еще и за какие уступки можно продать Западу.

И белорусская медиасфера в списке «предметов» для торга занимает не последнее место.

Как своеобразный жест доброй воли можно рассматривать принятые в марте решения закрыть уголовное дело в отношении гродненского журналиста Андрея Почобута и не возбуждать дело в отношении журнала «ARCHE Пачатак». Оба этих дела вряд ли были значимы для белорусских властей, но вызывали раздражение ЕС и международных правозащитных организаций, которые при каждом удобном случае призывали белорусские власти прекратить преследование журналистов.

Увы, в белорусской журналистике столько нерешенных проблем, что любое смягчение позиции властей по отношению к прессе может преподноситься официальным Минском как большой шаг в сторону демократизации и реформ!

Но проблемы и после показательных «шагов» не исчезают.

Болезненна, например, проблема отсутствия в подписных каталогах «Союзпечати» и «Белпочты» независимых изданий. Почти неразрешимая ситуация возникла внезапно, незадолго до президентских выборов 2006 года, когда из государственной системы распространения исключили практически все независимые периодические издания общественно-политической тематики. Все попытки газет через обращения к чиновникам вернуться в каталоги и киоски натыкались на отговорку, что вопрос лежит не в политической плоскости — это, мол, взаимоотношения хозяйствующих субъектов, на этом уровне и разбирайтесь.

Основатель и главный редактор независимой региональной газеты «Вольнае Глыбокае» Владимир Скрабатун недавно предпринял попытку возобновить сотрудничество с местным отделением «Белпочты» по распространению издания и его включению в подписной каталог на второе полугодие 2013 года. Сначала редактору не отказали и даже предложили заполнить необходимые бумаги, уплатив 90 тысяч рублей и написав заявление в Витебский филиал РУП «Белпочта». Но затем пришел официальный ответ: так как обязанность по включению печатного издания в каталог не предусмотрена законодательством, то выбор этих изданий для формирования каталога и дальнейшего их распространения является

правом РУП «Белпочта». Включать в подписной каталог «Вольнае Глыбокае» посчитали «нецелесообразным».

Кроме «Вольнага Глыбокага», за бортом государственной системы распространения остаются независимые газеты «Новы час», «СНплюс. Свободные новости плюс», «Товарищ», «Борисовские новости», «Витебский курьер», «Газета Слонімская», «Intex-press» (г. Барановичи), «Нясвіжскі час», «Ляхавіцкі час», «Отдушина» (г. Слоним), «Рэгіянальная газета» (г. Молодечно). За возвращение любой из них в подписной каталог официальный Минск может ожидать от Запада неких преференций.

Отличное пространство для маневра дает белорусским властям и Закон о СМИ, ряд положений которого подвергался критике со стороны ЕС и правозащитных структур. ОО «Белорусская ассоциация журналистов» неоднократно обращалась в госорганы с конкретными предложениями по совершенствованию положений закона.

Последний ответ БАЖ получила из Палаты представителей Национального собрания Беларуси за подписью председателя постоянной комиссии по правам человека, национальным отношениям и СМИ Андрея Наумовича. По его словам, обращение БАЖ комиссия рассмотрела, «детально проработала с Министерством информации» и не видит необходимости вносить какие-либо изменения в закон ввиду «отсутствия существенных недостатков в правовом регулировании данной сферы».

Флэшмоб, организованный представителями независимых СМИ против закрытия газет «Народная воля» и «Наша Ніва», XV Международная специализированная выставка «СМИ в Беларуси», Минск, 4 мая 2011 года

«На сегодняшний день Закон Республики Беларусь “О средствах массовой информации” в целом стабильно функционирует, позволяет решить практические проблемы, возникающие в деятельности средств массовой информации, а также способствует поступательному развитию информационного пространства страны. Исходя из этого, депутаты Палаты представителей — члены комиссии считают в настоящее время нецелесообразным инициирование внесения корректировок в законодательство в области СМИ», — говорится в ответе.

Какие «стабильно функционирующие» позиции закона тревожат БАЖ? Журналистская организация не раз заостряла внимание на тех проблемных вопросах в сфере СМИ, которые необходимо решать в первую очередь. Среди них — прекращение уголовного преследования журналистов и снятие с них судимостей; введение моратория на применение уголовных статей за клевету и оскорбление президента; введение заявительного принципа аккредитации

иностранных журналистов; прекращение административных репрессий, задержаний и препятствования журналистам в их профессиональной деятельности. БАЖ предлагает ввести разрешительный принцип регистрации СМИ, обращает внимание на слишком узкую трактовку понятия «журналист» и отсутствие в законе понятия «фрилансер», а также приравнивание аккредитации к разрешению на поиск, получение и распространение информации. Кроме того, есть проблемы с правовой защитой журналистов и деятельностью интернет-медиа.

Что касается аккредитации для работы на иностранные СМИ, то это достаточно болезненный вопрос. По действующему законодательству, аккредитация необходима не только для иностранных журналистов, но и для граждан Беларуси. А поскольку получить ее не всегда возможно, как, например, в случае с сотрудниками телеканала «Белсат», то для белорусских журналистов возникла ситуация реального запрета на профессию. При этом многие работают без аккредитации, на свой страх и риск, в постоянном ожидании предупреждений от органов прокуратуры и душещипательных бесед с сотрудниками КГБ. В 2012 году было зафиксировано как минимум 13 случаев предупреждений журналистам за работу на иностранные СМИ без аккредитации. При этом возможность обжаловать отказ в аккредитации законодательно нигде не прописана.

Еще одна острая проблема — доступ журналистов к информации. Как отмечает заместитель председателя БАЖ Андрей Бастунец, принятый в 2008 году Закон о СМИ в вопросах доступа к информации «в какой-то степени сводит позиции журналиста к позиции обычных граждан, а в некоторых случаях даже ставит в еще более сложные условия».

Бастунец напоминает, что в последние годы в ряд законов были внесены изменения, согласно которым, например, информацию о деятельности госоргана могут предоставлять журналистам либо пресс-секретари ведомства, либо специально уполномоченные лица. Такие «посредники», вместо того чтобы стать источником информации для СМИ, стали еще одной преградой для журналистов.

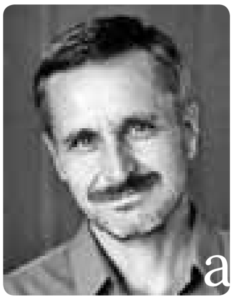
Кроме того, новый Закон о СМИ лишил редакции особого права обращаться в государственные органы с запросами. Теперь они вынуждены обращаться с запросами на таких же условиях, как общественные организации и простые граждане, и ожидать ответа на свое обращение не раньше чем через 30 дней. Про какую оперативность в подготовке медиаматериалов здесь можно говорить? Ведь при работе с новостями такой промежуток времени просто не приемлем!

Нерешенным остается вопрос и с журналистами-фрилансерами. Реалии таковы, что сегодня в Беларуси к фрилансерам относятся не только журналисты, которые сотрудничают с традиционными СМИ, не состоя в штате редакций, но и все те, кто работает на интернет-ресурсы, не зарегистрированные в качестве средств массовой информации. У фрилансеров нет возможности получить редакционное удостоверение, что, с точки зрения белорусского законодательства, означает, что они не являются журналистами. Правовая защита «вольных» репортеров в такой ситуации остается весьма проблематичной и вызывает серьезные опасения.

Конечно, наивно полагать, что на фоне очередного потепления отношений с Западом белорусские власти решатся на кардинальные реформы в медиасфере. В период оттепели 2008–2010 годов под эгидой ОБСЕ, Министерства информации и Администрации президента в Минске были проведены два круглых стола на темы интернета и журналистской этики. Скорее всего, формат круглых столов и консультаций Минск будет использовать и теперь, если понадобится продемонстрировать какие-то позитивные шаги. В частности, власти могут опять вернуться к вопросу о регулировании сферы интернет-журналистики и принять какой-то нормативно-правовой акт. До его подписания Беларусь может провести консультации с европейскими экспертами по содержанию этого документа, учесть какие-то рекомендации, что, несомненно, получит положительную оценку Запада.

Подобные инициативы и консультации с западными экспертами вполне могут создать видимость попыток белорусских властей найти взаимопонимание и наладить диалог, но при этом реальные шаги по смягчению законодательства о СМИ и улучшению условий работы журналистов, в первую очередь негосударственных изданий, вряд ли предвидятся. Ведь прекращение разбирательства в отношении Андрея Почобута и журнала «ARCHE Пачатак» практически совпало с очередным отказом телеканалу «Белсат» в заявке на открытие корпункта в Минске и признанием «экстремистским» альбома «Пресс-фото Беларуси 2011». Увы, подходы и отношение властей к независимым СМИ и журналистам не меняются. Даже при активном диалоге с ЕС белорусские власти вряд ли пойдут на необходимые реформы в сфере СМИ — сфере, которая в Беларуси считается прежде всего идеологической.

Самарэгуляванне медыяў:

Аляксандр Класкоўскі,
mediakritika.by

У Сусветны дзень свабоды друку 3 траўня неба над Мінскам плакала, а з запрошаных прадстаўнікоў дзяржструктур ніхто на круглы стол не прыйшоў. І гэта стала сімвалічнай ілюстрацыяй да парадку дня — «Перспектывы рэфармавання медыясферы: што можа зрабіць журналісцкая супольнасць».

Дзяржаве свабода выказвання — апрыёры супроць шэрсці. І, з аднаго боку, маючы дурную сілу, а з іншага — не маючы сур'ёзнай процівагі, дзяржава тую свабоду будзе проста душыць. Ну не да канца. Каб заставалася нешта напаказ Еўропе ды дзеля мінімуму зваротнай сувязі (не ў сваіх жа «органах» вычытваць пра сапраўдныя настроі соцыуму). Сёння дастаткова трымаць на горле прэсы руку ў мяккай пальчатцы.

Гэтая дзяржава партнёрам не стане

Я не выключаю, што калі выпусцяць палітвязняў, пачнуць новыя тра-ля-ля з Еўропай, то адновяцца і нейкія супольныя пасядзелкі «чэсных» ды «нячэсных» у медыйных пытаннях. Напрыклад, пад эгідай АБСЕ, як тое было падчас адлігі 2008–2010 гадоў. Праўда, геній дзяржаўнага боку не пайшоў тады далей прапановы сінтэзаваць супольны кодэкс этыкі для дзяржаўных і недзяржаўных СМІ.

У кожным разе кан'юнктуру *«адносна вегетарыянскіх»*, паводле белсатаўца **Міхася Янчука**, палітычных перыядаў незалежная журналісцкая супольнасць мусіць выкарыстоўваць, каб адваяваць хоць квадратны міліметр свабоды. Як і ўвогуле прэсінгаваць уладу сваімі прэтэнзіямі ды прапановамі, каб чыноўнікі хоць трохі чухаліся, пра што казалі на круглым стале **Андрэй Бастунец** і **Андрэй Дынько**.

Але ілюзій быць не мусіць. Тутэйшая палітычная сістэма грунтуецца на прынцыпе «падзяляй і ўладар». Прэсу і надалей будуць разводзіць па розныя бакі барыкады, і дзяржаўныя рэдактары, якімі б добрымі хлопцамі ні выглядалі, паводле адмашкі зверху адсунуць убок усе этычныя кодэксы і паслухмяна надрукуюць любое паскудства, змяшаюць з граззю любога, на каго паказаў палец начальства.

Карацей, без змены палітычнага ладу дзяржава партнёрам незалежнай журналісцкай супольнасці не стане. І таму менавіта апошняй наканавана ўзяць на сябе ўсю няўдзячную справу распрацоўкі медыйных рэформаў на будучыню ды ўсталявання асноў самарэгулявання медыйнай сферы тут і цяпер.

Прафесійная суполка мусіць несці свой крыж

Між тым, калі на пачатку сакавіка камісія па этыцы БАЖ канстатавала парушэнні этыкі ў блогавай публікацыі **Зянона Пазняка** на сайце «Радыё Свабода», было шмат шуму. Некаторыя кпілі: «пастанова ЦК БАЖ». Убачылі ў гэтым напалеонаўскія замашкі, перавышэнне паўнамоцтваў і г. д.

Крытыкі не ўсвядомілі, што тое не было разглядам персанальнай справы Зянона Пазняка. Гэтае рашэнне камісіі БАЖ таксама не тычыцца наўпрост палітыкі ці спрэчкі пра тое, каго расстрэльвалі ў Курапатах. Такія рашэнні толькі задаюць пэўную этычную планку для прафесійных медыяў, ні болей ні меней.

У гэтым канкрэтным выпадку сутнасць рашэння ў тым, што рэдакцыі СМІ, калі там уважаюць сябе за прафесіяналаў, мусяць адказваць і за карыстальніцкі кантэнт, не дапускаць зняваг, абраз. Такі парадак і ў дэмакратычных краінах. Там адпаведнай рэгламентацыяй займаюцца нацыянальныя рады ў пытаннях СМІ.

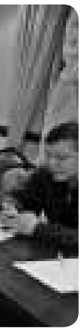
У Беларусі фармальна існуе Грамадская каардынацыйная рада ў сферы масавай інфармацыі, але, нягледзячы на шыльду, гэтая структура — цалкам пад дзяржаўным каўпаком, яе фармуе Мінінфарм. Між тым як у дэмакратыях медыйныя рады ўтвараюцца без удзелу чыноўнікаў, на парытэтных падставах з аўтарытэтных прадстаўнікоў грамадскасці і журналісцкай супольнасці.

Цікава, што найстарэйшую на кантыненце шведскую Раду ў справах прэсы традыцыйна ўзначальвае суддзя Вярхоўнага суда. Пры гэтым варта ўсведамляць, што там суд — сапраўды незалежная галіна ўлады.

У сённяшняй Беларусі стварыць падобную паўнакроўную самакіраваную грамадскую структуру з нацыянальным статусам нерэальна. Хаця б таму, што існуе каласальны масіў дзяржаўнай прэсы, якой камандуе вертыкаль. Гэтак жа нерэальна цяпер заснаваць інстытут прэс-омбудсмена, як у той самай Швецыі ды шэрагу іншых заходніх краін.

Між тым многія пытанні ў медыйнай сферы наспелі і пераспелі. І БАЖ мусіць у пэўнай ступені выконваць

хто, калі не «ЦК БАЖ»?

місію, якую ў дэмакратычных краінах выконваюць нацыянальныя рады ў пытаннях СМІ.

У гэтым сэнсе нашаму прафесійнаму звязу наканавана «шмат на сябе браць». Задаваць журналісцкі канон, абмалёўваць этычную рамку, што мусіць быць у ідэале арыенцірам для ўсіх СМІ. Таму што болей рабіць гэта няма каму.

І не варта кідаць камяні. БАЖ, мяркую, нашмат утульней было б у амплуа гэтакага элітарнага закрытага клуба ці маленькага прафсаюзіка, які адно што выбівае даброты для сваіх чальцоў. Але БАЖ лезе на ражон. Бо хто яшчэ гэта зробіць? У палітыкаў свае гульні, шырокія масы з грамадскага жыцця выключаны.

Інтэрнэт абвастрыў этычныя праблемы

Адметна, што нашумелая публікацыя Пазняка была змешчана ў рубрыцы блогаў. Гэта лішні раз падкрэслівае: анлайнавая эпоха паставіла перад журналістыкай новыя выклікі. Грахі кшталту плагіяту, канечне, былі і раней, але інтэрнэт іх абвастрыў, а некаторыя заганы набылі характар эпідэміі.

Вось толькі некалькі балючых праблем:

• некарэктна выкарыстоўваецца чужы кантэнт (перадзіраюць без гіперспасылак ці топяць іх, выкідаюць прозвішчы аўтараў і г. д.);

• ігнаруюцца элементарныя правілы праверкі інфармацыі («вуткі» бяздумна копіпасцяцца з шалёнай хуткасцю, у канфліктах даецца слова толькі аднаму боку);

• памылкі ў анлайне выпраўляюць цішком (проста перапісваюць ці вычышчаюць непраўдзівую інфу, а трэба даваць папраўкі, каб гэта было бачна чытачу);

• у каментах квітнее хамства, пануюць абразы, вядуць рэй тролі, а мадэрацыя не працуе;

• выклікаюць пытанні паводзіны журналістаў у сацыяльных сетках (няма адпаведнай рэгламентацыі, як за мяжой).

Mediakritika.by ставіць усе названыя ды іншыя праблемы, я сам напісаў «стопіццот» артыкулаў, але гэтага мала. Мусяць быць прапісаны «дурнеўстойлівыя» правілы, якую палітыку варта весці медыям у кожным з гэтых пытанняў. І, акрамя БАЖ, гэта ніхто не зробіць.

Трактаваць канон з улікам анлайнавай эпохі

Праўда, у некаторых карыфеяў нашага цэха ёсць такі пункт погляду: не трэба вынаходзіць ровар, паколькі этычныя прынцыпы журналістыкі з часам не змяняюцца, не залежаць ад медыйнай платформы.

Так, па вялікім рахунку, тыя каноны ўніверсальныя. Як зазначае маскоўскі мэтр **Міхаіл Фядотаў**, журналісту ўвогуле дастаткова Нагорнай казані Хрыста. Але ж Хрыстос не ведаў пра гіперспасылкі. Д'ябал хаваецца ў дэталях. Чамусьці фінская Рада ў пытаннях СМІ не лянуецца даваць інструкцыі, як, напрыклад, супрацоўнікам рэдакцый працаваць з карыстальніцкім кантэнтам (блогі, форумы). Усё распісана па пунктах.

Мяркую, БАЖ не памылілася б, прысвяціўшы адно з пасяджэнняў сваёй рады менавіта пытанням самарэгулявання медыйнай сферы. На грунце дыскусіі можна было б распрацаваць адпаведны план. У прыватнасці, варта запланаваць апгрэйд Кодэкса журналісцкай этыкі БАЖ, найперш з улікам спецыфікі анлайну.

Але такія дакументы, кладучы руку на сэрца, мала хто чытае, а тым болей перачытвае. Таму камісіі па этыцы БАЖ варта было б рэгулярна разбіраць кейсы, у якіх адлюстраваны тыповыя этычныя праблемы сённяшніх СМІ. І — увага! — не толькі выносіць вердыкт (этычна ці неэтычна), але і даваць рэкамендацыі.

Тая ж пастанова пра публікацыю Пазняка была б нашмат каштоўнейшай і, магчыма, не ўспрымалася б кім-кольвек так хваравіта, калі б яе галоўным сэнсавым акцэнтам сталі парады што да працы рэдакцый з карыстальніцкім кантэнтам.

І хай бы як мага болей такога кшталту практычных рэкамендацый вісела на сайце БАЖ. Каб у канфліктных сітуацыях можна было апеляваць да нейкага канона.

Фота Б. Гарэцкага

Журналісты з залюстроўя: спроба дыстыляцыі чужых са сваіх

Таццяна Бублікава

У Мінскага мора — ад мора толькі назва. А з баклажаннай ікры нават тэарэтычна малькі не вылупяцца. Памкненне праз словы дадаць чаму-небудзь велічы нараджае блытаніну. Гэтак і ў журналістыцы — чалавек можа звацца журналістам, а насамрэч быць кімсьці іншым.

З кім і навошта ў Беларусі блытаюць журналістаў і чаму гэта некаторым не дае спакойна спаць? Разам з калегамі шукаем адказы на старонках «Абажура».

Паміж псеўдаморам, ікрой ды журналістам ёсць істотная розніца. Умоўнасць называння першых бачная няўзброеным вокам — мы ж ведаем, як выглядаюць сапраўдныя мора ды ікра. Але адрозніць сапраўднага журналіста ад аматара пісаць артыкулы — задачка не з лёгкіх, з ёй нават пракуроры не заўсёды спраўляюцца. Бо пракуроры абапіраюцца толькі на сухі голас закону. Мы ж, каб разблытаць гэты клубок, скарыстаемся супольным прафесійным досведам.

Зязюлі ў нашым лесе

На праблему памылковага наймення некаторых асоб журналістамі можна глядзець з трох бакоў: з сярэдзіны журналісцкай супольнасці, звонку як грамадства і зверху як дзяржава. Дзяржаве не хочацца, каб былі «псеўдажурналісты», бо іх дзейнасць цяжка кантраляваць. Рэдка якога прадстаўніка грамадства цікавіць, хто як там сябе называе, — ты толькі давай запатрабаваную інфармацыю і не мані. Нас, журналісцкую супольнасць, пытанне падмены паняткаў і статусаў, размывання межаў павінна непакоіць больш за ўсіх.

Мы — як птушкі, якім зязюлі падкладаюць свае яйкі: вымушаныя выпраўляць чужыя хібы і пры гэтым не забывацца на ўласныя клопаты. Рэкламшчыкі, піяршчыкі, прапагандысты, палітыкі і грамадскія дзеячы, якія імітуюць журналістыку, — вось гэтыя «зязюлі». Я наўмысна пазбягаю называць імёны, каб не даваць глебы для высвятлення стасункаў. Аднак заўважу, што часам нават аўтарытэтныя арганізацыі па нейкіх прычынах публічна прызнаюць журналісцкі статус за чалавекам, які ад журналістыкі такі ж далёкі, як марскі коцік ад свайго сабрата па найменні.

Не так істотна, ці самі яны называюць сябе журналістамі, ці проста не выпраўляюць некарэктнае меркаванне пра сябе іншых. У корані праблемы ляжыць менавіта памылковае прылічэнне іх дзейнасці да журналістыкі.

У які момант становяцца журналістам?

Механізм узнікнення блытаніны і падмены паняткаў у нашай сітуацыі вельмі просты, і палягае ён, як падаецца, у этымалагічных нетрах. Глядзіце, хлебапёк — гэта той, хто пячэ хлеб, ткач — той, хто тчэ. Адпаведна гэтай логіцы, журналіст — той, хто займаецца журналістыкай. А прадмет працы журналіста ў першапачатковым сэнсе — напісанне артыкулаў. Напісанне артыкулаў і публікацыя іх у масмедыя становяцца прыкметай прафесіі журналіста. Вось гэта і ёсць глеба, на якой нараджаюцца памылковыя меркаванні пра тых або іншых асоб.

Цікава заўважыць, што чым складаней інструмент працы журналіста, тым меней у яго псеўдакалег. У сферы тэлебачання і радыё, бадай, «памылковых» журналістаў менш за ўсё. Бо для імітацыі журналістыкі ў гэтай сферы трэба авалодаць спецыяльнымі прафесійнымі ведамі. А фоткаць і пісаць артыкулы кожны, як у народзе кажуць, лайдак зможа.

Але ці дастаткова рабіць штосьці, як журналіст, каб ім стаць? Мае калегі прызнаюцца, што журналіст — гэта ўнутранае адчуванне. І нават пасведчанне супрацоўніка СМІ не заўсёды дае такое адчуванне.

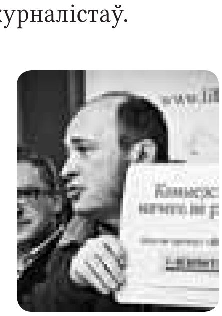

Яніна Мельнікава, рэдактарка «Mediakritika.by», лічыць, што чалавек не становіцца журналістам, як толькі апублікуе артыкул.
«Справа не ў артыкуле як такім, бо ўсе мы хоць бы ў школе нешта пісалі, а, хутчэй, у рэакцыі на яго. Вось тэлефануе чалавек у рэдакцыю, кажа *"чытаў, асуджаю"* ці, наадварот, *"чытаў, дзякуй"*. І ты адразу разумееш, што не ў стол пісаў, што была патрэба, што кагосьці зачапіла. І з'яўляецца (прынамсі я ўпэўненая, што павінна з'яўляцца) пачуццё адказнасці за слова. Менавіта гэтаму пачуццю не навучаць на журфаку, напрыклад. Таму і кажуць калегі-прафесіяналы: журналістыцы трэба вучыцца "ля станка", тут адной тэорыяй не абыдзешся. Яшчэ адчуванне прыналежнасці нараджаецца ў момант, калі сустракаешся з праблемамі, калі табе ці іншым патрэбная дапамога, журналісцкая салідарнасць. Менавіта тады, мо яшчэ сам сябе не ідэнтыфікуючы з гэтым журналісцкім цэхам, ужо пачынаеш імкнуцца стаць яго часткаю. Памятаю, я сама, ужо працуючы ў "Газеце Слонімскай", трапіла на фэст зачыненых газет, які ладзіла БАЖ. І там сутыкнулася ўпершыню з гісторыямі Мажэйкі, Маркевіча, Завадскага. І, бадай што, упершыню адчула гэтае жаданне быць часткаю такой мужнай і такой адданай сваім ідэалам суполкі. Хоць да таго моманту ўжо ўніверсітэт амаль скончыла».

Журналіст і яго пасведчанне

У Беларусі журналісцкае пасведчанне ўяўляе сабой дакумент перабольшанай каштоўнасці. Дзяржава бізуном прывучыла нас думаць, што сапраўдныя журналісты павінны мець журналісцкае пасведчанне дзяржаўнага ўзору. І ў ідэале гэткія ўмовы гульні маглі б вызваліць нас ад неабходнасці вышукваць у нашых шыхтах імітатараў. Замест таго беларуская рэчаіснасць пазбавіла прафесійных правоў вялікую частку сапраўдных журналістаў.

Медыяэксперт Паўлюк Быкоўскі мяркуе:
«У Беларусі пытанне загнанае ў такую бюракратычную працэдуру, што значная частка журналісцкага цэха не мае фармальных падстаў лічыцца журналістамі так, як гэта разумее Міністэрства інфармацыі».

Паводле Закона аб СМІ, фармальных падстаў лічыцца журналістамі не маюць супрацоўнікі незарэгістраваных медыяў. Гэта як донарскія, так і камерцыйныя медыі. Адным з такіх інфармацыйных рэсурсаў з'яўляецца магутны TUT.BY.

Журналіста стварае аўдыторыя — прыклад TUT.BY

Супрацоўнікі прэсавай часткі TUT.BY, як ні дзіўна, фармальна не маюць статусу журналіста СМІ. Аднак штодзённа выконваюць якасную журналісцкую працу, маюць поспех і попыт у аўдыторыі. Што дазваляе «тутбайцам» адчуваць сябе журналістамі і адкуль бярэцца гэтая ўпэўненасць?

Пра гэта расказала **рэдактарка, журналістка рэсурсу TUT.BY Алёна Андрэева:**
«Мы не зарэгістраваныя як СМІ толькі праз тое, што Саўмін так і не распрацаваў працэдуру рэгістрацыі сеціўных СМІ. Нас часта штурхаюць дзяржорганы за тое, што мы не СМІ, калі ім гэта зручна, а калі мы ім патрэбныя, нам прызнаюцца ў любові і просяць дапамогі. Бо такога ахопу аўдыторыі няма ні ў кога. Мы займаемся дзейнасцю, якая адпавядае вызначэнню журналістыкі, хаця, канешне, корачак у нас няма. Пры гэтым у працоўных кніжках, напрыклад, маем запісы *журналіст* ці *рэдактар*.
Сябе журналісткай я адчула тады, калі праз пэўны час пасля напісання матэрыялаў для розных СМІ да мяне пачалі звяртацца людзі, якія лічылі, што толькі я сваёй працай магу ім дапамагчы. То бок я магу напісаць пра іх бяду ці радасць так, што гэта будзе цікава многім (чытачам, слухачам), што ў іх з'явіцца магчымасць праз публікацыю вырашыць пэўнае пытанне, або паўплываць на ход нейкага працэсу, або агучыць грамадска значную праблему».

Такі самы, але з перламутравымі гузікамі

Злавіць за хвост адрозненне журналістыкі ад падобнай да яе дзейнасці можна на прыкладзе сайта палітычнай партыі АГП — www.ucpb.org. Трэба адразу адзначыць, што супрацоўнікі сайта публічна не прэтэндуюць на званне «журналіст».

Чытач можа знайсці на старонцы партыі тыя ж жанравыя складнікі, што і на рэсурсе TUT.BY: гэта і навіны, і артыкулы, і нават ёсць сваё «АГП-ТВ». Яно ўяўляе сабой нізку відэастужак, дзе ёсць вядоўца і суразмоўца. Па фармаце відэа сайта нагадвае перадачы з традыцыйнага тэлебачання. Нават вядоўца — намеснік старшыні партыі Леў Марголін — паводзіць сябе, як журналіст: знаёміць з госцем, задае пытанні, падводзіць вынікі, звяртаецца да гледачоў.

Калі звяртаць увагу толькі на форму, то працу сайта АГП можна было б назваць журналісцкай дзейнасцю. Аднак калі глядзець на змест, то толькі лянотны не заўважыць наўпростага, не прыхаванага акцэнту на тое, што перад намі палітычны праект. На рэсурсе чырвоным па белым напісана, што гэта сайт партыі, што навіны — партыйныя і тэлебачанне таксама тут — спосаб прасоўвання партыйных ідэй.

Трэба сказаць, што сайт партыі АГП трэба прыводзіць у якасці пазітыўнага прыкладу, як палітыкі могуць сумленна

і карэктна выкарыстоўваць журналісцкія інструменты дзеля сваіх мэтаў, пры гэтым не парушаючы межаў сваёй кампетэнцыі.

На жаль, у Беларусі існуюць палітычныя рэсурсы, якія ў нашай сітуацыі можна прыводзіць як негатыўныя прыклады. І мы з вамі ведаем адрасы іх старонак.

Каго і чаму прымаюць за журналістаў?

Зрэшты, разабраўшыся, хто такі сапраўдны журналіст, можна з лёгкім сэрцам прымацца за будаванне межаў. У спробе дыстыляцыі чужых са сваіх апелюем да меркавання калег.

Алёна Андрэева: «Па-першае, з журналістамі блытаюць грамадскіх актывістаў. У свой час многія з іх атрымалі пасведчанні БАЖ, якія з нядаўняга часу не з'яўляюцца пацверджаннем журналісцкага статусу. Людзі прыкрываліся імі на акцыях пры затрыманні. Пры гэтым псуючы нашую рэпутацыю: тут лозунгі крычаць, а тут журналісты яны. Па-другое, з журналістамі блытаюць піяршчыкаў з грамадскіх і камерцыйных структураў. Яны ж са СМІ камунікуюць, але сваімі паведамленнямі клапоцяцца пра інтарэсы структуры, якая банальна плаціць ім грошы».

Яніна Мельнікава: «Тут ёсць два прынцыпова розныя моманты. Першы: сапраўды журналістамі могуць называць публіцыстаў, пісьменнікаў, якія проста час ад часу выказваюць свае меркаванні на старонках выданняў. І, канешне, мы разумеем, што гэтая іхная часовая супраца са СМІ дае ім такое права, хоць і вельмі ўмоўнае. З іншага боку, у нас журналістамі называюць і тых, хто займаецца піярам, хто працуе на розных палітычных сайтах.
Чаму так адбываецца? Таму што нашае «гета» такое маленькае, таму што шмат гадоў мы, журналісты, дазвалялі лічыць іншым, што гатовыя плыць з імі ў адной лодцы. І такім чынам былі размытыя нашыя прафесійныя межы, сталіся не надта істотнымі нашыя прафесійныя стандарты, мы самі пагадзіліся на тое, каб ва ўмовах "вайны" заняць пэўны бок барыкадаў. І, у рэшце рэшт, атрымалася так, што ў нашай прафесійнай лодцы з'явіліся людзі, якія займаюцца іншай справай, але якіх нашая "прафесійная салідарнасць" ужо не дазваляе кінуць за борт. Таму працягваем руку, дапамагаем, калі ёсць патрэба, бо ўжо прынялі іх у сваю суполку».

Дэвальвацыя даверу да прафесіі

Калі ў пэўную галіну трапляюць непрафесіяналы, якія не ўмеюць або не хочуць трымацца стандартаў, то агульная прафесійнасць галіны зніжаецца. Гэта адбіваецца на аўдыторыі, якая пачынае меркаваць, што *журналісты прадажныя, журналісты брэшуць, ад іх дапамогі не дачакаешся* і г. д. А гэта ўжо становіцца нашай з вамі праблемай.

Яніна Мельнікава: «Між тым нельга казаць, што ўсе людзі, якія, напрыклад, працуюць на палітычных сайтах, не маюць права называцца журналістамі. Бо існуе і цалкам можа працягваць існаваць партыйная прэса, якая займае пэўныя пазіцыі, асвятляе падзеі пад пэўным ракурсам. Тут галоўнае, каб чалавек прымаў асноўныя прафесійныя стандарты журналістыкі, памятаў пра этыку, не забываўся на тое, што ягоная задача — гэта асвятленне падзеяў, а не "прыдумлянне" рэчаіснасці».

Сённяшняе становішча медыяэксперт **Паўлюк Быкоўскі** ацаніў як «дэвальвацыю даверу»:
«Людзі, якія займаюцца палітычнай дзейнасцю і прапагандай, вельмі часта выходзяць за межы прафесіі і займаюцца журналістыкай. І вось тут вельмі цяжка правесці мяжу і вызначыць, у які момант чалавек служыць грамадству ў якасці журналіста, а ў якім выпадку спрабуе маніпуляваць соцыумам, выступаючы ў якасці прапагандыста, рэкламшчыка, піяршчыка і г. д. Гэта вельмі складана рабіць, калі людзі спалучаюць гэтыя заняткі разам. Такое спалучэнне або памылковае прылічэнне тых або іншых асобаў да прафесіі журналіста прыводзіць сапраўды да дэвальвацыі даверу да журналісцкага цэха ўвогуле, што ў Беларусі зараз рэальна прысутнічае. У краіне цяпер губляюць давер шмат якія грамадскія інстытуцыі, акрамя, здаецца, царквы і пажарных. Пры гэтым трэба неяк жыць і спрабаваць памяняць тэндэнцыю».

Ліцэнзія на журналісцкую зброю

Незалежная прэса на ўласнай скуры адчула, наколькі актыўна дзяржава клапоціцца, каб у прафесію не траплялі лішнія, па меркаванні ўлады, людзі. Дзяржава рэгулюе гэтае пытанне і праводзіць, хаця і спрэчныя, але дакладныя і зразумелыя межы.

Чаму мы не робім тое ж самае? Калі мы бачым, што высілкі ўлады не эфектыўныя, што межы ўсё адно размываюцца, што губляецца прафесійнасць і дэвальвацыя сапраўды адбываецца, то чаму б нам самім не заняцца самарэгуляваннем у сваёй журналісцкай супольнасці?

Зрэшты, журналістыка — гэта зброя, на валоданне якой трэба мець у пэўным сэнсе дазвол. Прэтэндэнт мусіць даказаць, што яго псіхічны, фізічны стан, узровень прафесійнай падрыхтоўкі адпавядаюць адказнасці, якую ён на сябе бярэ. І няўжо не варта сачыць, каб нашая зброя трапляла ў надзейныя рукі і выкарыстоўвалася па прызначэнні?

Фота аўтара

Веревка для законодателей

Эдуард МЕЛЬНИКОВ, mediakritika.by

Интересная новость из Москвы: правительство России внесло в Госдуму поправки в Трудовой кодекс. Если они будут приняты, то журналистов и актеров обяжут каждые пять лет подтверждать свою профессиональную пригодность.

Photo.bymedia.net

Для этого вводятся конкурсы на замещение должности творческого работника. Если кто-то переаттестацию не прошел, то будет уволен в соответствии с новой статьей Трудового кодекса, которую и собираются вводить. Самое печальное, что нигде не указаны критерии оценки творческого потенциала и, соответственно, профессиональной пригодности журналиста или актера. При этом руководители СМИ от участия в конкурсе освобождаются.

Большой простор для предположений.

Скорее всего, под профпригодностью авторы этих поправок понимают необходимый уровень лояльности к властям. В сегодняшней России этому удивляться не приходится. С журналистами все понятно: многие из них, «независимые», портят кровь чиновникам. Но актеры-то, актеры в чем провинились? Неужели колоннами выходили на Болотную площадь? Или несли с телеэкранов не то, что прописано в сценариях, а в театрах слишком вольно трактовали классику? Впрочем, многие цитаты из Островского, Горького или Чехова сейчас прозвучали бы весьма современно. А уж из Салтыкова-Щедрина... В общем, достойно пера фельетониста.

Но ситуация складывается, скорее, тревожная, чем комичная. В подобного рода действиях прослеживается своя логика и последовательность. Можно вспомнить, что в ноябре 2010 года в отраслевом комитете Госдумы обсуждался вопрос о введении лицензий для осуществления журналистской деятельности. Не прошло, однако. Сейчас решили вернуться к этому вопросу «в пакете» с актерами.

Поправки в Трудовой кодекс могут сыграть роль того же лицензирования, но без нежелательных политических последствий, например, параллелей с фашистской Италией, где такое лицензирование существовало.

Сутью же остается все то же: сделать журналистов управляемыми. Иными словами, создается такой механизм самоцензуры, который работает надежнее, чем цензура внешняя, да к тому же и обходится гораздо дешевле.

Если это станет реальностью в России, то такую юридическую новацию с энтузиазмом примут и в Беларуси — партнере по «союзному государству». Во всяком случае, все предпосылки для этого имеются. Наши чиновники от информации уже заявляли о целесообразности лицензирования журналистской деятельности. Сейчас российские коллеги подают им привлекательный пример «цивилизованного» решения проблем взаимоотношений с независимой прессой.

Не нужно большого воображения, чтобы представить себе такую ситуацию. Любое СМИ как юридическое лицо обяжут регулярно проводить аттестации сотрудников на «профпригодность». Отказ руководителя СМИ, каким бы он ни был «независимым», означает невыполнение Трудового кодекса со всеми «вытекающими». И это еще одна дубинка против негосударственной прессы. При этом ставится задача избавиться от именно тех сотрудников, которые докучают властям. Невыполнение такого государственного «заказа» может породить новые репрессии на совершенно «законных» основаниях. Не нужно забывать, что у нас любые законы обрастают кучей подзаконных актов, позволяющих вертеть любую ситуацию в любую сторону. Например, возникает инструкция, предусматривающая обязательное участие в комиссии по аттестации представителя Министерства информации. Т. е. под нарушение Трудового кодекса можно подвести любого руководителя СМИ, даже если он защищает своих сотрудников. А это значит, что «подвешивают» и его, руководителя.

Таким образом, управляемость прессы достигается без громких, на всю Европу, скандалов, утомительных «замачиваний» отдельных изданий, посадок и прочих неприятностей.

Кажущаяся бесконтрольность интернет-СМИ тоже может оказаться недолгой.

В этих условиях обостряется проблема, связанная с выяснением «профпригодности» журналиста. А именно его соответствия стандартам специальности, которые сложились в течение более чем четырехсот лет существования профессиональных СМИ.

Особый статус журналистской деятельности закреплен в сотнях международных и национальных документов, важнейшими из которых для нас, очевидно, будут Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 19), ратифицированный Республикой Беларусь в 1993 году, а также Конституция Беларуси (ст. 33 и 34). Именно эти документы являются правовым фундаментом практической реализации свободы слова (включая и социальную ответственность журналиста), которая и является основной функцией СМИ. Да, это повсеместно нарушается у нас, но ориентир существует. Но сейчас под этот фундамент подводят мину, стремясь подменить объективные критерии сиюминутными интересами власти.

Каждый, кто работает в журналистике не один год, наверное, согласится с тем, что здесь необходимы такие навыки и моральные обязательства, без которых нельзя называть себя сотрудником СМИ. Ни журналистские корпорации (профессиональные союзы, крупные редакции и пр.), ни тем более общество и государство не отрицают необходимость наличия некоего пропуска в профессию, в которой ошибки обходятся весьма дорого. В этой связи часто вспоминают врачей и юристов, работающих по лицензиям.

В нашей профессии также проходит непрерывная аттестация на приверженность принципам и этическим нормам журналистики. Однако журналистское сообщество и государственные органы смотрят на эту проблему с разных сторон. Первые — с точки зрения сохранения фундаментальных свобод прессы, другие — с позиции урезания этих свобод, сведения журналистской деятельности к определенного рода службе.

Поэтому дискуссия о статусе современного журналиста в контексте изменений, вносимых новейшими информационными технологиями, приобретает особое значение. Можно сказать, что это еще один аспект развернувшейся в последние месяцы на mediakritika.by полемики, который до сих пор не прозвучал.

Во всех этих спорах упускается из виду то, что журналистика, при всем том, что она причисляется к разряду «свободных» профессий, никогда не представляла собой вольный, ничем не контролируемый полет фантазий авторов публикаций. Напротив, зародившись на важнейших торговых путях Европы, она с самого начала выполняла вполне определенные функции, главнейшей из которых было донесение достоверной, проверенной информации до возможно большего количества людей. Между прочим, само требование свободы получения и распространения информации принадлежит к числу важнейших функциональных условий ее успешной деятельности. Если нет этой свободы, то и достоверности — никакой, и журналистика такая не нужна. Это было справедливо и в Средние века, верно и сейчас. Обратной стороной этой «функциональности» свободы всегда была, есть и будет ответственность пишущего человека. Именно единство этих двух принципов и делает СМИ институтом, столь необходимым гражданскому обществу, частью которого является и государство.

Именно в этом и состоит «лицензирование» журналистской деятельности, которое медийное сообщество накладывает само на себя, добровольно.

Когда кто-то, опьяненный возможностями современных коммуникаций, видит только одну

сторону этого процесса, он не вправе рассчитывать на звание профессионала в сфере массмедиа.

Конечно, интернет-журналистика имеет ряд специфических черт и технологий. Однако это не отменяет базовых характеристик журналистской профессии. Попробуем их перечислить:

— журналистика — это не тот род занятий, к которому можно относиться «легко» и считать его чем-то вроде хобби;

— это не средство случайного заработка. Нужно посвящать этой профессии все рабочее время и даже сверх того;

— условием причисления к профессии является членство в авторитетной журналистской организации, которая могла бы устанавливать профессиональные стандарты и формы ответственности за нарушение этих стандартов;

— профессионалом может считаться тот, кто приобретал специальные знания и навыки в учебных заведениях соответствующего профиля;

— журналистская деятельность должна служить обществу, соответствовать принципам, сложившимся в мировой журналистике в течение нескольких веков. Следование этим принципам гарантируется исполнением норм этических кодексов, принятых профессиональными корпорациями.

Но вернемся к непосредственному поводу нашего разговора.

В России к возможности принятия новых поправок в Трудовой кодекс отнеслись иронически, мягко говоря. Закон будет требовать переаттестации журналистов? Ладно, переименуемся в менеджеров или менестрелей, — вот основная интонация обсуждения в сетях. Ха-ха три раза.

Не хотелось бы относиться к этому так легко. Нас стремятся вытеснить из профессии, а мы улыбаемся этому. Нельзя недооценивать опасность действий власти, стремящейся переписывать законы.

В чистом поле вседозволенности, вдали от норм и стандартов цивилизованной журналистики — не только свобода, но и вполне реальные опасности. На менестрелей и трубадуров Сети всегда найдутся разбойнички с большой дороги, вооруженные административной дубиной. Так что лучше уж держаться надежных стен закона, даже если его нарушают сами власти. И отстаивать их несмотря ни на что.

Потому что всегда есть к чему апеллировать. Другой защиты нет.

P. S. Законодатели периода расцвета Древней Греции постановили: кто захочет внести в закон какое-нибудь изменение, является в народное собрание с петлей на шее. Если его отвергнут — от должен тут же, на месте, удавиться. Говорят, это помогло: за триста лет приняли лишь два дополнения. Закат древнегреческой цивилизации начался с того, что стали менять законы.

На месте инициаторов поправок в Трудовой кодекс я бы готовил веревку. На всякий случай.

Пад сталом, альбо Нататкі навіншчыка ў краіне безнавіння

Алесь Залеўскі

Гадамі выпешчваеш сваю аўдыторыю, перажываешся з ёй усім поспехам і паразам у краіне, але чым далей, тым складаней кожную раніцу ствараць інфармацыйны план на дзень.

Прынцып перакуленай піраміды прыдатны да тлумачэння не толькі методыкі пабудовы інфармушкі, але і да апісання камунікацыйных дачыненняў паміж уладай і СМІ ў сучасным грамадстве. Усё найважнейшае, што адбываецца наверсе, за пасярэдніцтвам прэс-службаў, піяр-агенцыяў ды СМІ трапляе на ніжэйшыя ўзроўні грамадства. Адпаведна, і зваротная інфармацыя з нізоў мае падобны радыус ахопу.

На Захадзе наш брат у гэтай схеме знаходзіцца адразу пад столлю, фактычна ўпіраючыся ў яе галавой, — нібы і чуе, што на гарышчах-Алімпах адбываецца, і на інфармацыйным фронце знаходзіцца ў першым шэрагу, але далёка не ўсё трапляе ў поле ягонага зроку. «Злівы» — кшталту раздрукоўвак прадстаўнічых выдаткаў парламентарыяў у Англіі ці рахункаў у афшорнай зоне галоўнага скарбніка кіроўнай партыі ў Францыі — здараюцца з перыядычнасцю Дажынак ці «Славянскага базару» ў сінявокай. Рэшту часу навіншчыкі сядзяць у такой жа, як і мы, руціне ці… пачынаюць крэаваць рэчаіснасць самі.

Так атрымалася, што ў дзень смерці Маргарэт Тэтчэр меў у гасцях некалькіх ангельцаў — рознага веку ды палітычных поглядаў. І толькі адзін з іх, ужо ў шэрагу апошніх тостаў, прыгадаў, хто ёсць сёння асноўны newsmaker. Успомніў, дарэчы, не самыя папулярныя факты з часоў кіравання нябожчыцы. То бок мы такім чынам аказаліся ў хвасце ўсяго прасунутага чалавецтва, бо апошні, пасмяротны скок у медыйны

вір «жалезнай лэдзі» цалкам змаргіналізавалі! Пры гэтым BBC, CNN, «France 24» і г. д. незалежна ад стаўлення да неардынарнай прэм'еркі дый наагул ад таго факта, што для брытанскага маладога пакалення яна была такім жа музейным жывым экспанатам, як для нас Гарбачоў, ад самай раніцы і да позняй ночы цалкам аддалі эфір гэтай навіне. Выяўляючы ў сотнях розных фармаў дый тысячах сінхронаў усю шматграннасць асобы і падзеі. Паводле сваёй магутнасці інфаструмень быў аналагічны таму, што мы бачылі на гэтых каналах у 2001-м жудасным днём 11 верасня. Дзве непараўнальна рознага маштабу падзеі — адна медыйная мерка. Гэта і ёсць крэацыя інфармацыйнага парадку дня.

Але вернемся да піраміды. У Беларусі схема дачыненняў паміж грамадствам, СМІ дый уладамі, хутчэй, нагадвае не егіпецкі цуд, а зацёрты, некалькі разоў груба перафарбаваны, просты, як лом, савецкі кухонны стол. Усё найважнейшае дзейства адбываецца на ім, але да нас з недасяжнай вышыні, як перапалоханым прусакам, трапляюць крыхі. Якія мы з гонарам дзелім паміж сабой і адно аднаму хвалімся: вось што дастаў! І віной гэтаму не толькі татальная закрытасць. Сутнасць кіроўных элітаў — гэта іх алігархізацыя (Платон) ды замкнёнасць для «несваіх» (Парэта). Дадаць да гэтага няўменне ды неахвоту ўладаў дбаць пра свой імідж ды піяр, стабільнасць, трактаваную як маўчанне пра ўсё цяжкое ды недарэчнае, — вось і маем тэрыторыю інфармацыйнага вакууму ці дрыгвы — як каму падабаецца.

Хтосьці ў стане прыгадаць апошнюю медыйную бомбу ці сенсацыю, да якой дакапаліся і якую «разагналі» СМІ ажно да абмеркавання цікавай тэмы ў тралейбусе? Можна прыгадаць сякія-такія «злівы» на «Белорусский партизан» ды «Хартыю'97», рэакцыі па выніках шуму ў сацсетках з нагоды гібелі каля мінскай школы хлопчыка — дый, бадай, усё.

Медыі для «простага чалавека» пачынаюць быць заўважальнымі толькі падчас некантраляваных уладамі падзеяў. Але выбухі ў грамадскіх месцах ці дэвальвацыя адбываюцца раз на 4–5 гадоў. «Калі адбудзецца чарговы абвал рубля?» — першае пытанне, якое я чую ад мінака, які пазнаў мяне на вуліцы. Другое — ад чалавека, што сяк-так цікавіцца палітыкай: «Хто і ці наогул будзе адзіны ад апазіцыі?» А таму для сябе і раблю выснову, што адзінае, чым мы цікавыя грамадству, дык адказамі на гэтыя пытанні.

Нягледзячы на гэта, мы цешымся, калі з'яўляецца новы медыйны праект (нас становіцца больш!), хоць зусім не надаём увагі таму, дзеля каго ж ён ствараецца. У выніку маем дзясяткі інфармацыйных парталаў, рост колькасці сябраў БАЖ, а, дзеля таго каб даць адказ на пытанні, што сапраўды хвалююць грамадства, хапіла б па адным-два СМІ ў кожным сегменце…

Вядома, навінаў хапае, і яшчэ больш мы не паспяваем асвятляць. Але за 20 гадоў заціскання прэсы зроблена ўсё дзеля таго, каб мяняліся толькі нагоды, але ніколі — сутнасць.

Не задумваешся пра тое, ШТО паказаць, а вымучана дбаеш, ЯК падаць чарговыя спробы ўладаў наладзіць дыялог, а апазіцыі — абраць Шматпакутнага. Большасць грамадска-палітычных, эканамічных тэмаў набылі такую ж самую рытуальнасць, як і каляндарна-сезонныя падзеі кшталту жніва ці паводкі. І як да апошняй ужо даўно прызвычаіліся палешукі, таксама і мы, навіншчыкі, як кухары ў рабочай сталоўцы, прывучылі аўдыторыю да аднаго меню цягам тыдня. А таму няма чаго дзівіцца слабаму апетыту.

І няма чаго дзівіцца, што напрыканцы гэтага тэксту не прагучыць маралітэ ці рэцэпт ад сімптомаў хворага. За -наццаць гадоў такога рэжыму працы не было вынайдзена рацыянальнага і рэальнага развязання, таму застаецца спадзявацца толькі на нашае з вамі, калегі, шаленства. Так бяздумна верыць, што пацыент выйдзе з комы, у кожным ажыўленні пульсу шукаць прыкметаў абуджэння ды блазнаваць перад нерухомым невідушчым могуць сапраўды толькі беларускія навіншчыкі. І, здавалася б, працу варта змяніць, але ж цярпім. Ведаю адзінак, якія сышлі з нашага канвеера, і столькі ж, хто не вытрымаў і вярнуўся. Што нас трымае?.. Працяг будзе.

Склонность к драме или никогда ничего не происходит?

Как мы работаем с иностранными журналистами

У многих западных журналистов наблюдается эффект усталости от белорусской темы. Страна, где никогда ничего не меняется и драматических событий не происходит, никому не интересна?

Драматизм белорусских президентских выборов 2010 года как никогда раньше привлек внимание международных средств массовой информации к нашей стране. Жестоко разогнанная площадь несогласия, более 700 арестованных, семь альтернативных кандидатов в президенты, оказавшихся за решеткой, — этого было достаточно для того, чтобы тема «последней диктатуры в Европе» громко зазвучала на Западе. Взрыв в минском метро, две смертные казни, вызвавшие много вопросов, жесточайший экономический кризис и пустые в определенный момент прилавки белорусских магазинов также приковали внимание европейцев к Беларуси. А в западных демократиях система устроена так, что, когда о чем-то пишут медиа, об этом обязательно говорят политики. Западные политики необычно много говорили о Беларуси в 2011 году.

После того как начала разворачиваться арабская весна, стало ясно, что Беларуси недолго оставаться в центре внимания международных медиа. Для внешнего мира белорусская драма была закончена.

Но внутри Беларуси драма продолжается. В тюрьмах по-прежнему томятся политические заключенные, активные люди преследуются за альтернативные мнения, журналисты — за то, что они эти мнения или события, с ними связанные, освещают, а правозащитники — потому что пытаются защитить и поддержать этих самых активистов и журналистов.

События в Беларуси по трагичности и количеству жертв, к счастью, не сравнимы с тем, что происходит сегодня в Сирии, например. К тому же многие западные журналисты устали от белорусской темы. Может быть, страна, где ничего не меняется, не интересна?

Но, во-первых, изменения на самом деле происходят, только как бы под закрытой крышкой, накапливаясь, закипая, не заметно снаружи. Иначе как объяснить, что 75 % белорусов, десятилетиями выбиравших стабильность, сегодня считают, что стране нужны реформы и хотят перемен (данные зарегистрированного в Литве НИСЭПИ, март 2013 года)?

Во-вторых, именно в такие «неинтересные времена» очень важно, чтобы Беларусь продолжала оставаться в фокусе внимания международных медиа. Как для того чтобы оказать поддержку гражданскому обществу внутри страны, так и для того чтобы напомнить западным политикам о том, что Беларусь — это не только «непереизбираемый», «недоговороспособный» и любящий хоккей Лукашенко, а еще более чем 9 миллионов европейцев.

Когда мы спрашиваем международных журналистов, почему они не пишут о Беларуси, чаще всего получаем три типичных ответа:

— корреспонденты не имеют времени, чтобы доехать в Беларусь, и не видят в ней интереса;

— я хочу написать о Беларуси, но мой редактор в этом не заинтересован;

— никогда ничего не меняется в Беларуси, и поэтому она не интересна для наших медиа.

В то же время для тех, кто все-таки пишет о Беларуси, основным вопросом является, каким данным верить и каким событиям или заявлениям придавать значение. А такое понимание приходит только с опытом работы в Беларуси и, соответственно, с более глубоким знанием реалий и пониманием ситуации. Вот и получается что-то вроде замкнутого круга.

Информационное бюро солидарности с Беларусью пытается мотивировать зарубежных журналистов писать о нашей стране не только раз в пять лет во время президентских выборов. Именно в связи с этим родилась идея международного журналистского конкурса «Беларусь в фокусе», который состоялся уже два раза, в 2011 и 2012 годах. В 2012 году на конкурс было прислано 60 статей от 36 журналистов из 16 стран мира. Не только из Польши и Германии, что ожидаемо, но даже из Индонезии и

Коста-Рики. Новым в этом году было то, что в конкурсе приняли участие белорусские журналисты, писавшие для международных медиа. А статья Андрея Дынько «Europe's Last Dictatorship», опубликованная в «The New York Times», стала призером конкурса.

Разнообразие материалов дает нам хорошую платформу для анализа, возможность посмотреть, какие темы и штампы доминируют в публикациях, а какие темы вообще не освещаются западными журналистами.

Например, мы видим, что образ «последней диктатуры Европы», термин, изначально придуманный в 2006 году государственным секретарем США Кондолизой Райс, широко используется во всех странах. Вторым по частоте упоминания является Белорусский свободный театр — очевидно, сказывается сочетание собственных навыков PR его создателей, их свободное владение английским и склонность западных журналистов к драме. В то же время польские и немецкие журналисты, как правило, поднимают экономические вопросы — по-видимому, из-за их собственного исторического опыта, продемонстрировавшего, как экономика может привести к изменениям в стране, а также благодаря многочисленным экономическим связям этих стран с Беларусью.

Мы пытаемся обеспечить «инструменты», чтобы помочь журналистам писать лучше, более глубокие и точные статьи. Каждый год Информационное бюро солидарности с Беларусью организует рабочие встречи для белорусских

Интервью с помощью мобильного телефона: Сара Бикерини («Io Donna», Италия) и Евгений Волошин (Европейское радио для Беларуси)

и иностранных журналистов — финалистов конкурса. Во время этих встреч журналисты не только знакомятся и общаются, но и обмениваются идеями о горячих темах и о том, как эти темы могут быть интерпретированы в различных контекстах. На основе первого семинара мы создали интерактивное руководство для зарубежных журналистов.

Бюро также индивидуально работает с зарубежными журналистами, помогает им найти справочную информацию, контакты и комментаторов в Беларуси, связывает коллег с белорусскими журналистами и фотографами.

Крупные международные средства массовой информации пишут о Беларуси не слишком часто, однако

Юлия Слуцкая вручает награду победителю конкурса «Беларусь в фокусе 2012» Михалу Потоцкому («Dziennik Gazeta Prawna», Польша) в офисе Информационного бюро солидарности с Беларусью

сложился круг активных молодых людей, не только журналистов, которые проявляют интерес к нашей стране. Все больше информации о Беларуси появляется и в западных социальных сетях. Например, The Belarus Project, блог для молодых ученых на английском языке о Беларуси, или cafebabel.com, где был опубликован цикл статей о Беларуси, или Belarus Freedom News, страница Facebook на английском языке, на которой молодой человек из Австрии выкладывает последние новости о Беларуси для международной аудитории.

Но в зарубежных средствах массовой информации практически не раздается голосов из Беларуси. Хотя в прошлом году было опубликовано несколько громких и вызвавших большой интерес статей Андрея Санникова в «The Daily Telegraph» и комментарий Андрея Дынько в «The New York Times», пока это еще редкие примеры. Мы пытаемся найти способы, чтобы голоса белорусов чаще звучали в западных медиа, чтобы независимые белорусские СМИ могли работать на регулярной основе с зарубежными редакциями.

Хорошо понимая, что Беларусь вряд ли будет играть важную роль в мировых СМИ, мы работаем с международными журналистами и средствами массовой информации, для того чтобы сформировать интерес к нашей стране, показать внешнему миру, какие вопросы являются действительно важными для белорусов и почему стоит поддерживать их стремление стать демократической европейской страной.

Наконец, мы горячо призываем всех белорусских журналистов, которые публикуются в международных средствах массовой информации, принять участие в конкурсе «Беларусь в фокусе 2013». А тех, кто пока еще не публиковался за рубежом, но владеет иностранными языками, — смелее браться за перо и самим проявлять инициативу!

Подготовили
Александра Кэрби, Юлия Слуцкая

Нам любые дороги свободы

Леонид
МИХЕЙЧИКОВ

В ходе республиканского опроса общественного мнения, проведенного в марте — апреле текущего года, сотрудники социологического центра ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО» попытались определить, насколько жителями Беларуси востребованы некоторые из гарантированных Конституцией свобод.

Конституция Республики Беларусь гарантирует гражданам страны широкий спектр прав и свобод. Ограничения или лишение некоторых из них «возможно в случаях и порядке, установленных законом».

Свобода выезда за рубеж

Статья 30 Конституции Республики Беларусь гласит: «Граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно».

Соответственно, вопрос анкеты звучал следующим образом: **«Нужна ли Вам лично свобода выезда за рубеж?»**

Таблица 1
Нужна ли Вам лично свобода выезда за рубеж?
(предлагалось выбрать один ответ, %)

Определенно нужна	50	78
Скорее, нужна	28	
Не очень нужна	11	17
Совершенно не нужна	6	
Затрудняюсь ответить	5	5

Выяснилось, что каждому второму белорусу (50 %), т. е. половине взрослых жителей республики, свобода выезда за рубеж «определенно нужна» (табл. 1). Для четверти — 28 % горожан и сельчан — свобода выезда «скорее, нужна». Т. е. 78 % респондентов не против того, чтобы выехать за рубеж.

Гарантированная свобода передвижения «не очень нужна» 11 % опрошенных горожан и сельчан. И 6 % эта свобода «совершенно не нужна». Только 5 % граждан страны затруднились выказать свое отношение к гарантиям 30-й статьи Конституции Республики Беларусь.

Среди лиц, которым «определенно нужен» выезд за границу, каждый второй — мужчина. Три четверти — 74 % — составляют люди в возрасте до 50 лет. Каждый четвертый из них имеет высшее образование. В профессиональном плане более заинтересованы в свободе передвижения инженерно-технические работники и госслужащие, лица, занятые в сфере обслуживания, и представители творческих профессий, предприниматели и студенты (вместе 57 %). Две трети респондентов (65 %), положительно относящиеся к свободе выезда за рубеж, — это минчане, жители областных центров и городов с числом проживающих свыше 70 тыс. жителей.

Среди граждан, которым «совершенно не нужна» свобода выезда за рубеж, — больше женщин (61 %), людей в возрасте 60 лет и старше (59 %), лиц с базовым образованием (29 %), пенсионеров (61 %). Практически две трети таких граждан (63 %) — это сельчане и жители городов с числом проживающих до 70 тыс. жителей.

Свобода слова

Статья 33 гарантирует каждому жителю Беларуси свободу мнений, убеждений и их свободное выражение.

«Никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них.

Монополизация средств массовой информации государством, общественными объединениями или отдельными гражданами, а также цензура не допускаются», — гласит Конституция.

В этой связи респондентам предлагалось ответить на вопрос: **«Нужна ли Вам лично свобода слова?»**

Таблица 2
Нужна ли Вам лично свобода слова?
(предлагалось выбрать один ответ, %)

Определенно нужна	41	76
Скорее, нужна	35	
Не очень нужна	11	16
Совершенно не нужна	5	
Затрудняюсь ответить	8	8

Три четверти — 76 % — респондентов указали, что в той или иной степени нуждаются в свободе слова (табл. 2). При этом более половины из них — 41 % белорусов — «определенно нуждаются» в свободе слова, а для 35 % опрошенных граждан эта свобода «скорее, нужна». *«Свобода слова? Так ее вроде никто не отменял?!* — пишет в анкете 34-летняя женщина с высшим образованием, жительница райцентра Гродненской области. — *Вопрос, сколько за нее заплатишь? И чем — тоже».*

Каждый десятый респондент (11 %) «не очень нуждается» в свободе слова, а для 5 % опрошенных

горожан и сельчан свобода слова «совершенно не нужна». И 8 % респондентов затруднились высказать свое мнение относительно норм 33-й статьи Конституции Беларуси.

Как и в случае со свободой выезда за рубеж, свобода слова «определенно нужна» в большей степени мужчинам, людям в возрасте до 50 лет (70 %), лицам с высшим образованием. В профессиональном плане здесь больше инженерно-технических работников и представителей творческих профессий, предпринимателей и студентов, безработных и домохозяек.

Среди «совершенно не нуждающихся» в свободе слова больше женщин (65 %), людей в возрасте 50 лет и старше (62 %). Около половины (43 %) — лица с высшим и базовым образованием. В большем количестве представлены инженерно-технические работники и госслужащие, а также пенсионеры (вместе 57 %).

Свобода митингов и демонстраций

В статье 35 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует гражданам свободу собраний, «митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь». Соответственно, вопрос анкеты звучал: **«Нужна ли Вам лично свобода митингов и демонстраций?»**

Опрос показал, что в свободе митингов и демонстраций в той или иной степени нуждается менее половины опрошенных горожан и сельчан (46 %). При этом 27 % из них отметили, что свобода митингов, демонстраций им «скорее, нужна», и только 19 % она «определенно нужна». 39 % респондентов высказали противоположное мнение. Т. е. им лично свобода митингов, демонстраций не нужна. При этом для 22 % она «не очень нужна», а для 17 % опрошенных горожан и сельчан нормы 35-й статьи Конституции «совершенно не нужны». 15 % респондентов затруднились ответить на предложенный вопрос. При всем этом нельзя не заметить то, что относительное большинство опрошенных граждан республики (46 %) все-таки нуждаются в свободе шествий.

Таблица 3
Нужна ли Вам лично свобода митингов и демонстраций?
(предлагалось выбрать один ответ, %)

Определенно нужна	19	46
Скорее, нужна	27	
Не очень нужна	22	39
Совершенно не нужна	17	
Затрудняюсь ответить	15	15

«Определенно нужна» свобода митингов мужчинам (57 %), людям в возрасте до 50 лет (69 %), лицам с высшим образованием. А «совершенно не нуждаются» в демонстрациях преимущественно женщины (61 %), респонденты в возрасте 50 лет и старше (48 %). Среди таких граждан представлены в большем количестве лица с базовым образованием.

Общенациональный зондаж общественного мнения проведен 29 марта — 17 апреля 2013 года социологическим центром ООО «ЗЕРКАЛО-ИНФО». Метод опроса — интервьюирование-анкетирование жителей Беларуси 18 лет и старше. По пропорционально-квотной выборке опрошено 3000 респондентов. Контролируемые параметры — область проживания, тип населенного пункта, пол, возраст, образование. Ошибка репрезентативности не превышает 0,6 %.

Резюме

Как можно заметить, предложенные вниманию респондентов свободы были оценены по-разному (рис.). Логично допустить, что и потребность граждан Беларуси в конкретных конституционных нормах различная. Наименее востребованной оказывается свобода митингов и демонстраций. Не отсюда ли вытекают неспособность оппозиции собрать граждан даже на мирные, разрешенные шествия, а также принудиловка, разнарядка государственных органов на организуемые под эгидой власти массовые митинги и демонстрации?

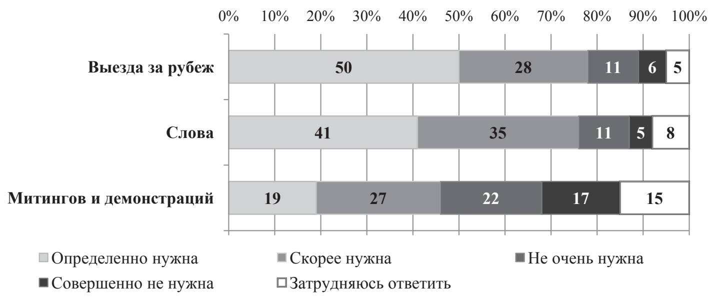
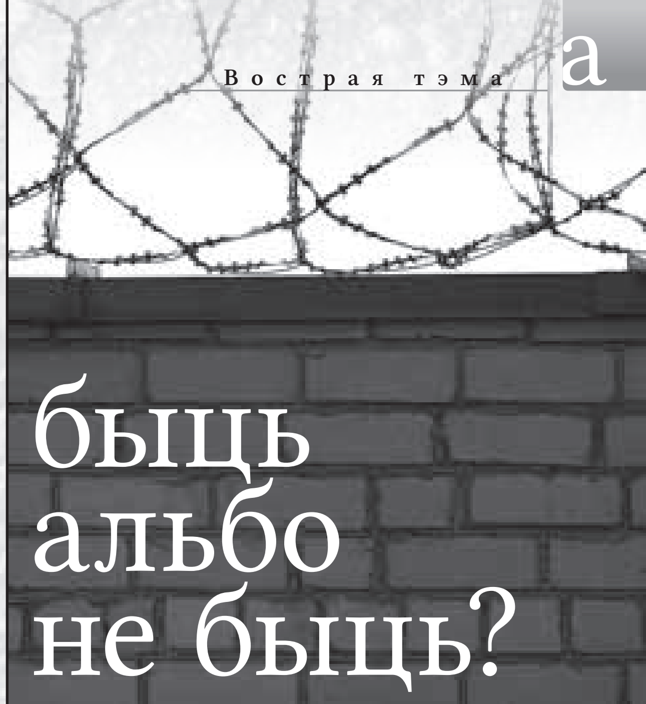

Рис. Потребность граждан в некоторых гарантированных Конституцией Республики Беларусь свободах (предлагалось выбрать один ответ, %)

Свобода слова и свобода выезда за рубеж оказались востребованными большинством граждан республики. Но наиболее востребованной сегодня для белорусов является свобода выезда за рубеж. *«Очень хочется путешествовать без границ»*, — делится своими ожиданиями 37-летняя домохозяйка с высшим образованием. Естественно, цели поездок разные. *«Хотелось бы без проблем встречаться с друзьями и родственниками, которые живут за пределами СНГ»*, — замечает 62-летняя пенсионерка с высшим образованием. Иные цели преследует 23-летняя девушка с высшим образованием: *«Очень нужна свобода выезда за рубеж. Хотела тем летом поехать поработать за границу — не дали визу!»*

Заметим, в ходе опроса не уточнялось, хотят ли респонденты после выезда за рубеж возвращаться обратно.

Таково отношение белорусов к отдельным закрепленным в Основном законе страны свободам. Гарантированные свободы, судя по всему, воспринимаются людьми как сквозь призму личного жизненного опыта, так и с учетом реального политического, экономического положения в стране.

Смяротнае пакаранне: быць альбо не быць?

Адной з самых закрытых для беларускага чытача па-ранейшаму з'яўляецца тэма вынясення і выканання смяротных прысудаў. Як адбываецца следства? Дзе ўтрымліваюць зняволеных? Па якіх крытэрах выносяць прысуд? Як прыводзіцца ён у выкананне?

На ўсе гэтыя пытанні дзяржаўныя органы ўпарта не даюць адказаў журналістам і, адпаведна, грамадству.

Але на трэнінгу, зладжаным БАЖ, прадстаўнікі журналісцкай супольнасці пастараліся высветліць найбольш важныя дэталі.

Барыс ГАРЭЦКІ

Апошні раз скептычнае стаўленне да смяротнага пакарання пачало ўзрастаць у беларускім грамадстве пасля вынясення прысуду Дзмітрыю Канавалаву і Уладзіславу Кавалёву. Чаму так адбылося?

Гэта быў працэс, які абмяркоўвалі ўсе. Дагэтуль судоў з такой масавай грамадскай увагай у Беларусі хіба што і не было. Неадназначны судовы разбор і вельмі хуткае выкананне прысуду выклікалі ў многіх людзей відавочны недавер да следства і прысуду.

Тады таксама ўпершыню вельмі яскрава акрэслілі пазіцыю дзве вядучыя рэлігійныя канфесіі краіны — каталікі і праваслаўныя, якія адназначна выказаліся за ўвядзенне мараторыя на смяротнае пакаранне.

Дзмітрыя Канавалава і Уладзіслава Кавалёва расстралялі, але пытанні засталіся. Не толькі да іх справы, але наогул да існавання смяротнага пакарання ў Беларусі.

Сусветныя тэндэнцыі

Паводле звестак праваабаронцаў, усё больш і больш краінаў ва ўсім свеце альбо адмяняюць смяротнае пакаранне, альбо на практыцы яго не выкарыстоўваюць.

Увогуле гэта звязана з агульнымі тэндэнцыямі стаўлення да правоў чалавека, якія пачалі развівацца пасля Другой сусветнай вайны, калі была створана Арганізацыя Аб'яднаных Нацый, прынятыя Усеагульная дэкларацыя правоў чалавека і цэлы шэраг пактаў. Падпісанне такіх дакументаў абумоўлівалася памяццю пра жахі і катаванні, якія перажыло чалавецтва падчас вайны. Свой адбітак зрабілі і факты масавага вынішчэння людзей па расавых, нацыянальных і іншых прыкметах. Менавіта тады паўстала пытанне дэклaравання гарантаваных правоў чалавека, адным з якіх з'яўляецца права на жыццё.

Паводле самага апошняга даследавання міжнароднай праваабарончай арганізацыі Amnesty International, на 2012 год 141 краіна адмяніла смяротнае пакаранне на ўзроўні заканадаўства: 97 адмовіліся ад гэтай меры пакарання цалкам, 36 не выкарыстоўваюць яе на практыцы, яшчэ 8 краін скасавалі яе ў дачыненні агульнакрымінальных злачынстваў (то бок пакінулі верагоднасць смяротнага пакарання толькі ў вайсковы час).

Фактычна цэлыя кантыненты адмовіліся ад выкарыстання смяротнага пакарання. Напрыклад, Паўднёвая Амерыка, дзе адзінай краінай, якая пакінула магчымасць выкарыстання гэткага пакарання, застаецца Гаяна.

На Еўрапейскім кантыненце выкарыстанне смяротнага пакарання магчыма толькі ў Беларусі! У Расеі і ва Украіне мараторый быў уведзены яшчэ ў 90-х. Нашы найбліжэйшыя суседзі прыбалты таксама даўно ўвялі мараторый на смяротнае пакаранне.

За што ў Беларусі караюць смерцю?

У Крымінальным кодэксе Беларусі ўтрымліваюцца 12 артыкулаў, якія прадугледжваюць смяротнае пакаранне ў мірны час, і яшчэ 2 — у вайсковы час. Напрыклад, у спісе злачынстваў — «развязванне альбо вядзенне агрэсіўнае вайны» (частка 2 артыкула 122 КК РБ), «забойства прадстаўніка замежнай дзяржавы, міжнароднай арганізацыі з мэтаю правакацыі міжнародных ускладненняў альбо вайны» (частка 2 артыкула 124), «міжнародны тэрарызм» (артыкул 126), «генацыд» (артыкул 127), «злачынствы супраць бяспекі чалавецтва» (артыкул 128). Смяротнае пакаранне можа быць таксама прызначанае за «наўмыснае пазбаўленне жыцця пры абцяжарвальных абставінах» (частка 2 артыкула 139), «тэрарызм» (частка 3 артыкула 289), «тэрарыстычныя акты» (артыкул 359), «здраду дзяржаве, спалучаную з забойствам» (частка 2 артыкула 356), «змову з мэтаю захопу дзяржаўнае ўлады» (частка 3 артыкула 357), «дыверсію» (частка 2 артыкула 360).

Адметна, што ў Савецкім Саюзе смяротнае пакаранне выносілася таксама і па эканамічных артыкулах. Так, напрыклад, «раскраданне сацыялістычнай маёмасці ў буйных памерах» каралася смерцю.

Статыстыка

У незалежнай Беларусі смяротнае пакаранне выкарыстоўваецца з 1991 года. Прадстаўнікі праваабарончых структур не раз звярталіся ў Міністэрства юстыцыі з мэтаю атрымання якойкольвек статыстыкі ў гэтай галіне. На дадзены момант для грамадскасці адкрыта толькі інфармацыя пра колькасць вынесеных прысудаў. Пра колькасць выкананых смяротных пакаранняў інфармацыі няма.

Статыстыка па вынесеных прысудах выглядае наступным чынам: 1990 — 20 прысудаў, 1991 — 21, 1992 — 24, 1993 — 20, 1994 — 24, 1995 — 37, 1996 — 29, 1997 — 46, 1998 — 47, 1999 — 13, 2000 — 4, 2001 — 7, 2002 — 4, 2003 — 4, 2004 — 2, 2005 — 2, 2006 — 9, 2007 — 4, 2008 — 2, 2009 — 2, 2010 — 3, 2011 — 3, у 2012 годзе, паводле неафіцыйных звестак, смяротныя прысуды не выносіліся.

Адметна, што пасля 1999 года назіраецца рэзкае скарачэнне колькасці смяротных прысудаў. Паводле словаў праваабаронцаў, гэта звязана з тым, што ў 1999 годзе былі ўнесены змены ў Крымінальны кодэкс і ўведзена пажыццёвае зняволенне як альтэрнатыўнае пакаранне.

Асноўныя праблемы, якія ёсць у Беларусі

Вельмі часта смяротныя прысуды выносяцца Вярхоўным Судом у якасці першай інстанцыі. Так было і па нашумелай справе банды Марозава, калі да таго ж судовы разбор ажыццяўляўся ў закрытым рэжыме. Так было і ў справе з Канавалавым і Кавалёвым. Паводле беларускага заканадаўства, Вярхоўны Суд у Беларусі лічыцца апошняй судовай інстанцыяй і яго прысуды ўваходзяць у сілу адразу пасля іх вынясення. Ніякіх вышэйшых касацыйных інстанцый, якія маглі б праверыць дакладнасць прысуду, няма.

На думку праваабаронцаў, гэта дае падставы для ўзнікнення сур'ёзных судовых памылак, якія немагчыма паправіць ці перагледзець. Напрыклад, у Злучаных Штатах Амерыкі з 1975 года 117 чалавек былі вызвалены з камеры смяротнікаў, паколькі цягам часу была даказана іх невінаватасць. Гэтыя людзі правялі ў камерах смяротнікаў некалькі гадоў, пакуль іх справы разглядаліся на розных узроўнях судовых інстанцый. У Беларусі ж Вярхоўны Суд нават не паспеў разгледзець наглядныя скаргі, якія падавалі Канавалаў і Кавалёў. Наглядная скарга — гэта абскарджанне прысуду, які ўжо ўступіў у сілу. Можна пісаць гэткую скаргу на імя старшыні Вярхоўнага Суда, генеральнага пракурора, але яна не прыпыняе выкананне прысуду.

Праваабаронцы падкрэсліваюць да таго ж, што беларуская судовая сістэма з'яўляецца абсалютна залежнай і несамастойнай, органы МУС працуюць

у закрытым рэжыме без магчымасці кантролю з боку грамадства і нейкіх праваабарончых арганізацый. Такая праца дае падставы меркаваць, што, магчыма, следства і допыты праходзяць з выкарыстаннем недазволеных метадаў альбо адбываецца маніпуляцыя доказамі.

У гэтым аспекце вельмі адметнай з’яўляецца справа вядомага віцебскага маньяка Міхасевіча. Да яго па крымінальнай справе аб нападах на жанчын былі незаконна асуджаны 17 чалавек, усе з якіх прызналі сваю віну, і адзін нават быў расстраляны.

Падобныя памылкі немагчыма выправіць!

Выкананне прысуду

Заканадаўча выкананне прысуду рэгулюецца артыкуламі 174–176 Крымінальна-выканаўчага кодэкса. Смяротнае пакаранне ажыццяўляецца не публічна, праз расстрэл. Пры выкананні гэткага прысуду могуць прысутнічаць пракурор, супрацоўнікі ўстаноў утрымання, лекар, у некаторых выпадках са згоды пракурора — і іншыя асобы. Працэдура не прадугледжвае паведамлення часу і месца выканання смяротнага пакарання, а таксама выдачы целаў пакараных, застаецца невядомым і месца іх пахавання. Родным выдаецца толькі пасведчанне аб смерці, дзе ў графе «Прычыны смерці» ставіцца прочырк. Ва ўнутранай турэмнай дакументацыі пра такіх асуджаных пішацца: «Выбыл по приговору».

Людзі, якія чакаюць выканання смяротнага прысуду, утрымліваюцца ў спецыяльнай камеры, так званым «спецкалідоры» ў СІЗА № 1 на вуліцы Валадарскага. Само чаканне расстрэлу ў такіх умовах, на думку праваабаронцаў, з’яўляецца найвялікшым пакараннем, у гэты час з людзьмі адбываюцца сур’ёзныя псіхічныя зрухі. Смяротнікі вельмі баяцца дзвярэй, якія становяцца для іх сімвалам магчымай смерці. Пры кожным грукаце дзвярэй яны амаль губляюць прытомнасць, бо кожную хвіліну чакаюць магчымага расстрэлу.

Былы кіраўнік СІЗА № 1 Алег Алкаеў, які сам асабіста прысутнічаў пры многіх расстрэлах, напісаў кнігу, прысвечаную выкананню смяротных прысудаў. Ён распавядае, што сам неаднаразова зачытваў смяротнікам тэкст: «У памілаванні Вам адмоўлена». Алег Алкаеў кажа, што нават прыдумаў сваю фармулёўку, кажучы асуджанаму: «Зараз Вас перавядуць у іншае месца».

«Тады ў чалавека яшчэ застаецца надзея на тое, што, можа, яшчэ не зараз. А насамрэч проста заводзяць у іншы пакой, дзе ставяць на калені і страляюць з пісталета ў патыліцу. З расстрэльнай каманды ў 11 чалавек страляюць 2–5 і спрабуюць трапляць у мазжачок, каб чалавек паміраў імгненна. Але не заўсёды так бывае, часам чалавек памірае досыць працяглы час», — распавядае Алкаеў. З яго расповедаў зразумела: нягледзячы на тое, што прысуд вынесены ад імя дзяржавы і гэта законны прысуд, пазбаўленне жыцця ёсць моцным стрэсам і для тых, хто гэта робіць. Былы кіраўнік СІЗА гаворыць, што з яго расстрэльнай каманды некалькі чалавек вельмі рана памерлі ад сардэчных прыступаў.

«Гэта вельмі вялікі стрэс, я сам стараўся ніколі не глядзець у вочы асуджаным на смерць людзям, бо не хацеў, каб гэтыя вочы мяне пераследавалі ўсё жыццё», — гаворыць Алкаеў.

За гады незалежнасці праваабаронцамі ў Беларусі праводзілася шмат кампаній з мэтай адмены смяротнага пакарання, але ніводная з іх пакуль так і не змагла сур’ёзна зварушыць грамадства, прымусіць афіцыйныя ўлады ўсур’ёз задумацца пра скасаванне «вышэйшай меры».

Беларускія суды па-ранейшаму могуць выносіць смяротныя прысуды, акалічнасці якіх па-ранейшаму застаюцца цалкам закрытымі для грамадства, імем якога гэтыя прысуды прыводзяцца ў выкананне.

Фота аўтара

Уладзімір ГРЫДЗІН

Безопасность в интернете

Руководство для журналистов

Джордж Луис Сьерра,
Международная журналистская сеть

В ходе расследования у журналистов обычно накапливается много документов. Проблема заключается не только в том, как управлять всей этой информацией и хранить ее всегда в доступной и организованной форме, но и в том, как ее защитить.

В ситуациях, связанных с повышенным риском, для журналистов важно учиться защищать свою информацию. Это еще более актуально, когда журналист получает конфиденциальные данные. Материалы, которые собирают авторы журналистских расследований, часто содержат доказательства коррупции должностных лиц или информацию об организованной преступности. Поэтому те, кто хочет уничтожить работу журналистов, часто нацеливаются на их компьютеры или мобильные устройства, такие как телефоны или планшеты.

Один из способов защитить ваши документы — зашифровать их. Это означает преобразовать ваш документ таким образом, чтобы никто не смог прочитать его без знания специального пароля. Если по какой-то причине вы потеряли флешку, сам компьютер, телефон или планшет, на которых вы хранили документы, никто не сможет прочитать их, не зная пароля.

Еще одна причина необходимости кодировать документы — это то, что иногда информация может быть опасной, если ее увидят люди, находящиеся вне контекста ситуации. Один из самых ярких примеров тому — случай с мексиканским журналистом, который был похищен членами преступной организации. Когда похитители заглянули в его ноутбук, они нашли фотографии высоких военных чинов. Увидев фото, преступники решили, что журналист состоит в конкурирующей организации, состоящей из бывших военных, и чуть не убили его.

Эксперты по безопасности рекомендуют людям работать, не забывая о том, что все, включая катастрофу, вполне может произойти. В информационном контексте катастрофой можно считать потерю контроля над всей информацией, которая у вас есть. Если это случится, не только собранные вами сведения могут быть навсегда утеряны, но под вопросом также окажется и безопасность людей — источников вашей информации.

Вот руководство по кодированию документов в Word, формате, наиболее часто используемом журналистами.

Шифрование документов в формате Word — это очень важно и несложно. Следуйте этим простым рекомендациям.

Как зашифровать документы в формате Word для Mac

Шаг 1. Откройте документ, который требуется защитить.
Шаг 2. Перейдите к «Word option».
Шаг 3. Выберите «Preferences».
Шаг 4. В личных настройках кликните «Security».
Шаг 5. Введите пароль и подтвердите его.
Шаг 6. Нажмите «Save».

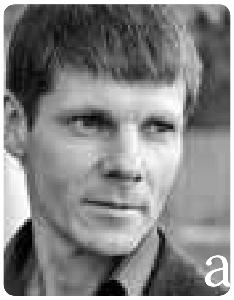
Как кодировать документы в Microsoft Word 2010 PC

В этой версии программы Word способ кодирования документа несколько отличается.
Шаг 1. Откройте документ. Перейдите к разделу «File», а затем «Info».
Шаг 2. Выберите функцию «Protect document».
Шаг 3. Введите пароль и подтвердите его.
Шаг 4. Программа запомнила пароль, и ваш документ зашифрован.

Как кодировать документы в Open Office

Шаг 1. Создайте документ.
Шаг 2. Сохраните документ.
Шаг 3. Сохраните документ с паролем.
Шаг 4. Введите и подтвердите пароль.
Шаг 5. Закройте, а затем снова откройте документ. Если программа спросит у вас пароль, ваш документ был успешно зашифрован.

www.mediakritika.by

Сергей ШАПРАН

По правде сказать, это интервью было сделано не вчера и не позавчера, причем при достаточно необычных обстоятельствах. После очередных президентских выборов мне позвонили устроители минского концерта Михаила Задорнова — писатель-сатирик хочет дать интервью, чтобы защитить... Лукашенко.

Михаил Задорнов: на полном серьезе

Белорусский лидер тогда был не в духе после очередной своей то ли «элегантной», то ли «оглушительной» победы. Позже позвонил сам Михаил Николаевич, и я согласился на встречу по той простой причине, что знаком с ним более тридцати лет. Сознание у Задорнова не зашоренное, — примерно так рассуждал я тогда, — если даже он окажется «лукашистом», то не оголтелым же! Обладая способностью различать полутона, он наверняка объяснит, что именно его привлекает в белорусском руководителе.

Встретившись в гостинице, мы проговорили два часа кряду. Михаил Николаевич, заступаясь в чем-то за свою симпатию, тем не менее вел себя не агрессивно (его выражение) и, когда, например, говорил, что я-де хочу свести счеты с Лукашенко, скорее всего, просто иронизировал. Однако интонацию на бумаге ведь не передашь...

Интервью я предложил тогда в две негосударственные газеты, но текст не напечатали. И, думаю, напрасно, потому что, если оставить за скобками симпатии российского сатирика к белорусскому президенту, в его словах вдосталь здравых и любопытных рассуждений и мотиваций.

И спасибо редакции «Абажура» за то, что увидели в этом интервью ту самую суть, ради которой мы и встречались с Михаилом Задорновым и которая, как мне кажется, остается актуальной даже по прошествии многих лет.

— Когда приезжаешь в Беларусь, — говорил Михаил Николаевич, — первое, что бросается в глаза, — это некие плюсы, коих нет в России. В первую очередь это спокойствие — так гулять, как у вас гуляют вечером по главному проспекту Минска, в России невозможно. У вас концертные залы не надо проверять с собаками — на предмет того, не заложен ли тротил. И ваши матери не оплакивают погибших в Чечне... Что же до минусов, то в Беларуси и России они, на мой взгляд, одинаковы. У вас это и цензура, и ваше телевидение, и разгоны демонстраций, и издевательства над людьми, имеющими другое мнение. Все это свидетельствует прежде всего о недоразвитости власти. Потому что если бы власть была нормально развита и умна, она понимала бы, что когда борются против кого-то, то только укрепляют его... Я сейчас произнесу одну криминальную фразу, которую услышал от одного раввина: этот умный еврей сказал, что именно Гитлер более всего

укрепил евреев. Страшная фраза... Ну и, кроме того, президенты часто не понимают, что, когда король убивает шута, роль шута исполняет сам король.

Однако в Беларуси я вижу все-таки больше плюсов. Один из серьезнейших — Беларусь не ложится под Запад... Я давно, еще с советских времен, отношусь к белорусам не просто с любовью, а с большущим уважением. Если уйти в модную ныне мистику, мне кажется, что у Беларуси есть некая эзотерическая задача. Беларусь ведь действительно географический центр Европы. А в центре давление всегда должно быть пониженным. Любые же завихрения повышают его. Самый спокойный в круговороте — это центр. И если давление в Беларуси повысится, то турбулентные завихрения сметут Европу к чертовой матери! Как энергетическое цунами. Поэтому нельзя трогать Беларусь. А когда кто-то в США насаживает Беларусь, как на шампур, на ось зла...

Кроме того, мне очень нравится, что белорусы и русские в хороших отношениях. Ведь Россия умудрилась поссориться со всеми! Даже грузины не могут терпеть русских, если не на базаре продают им что-то. И украинцы не выносят русских, если только не прилипли к газу. Лишь с белорусами хорошие отношения. Беларусь — как некий пограничный щит, поскольку, если кто проходил через нее, обязательно ослабевал: Наполеон, Гитлер... Беларусь в Европе — как в Азии Индия: если в Азии кто-то посягает на Индию, это государство разваливается. Поэтому такое святое отношение у меня к Беларуси. И мне иногда даже кажется, что, может быть, Путин и российское правительство так помогают Беларуси именно потому, что сами-то под Запад легли и теперь понимают, что непорядочно поступили по отношению к русскому народу. Понимают, что должно же остаться что-то, откуда и начнется потом возрождение. И вот таким источником возрождения мне видится Беларусь. Потому-то мне противно, что ваши власти, выбрав довольно правильные, на мой взгляд, векторы, избрали совершенно неправильные методы их реализации. Ведь зачем бороться с демонстрантами?! Зачем разгонять оппозицию?! Совершенно по-другому все надо делать! Надо поступать так, чтобы люди были довольны. Но, видимо, у властей не хватает сил, умения, мастерства и таланта развивать эти векторы на практике.

Я несколько лет подряд приезжаю в Беларусь, но именно в этот приезд один показатель оказался для меня очень неприятным, он перечеркивает многие ваши плюсы — в этот приезд я ощутил здесь напряженность и страх... Вообще, если исходить из древнего арийского языка, то «ра» — это свет. Именно свет дает жизнь и энергию. А все, что неподвижно, имеет сочетание «ст». Вот и получается, что страх — это остановка света. Значит, просветление при страхе невозможно. Да, можешь стать умным, но никогда не будешь разумным. Потому что разум — это просветление. А вот его в Беларуси становится все меньше. Потому что есть страх. Отсюда и недоверие к руководству, которое вроде правильные вещи иногда говорит. А «доверие» — от слова «вера» и опять-таки созвучно слову «свет», которое должно быть определяющим для всех славянских народов.

Вообще говоря, программа развития славянской страны должна опираться на те секреты, которые заложены в наших языках и которых нет в языках Запада. Западные языки хороши для торговли, войны, передачи информации и работы на компьютере. Однако мы перестаем слышать собственный язык, перестаем знать ту информацию, которая была изначально заложена в языке. И нам кажется, что надо ложиться под западную демократию. Но «запад» — это «падать», а «восток» — это «восходить». Потому-то мне нравится, что ваш президент так сопротивляется, правда, сам четко не может сформулировать, чему именно. Он, например, совершенно искренне ненавидит торговцев, правда, борется с ними не верно. Мне по душе, что он ненавидит спекулянтов, мелкий и крупный бизнес — кроме своих собственных бизнесменов, работающих вместе с ним.

— А Вы не думали, что речь идет о подмене понятий, когда, например, тот же Лукашенко говорит, что Запад поливает грязью белорусов, — ведь на самом деле критикуют не народ, а только лидера и его приближенных.

— О приближенных мне говорить не интересно. О них лучше всего сказал Пушкин: «Он чином от ума избавлен». Даже и ум, вроде, может быть, но как только получаешь чин, так ума лишаешься. Что же до Лукашенко... Вот говорят, что после инаугурации он в очень плохом расположении духа находится...

— Говорят, что оно его посетило сразу после выборов — как только ему доложили об истинных результатах выборов.

— Думаю, тайная причина иная. Ведь любой человек чувствует, в чем он не прав, а признаваться себе не хочет! Это-то упрямство и делает людей несчастными. Наверное, именно в таком положении и оказался теперь ваш президент. Это же ведет к очень плохому состоянию духа, а значит, и здоровья.

У Лукашенко очень неплохая от природы натура, но в силу ошибок она очень очернила и испортила самое себя. Потому-то у вашего президента будет весьма тяжелое время. И я бы на месте вашей оппозиции больше и на улицы не выходил бы, и вообще никак бы не сопротивлялся. Потому что, как только оппозиция начинает что-то предпринимать, она сразу укрепляет существующую власть, она укрепляет мелких чиновников и генералов КГБ, которые, выслуживаясь, бросают оппозицию в тюрьмы. А им просто не надо давать повода это делать! Не надо давать им повод для радости! И тогда система развалится сама.

— Вы уверены, что сама?

— Да. Ведь если человек делает кому-то плохо, а тот не отвечает, то деградирует и перестает существовать тот, кто плохо поступает. Я знаю многих артистов, которые, злословя, потеряли свой талант. И это очень известные артисты. И когда борются друг против друга, тоже теряют силу. Выигрывает тот, кто терпит и все выдерживает.

— Но терпим-то уже больше десяти лет!

— Вы не терпите — вы бузите. Мелко и безо всякой программы. У вас же, например, нет своей четко построенной экономической программы развития отношений с Россией, кроме как: «Давайте подешевле купим газ!»

— Так Вы же о программе Лукашенко говорите.

— Этой программы нет и у оппозиции, поскольку нет выходов на Черномырдина. *(Смеется.)* А вот если бы оппозиция сказала: «Да, господин Лукашенко, Вы правы насчет того, что мы должны сохранить свое лицо, свою солнечность, что мы должны дружить с Россией, а от Запада взять самое лучшее — то, как они умеют строить гостиницы, аэропорты и мостить дороги, но мы не должны ложиться под Голливуд, фастфуд, попкорн и попсу...» Надо просто сказать президенту: мы согласны с такими-то направлениями, но методы предлагаем другие. И все, уверен, можно будет решить без бузы. Пока же у вас два барана уперлись на маленьком участке земли... Вообще, я сейчас говорю с позиций разума. А в оппозиции много людей просто умных. Про власть вообще не говорю — там и умных-то маловато.

— Но неужели Вы думаете, что, если бы к власти пришла оппозиция, отношения с Россией были бы разорваны?

— Я так не думаю. Но знаете, почему Беларусь стала Западу поперек горла? Да потому что рынок не открывается, потому что бабок нельзя сорвать с Беларуси! Им по фигу ваша демократия или недемократия! И когда как раз сейчас Беларусь не сдает своих позиций, вот тут бы и появиться новому мышлению, которое продолжило бы то хорошее, что есть сегодня, и то, что я определил словом «векторы». Необходимо выработать новую тактику, оставив главное — стратегию. Потому что цензура и издевательство над толпой — это тактика. А дружба с Россией и нежелание ложиться под западную попсу — это стратегия. И сегодня, когда космос задержал Лукашенко на третий срок...

«Дутый авторитет». Х. Бидструп

— А, может, не космические силы задержали?

— Нет, он не от темного мира к вам посажен, потому что у него улыбка не бесовская и векторы — светлые. И за те годы, что он будет еще президентом, самое время народиться правильному пониманию обстановки. Революция никогда ничего хорошего не приносила. Но и белорусы — другой народ. Они не будут счастливы, как сегодня украинцы, от того, что у них в гостиницах американцы живут — не «москали» к нам приехали, а из Нью-Йорка! А, между прочим, «москали» знали Шевченко наизусть. Никто же из иностранцев даже не подумает о том, что Гоголь родился на Украине. А мы не только изучали украинских писателей, но и любили! Поэтому зовите, когда появится новое мышление.

— Но если оно не появилось за предыдущие тринадцать лет, откуда ему теперь-то взяться?

— Возможность для этого дана. Остается только надеяться. А вдруг кого-нибудь «торкнет» наш с Вами разговор и он подумает: а на фига я хожу на демонстрации, когда совсем по-другому надо все делать!.. Вот в Украине многие сейчас говорят: «Нас обманули!» А ведь с каким удовольствием выходили на Майдан! А за Ельцина сколько раз ходили?! И что?! Когда вы видели, чтобы демонстрации хорошо заканчивались, даже если власть в результате менялась?

— В этой связи мне импонирует высказывание Светланы Алексиевич: каждый должен заниматься своим делом, а, если все окажутся на баррикадах, кто потом будет тачать сапоги и лечить зубы?

— Замечательно сказано! И поэтому я предложил бы иначе построить сам избирательный процесс. Избирать надо не так, как на Западе. Запад же дурит. Он электорат превратил в демоническую массу. Людьми, когда они выбирают, руководит агрессия. И за кого обычно голосуют? У кого денег больше. Но что это за строй, когда побеждает тот, у кого больше денег?!

— В этом смысле умиляет ваша Госдума — там бедных днем с огнем поискать.

— Поэтому самое смешное для меня, когда они всерьез обсуждают вопрос зарплаты — такое ощущение, что только на нее они и живут! Сегодняшняя демократия — это приход к власти ворюг и людей, не ценящих свой народ. Я преклоняюсь перед российскими демократами — мы были нищими, но они сумели нас обокрасть! Для этого надо быть гениальными. У вас этого пока нет.

— А откуда Вы знаете?

— Вы сначала покажите мне счета Лукашенко. Я и про Путина это слышал...

— Знаете, с чего начались проблемы той же «Белорусской деловой газеты»? После того как газета стала

писать о доходах высшего руководства. Это известный факт, что денег от продажи оружия белорусская казна не видит. Министр финансов публично признал это. Между тем у Лукашенко есть собственный фонд, никем, кроме него самого, не контролируемый...

— Вы хотите свести счеты с Лукашенко или хотите, чтобы ваша страна хорошо жила? Вы все время рассказываете мне гадости о вашей власти. При этом Вами руководит агрессия. Вы постоянно пытаетесь их уличить...

— Так деньги должны быть у народа, а не лично у кого-то!

— Если Вы хотите поправить ситуацию в своей стране, то надо думать о положительном начале, а не об отрицательном. Мне неинтересно, сколько у Лукашенко денег. Меня волнует, чтобы ваши рабочие в будущем могли получать зарплату. И чтобы Беларусь оставалась страной работающих людей, а не страной торговцев. Ведь какой основной минус России? Всем у нас руководят торговцы. Творец же создал людей по своему подобию. Поэтому люди должны быть творцами. Те, кто не творит, они — твари. В Беларуси нет пока руководства тварей-торговцев. У вас есть власть «демоса», то есть демоническая власть. Поэтому я и предлагаю вам совершенно другую систему...

— Но Вы же слышали, как проводились выборы в Беларуси...

— Я говорю Вам о том, что можно сделать, а Вы мне — с кем надо свести счеты и кого наказать! Вы находитесь на позициях Лукашенко. Что он, что ваша оппозиция — все одинаково мелко мыслят! Или Вы предлагаете отнять деньги и поделить их? Но для страны, для ее будущего это не имеет ровно никакого значения, пусть даже украли двадцать миллиардов! Все равно никто эти бабки вам уже не отдаст. И успокойтесь ходить на демонстрации с этим. Потому что это — агрессия. Для светлого будущего она не может быть подспорьем.

Поэтому и предлагаю наладить новую формулу выборов — по профессии. Что это значит? В каждом районе есть столько-то школ, поликлиник и заводов. Значит, и в думе должен быть такой-то процент от учителей, медиков и рабочих. Ведь, например, те же медики никогда не выберут в депутаты хорошего хирурга — они изберут того, кто хорошо поставил хозяйственную работу в больнице. И этот государственный строй будет называться не демократией, а самоуправлением. И тогда надо будет начисто перечеркнуть все партии. Лично мне противно смотреть на партию российских демократов, которые думают только о том, как откусить от казны кусок побольше. Если Немцов и Хакамада против Лукашенко, я уже автоматически за него. Если латвийские и эстонские демократы против Лукашенко, я — за него. Потому что у всех них свои корыстные интересы... Но я пошутил сейчас.

— И слава Богу.

— Тем не менее в этой шутке есть доля правды. Что же до предложенной мною системы выборов, то внедрить в России ее невозможно — у нас за это убьют, а в Беларуси, уверяю Вас, возможно.

Совет построения счастливой жизни от Михаила Задорнова

Страна — Россия это, Беларусь или Украина — должна построить свою жизнь так, как я построил свою. Во-первых, я почти всегда улыбаюсь, я почти всегда в хорошем настроении. На меня совершенно не действуют политики. Они не вызывают у меня антипатии, поскольку я знаю, что мое счастье, благополучие моей души — внутри меня. И никакой Лукашенко, никакой Путин счастья мне не дадут. Я на них просто не надеюсь и в гробу их всех видал!

Во-вторых, надо учиться видеть лучшее, что есть у других. У евреев я научился умению владения профессией, поскольку практически все сатирики — евреи, очень хорошо владеющие профессией построения юмористической фразы. Я построил себе небольшой аккуратный домик с учетом того, как Запад это умеет делать. У латышей я научился умению создавать уют в доме. У американцев и опять же латышей — как строить банный комплекс, но с учетом специфики русской бани. Восточная философия — это практика для души. Чтобы иметь силы выступать сразу после авиаперелета, я десять минут медитирую. Или занимаюсь йогой, чтобы быть абсолютно свежим после четырех часов сна…

Вот так и страну свою надо строить — брать, не стесняясь, ото всех все лучшее. И только душу свою оставлять славянской.

— Да никто не станет этого делать.

— Надо хотя бы начать разговор об этом. Сведение же счетов к хорошему не приведет.

— А что касается давно пропавших Виктора Гончара, Анатолия Красовского, Юрия Захаренко, Дмитрия Завадского, в причастности к организации убийства которых подозреваются некоторые высшие должностные лица, — Вы предлагаете забыть это?

— Нет, этого забывать не надо. Но я не готов обсуждать эту тему, поскольку не знаю всех обстоятельств. Знаю лишь одно: если все так, как Вы говорите, это само проявит себя в

будущем. Если власти действительно расправились с кем-то, то имейте в виду, что они сами себя заклеймили в истории и хуже Вы им уже не сделаете. Они сами испортили свою жизнь, поскольку, когда человек совершает такой поступок, он притягивает темную энергию и становится убийцей на всю жизнь. Поэтому оставьте их на суд Божий. Ничего страшнее быть не может. Они не верят в Бога, а верят в деньги. Поэтому их жизнь страшна и без того.

— На это и надежда.

— Не надо на это надеяться — это само собой произойдет. Так всегда в истории было. Просто никто из сегодняшних богатых людей не понимает, что счастье не в деньгах. Богатство — это прикрытие собственного комплекса неполноценности, это самоутверждение при отсутствии таланта. «А я богат!» — и пальцы врастопырку! Но Окуджава, например, никогда не носил золотую цепь. И Высоцкий перстни тоже бы не надел. И Толстого очень трудно представить с золотой люстрой в кабинете, где он пишет «Анну Каренину».

— Кстати, Вы же знаете, что последние пять лет своей жизни Василь Быков прожил за границей именно потому, что не принимал этот режим?

— Конечно, это показательно. Но показательно и то, что его вышел хоронить белорусский народ. Никогда в Америке не выйдут хоронить писателя, да еще такого, которого не показывали каждую субботу по телевидению! Они пойдут хоронить только голливудскую звезду.

— И показательно, что Лукашенко не пошел на эти похороны.

— Чего Вы привязались к нему?! Вам о будущем народа надо думать, о будущем страны! А Вы — о Лукашенко да о Лукашенко! Вот же зациклился!.. С таким зацикливанием нельзя выйти вверх, поскольку все разговоры о Лукашенко — это горизонтальное мышление. Даже если он такой, как Вы говорите, — все равно это горизонталь. Поэтому у белорусов ничего и не получается... А я Вам говорю: у вас библиотека построена! А, между прочим, у нас дети олигархов по-русски не умеют читать...

— Так что, Михаил Николаевич, все-таки пожелаете белорусам?

— Вот это вопрос уже по существу! *(Смеется.)* Во-первых, вчитаться в это интервью. И приехать ко мне оппозицией — но не прозападной! — чтобы поговорить. И тогда я бы посоветовал, как вам, сохранив наши замечательные отношения, прийти к вертикальному развитию страны. Потому что, если Россия рассорится с Беларусью, конец света приблизится. Один лишь положительный момент будет в этом — тогда Путин уволит Чубайса.

— А Вы не хотите принять белорусское гражданство и баллотироваться в президенты? Тогда бы и реализовали свои идеи.

— Я не имею права заниматься не своим делом. Мне кажется, что моя задача состоит в том, чтобы снимать с людей гипноз, поставленный государством и отформатированными журналистами — я не Вас я имею в виду, извините... Когда-то Никита Михалков пошел при мне к своему священнику. Перед этим же я спросил: «А ты не хочешь стать министром культуры?» И вот Михалков говорит священнику: «Снова искушение было...» Батюшка замечательно ему ответил: «Конечно, на месте министра культуры кое-что хорошее ты можешь сделать. А как режиссер ты еще сделаешь нечто». Вот и я лучше попытаюсь сделать нечто, чем кое-что. *(Смеется.)*

Кстати говоря, я абсолютно не сторонюсь критики. Вот мне в интернете приходит до трех тысяч писем в месяц. Я сказал своим помощницам: панегирики, пожалуйста, выбрасывайте, этого я уже наслушался, нефиг мне свое тщеславие тешить, а если есть конструктивная критика — давайте. Правда, в последний раз одна моя помощница перестаралась и столько гадости нанесла, что я сказал: но не до такой же степени! Все-таки надо немножко щадить человека!.. И если против меня борется второй телеканал, я не борюсь против него. Свой рейтинг он от этого теряет, мой же только увеличивается, потому что их удары против меня — это кулак в пустоту. Они ударили — пустота. Значит, думают, надо сильнее ударить. Разбежались, ударили и — упали, поскольку и там пустота. И хотя это самонадеянное заявление, но мне кажется, что у меня надо учиться строить свою жизнь. Тогда люди будут счастливы. Ведь я чаще пребываю в хорошем настроении, чем олигархи с Рублевского шоссе.

— В Минске Вы встречали счастливых людей?

— Хотя атмосфера у вас действительно подавленная и нет прежнего кайфа и драйва, но счастливые лица я видел — как раз на главном вашем проспекте. Кстати сказать, мне безумно приятно, когда люди, завидев меня, начинают улыбаться. Значит, мне нельзя становиться политиком, иначе люди при встрече со мной будут мрачнеть. А «мрак» — от слова «смерть», «смерть света»... Вот видите, как интересно можно жить, если не занимаешься политикой. В противном случае сумел бы я разгадать эти слова? Никогда в жизни! Меня трясло бы от ненависти, и я никогда бы не дошел до тех истин, которые и помогают мне жить... Вот мне написала письмо одна женщина: «Я была в депрессии, но посмотрела по телевизору ваш концерт и отошла. Однако это же настроение скоро пройдет. Посоветуйте, что делать». Я ответил: «Сделайте кому-то что-то приятное, но не родственникам. И напишите». Через двадцать дней получаю новое письмо: «Наверное, Вы действительно понимаете в жизни что-то такое, чего не понимаем мы. По Вашему совету я уже неделю кормлю по утрам беспризорника. Депрессия прошла...» Вот вашей бы оппозиции подумать о том, как быть полезными, а не как противостоять. И у вас все пойдет.

Михаил Пастухов: «Судьба распорядилась выдать мне дело о “белых пятнах” в белорусской прессе»

Как и следовало ожидать, автобиографическая публикация о «нашем профессоре и подполковнике» вызвала интерес у читателей «Абажура». И мы попросили Михаила Ивановича Пастухова продолжить рассказ о недавнем прошлом — времени, сформировавшем многих из нас и в каждой судьбе оставившем неповторимую отметину.

Работа в должности судьи Конституционного Суда для Михаила Пастухова была этапом, решающим судьбу страны.

Начало было трогательное…

В первый состав Конституционного Суда Беларуси 28 апреля 1994 г. в результате многоэтапного отбора кандидатов (претендовали на эти места более 40 квалифицированных юристов) было избрано девять судей. Две вакансии оставались свободными долгих два года.

В числе «счастливчиков», попавших в Конституционный Суд, оказались (по алфавиту): Григорий Василевич (пришел из Президиума Верховного Совета); Ксения Кеник (из Минского городского суда); Михаил Пастухов (из Института национальной безопасности); Валентина Подгруша (из Министерства юстиции); Николай Середа (генерал МВД, депутат Верховного Совета); Валерий Тихиня (депутат Верховного Совета); Станислав Тишкевич (из Академии МВД); Валерий Фадеев (из юридического управления Совета Министров); Римма Филипчик (из Верховного Суда).

Сразу после избрания новоявленные судьи Конституционного Суда принесли присягу на верность Конституции Республики Беларусь. Основное назначение Конституционного Суда этой присягой и определялось: он должен был обеспечивать соответствие Конституции нормативных актов, принимаемых всеми государственными органами начиная от Президента (выборы которого только планировались в мае 1994 г.) и заканчивая местными органами самоуправления. Другими словами, главная задача Суда состояла в том, чтобы не допускать принятия актов, которые бы нарушали Конституцию, в том числе конституционные права и свободы граждан.

Предполагалось, что Суд будет рассматривать и жалобы самих граждан в случае нарушения их прав и свобод. Но при окончательной доработке Закона о Конституционном Суде депутаты «освободили» судей от этой объемной и обременительной работы, отложив решение вопроса на более поздний срок. К слову, этот вопрос не урегулирован до сегодняшнего дня. Можно лишь догадываться, по какой причине.

За Конституционным Судом закреплялось право обращаться в вышестоящие органы с предложениями принять, изменить или дополнить законодательство в той или иной сфере. Этим правом Суд иногда пользовался.

У Суда было также почти мифическое полномочие, которое формулировалось так: «…по предложению не менее 70 депутатов Верховного Совета дает заключение о нарушении Президентом Республики Беларусь Конституции». При этом с момента вынесения заключения Конституционного Суда о нарушении Конституции «Президент не может исполнять свои обязанности до вынесения Верховным Советом соответствующего решения» (ч. 2 ст. 104 Конституции 1994 г.).

Правом на обращение в Конституционный Суд наделялись уполномоченные субъекты. К ним относились: Президент; Председатель Верховного

Совета; постоянные комиссии Верховного Совета; не менее 70 депутатов Верховного Совета; Верховный Суд; Высший Хозяйственный Суд; Генеральный прокурор. Учитывая, что эти субъекты могли не проявлять достаточной активности в поиске неконституционных актов, Суд наделялся правом по собственной инициативе проверять акты любого государственного органа на предмет соответствия Конституции.

На первых порах именно это право Суда стало основой его деятельности, поскольку уполномоченные субъекты «молчали». По предложению В. Г. Тихини, избранного временно исполняющим обязанности Председателя Конституционного Суда (до избрания Президента), судьи КС изучали действующее законодательство на предмет поиска «неконституционных актов». И, конечно, нашли ряд сомнительных положений.

Первой задачей Конституционного Суда стало дело о соответствии Конституции норм Кодекса законов о труде, которые допускали увольнение работников по инициативе администрации в связи с достижением пенсионного возраста. Инициатором дела и судьей-докладчиком при рассмотрении выступил Григорий Василевич. Решением от 23 сентября 1994 г. Суд признал такие нормы дискриминационными, подчеркнув, что они расходятся не только с конституционным правом граждан на труд (ст. 41), но и с Рекомендациями МОТ № 162 «О пожилых трудящихся». Решение было дружно поддержано всеми судьями и, конечно, лицами, достигшими пенсионного возраста, которых Суд защитил от притеснений администрации.

До вступления в «войну» с Президентом в составе Конституционного Суда царила просто идиллия. Мы получили здание в центре Минска, каждому судье был предоставлен комфортабельный кабинет, помощник. Статус судьи приравнивался к статусу члена Президиума Верховного Совета с соответствующей зарплатой и иным обеспечением, выделялся легковой автомобиль с водителем-охранником.

Судьи подружились, ходили друг к другу в гости, отмечали дни рождения. У меня до сих пор хранится ваза, которую мне подарили судьи-коллеги на мой 37-й день рождения...

Размежевание среди судей началось, когда на политическую сцену вышел Президент со своей командой и стал проводить только ему понятную политику. На долгие месяцы затянулся вопрос о назначении Председателя и его заместителя. Запомнилась многочасовая встреча с Президентом по поводу выстраивания его «вертикали» с просьбой не мешать ее строительству. Между тем в производстве Конституционного Суда уже находилось дело, непосредственно касающееся этого вопроса. И такой разговор был не чем иным, как недопустимым воздействием на Суд с целью склонения его к принятию угодного решения.

И надо признать, что после того разговора конституционные судьи приняли паллиативное решение, не запрещающее Президенту назначать председателей исполнительных комитетов с последующим утверждением их на сессиях местных Советов депутатов.

Дальше были перипетии, связанные с незаконным захватом Президентом здания Верховного Совета Республики Беларусь (где раньше размещался ЦК КПБ). Сделано это было на основании распоряжения Президента. По предложению Председателя Верховного Совета М. И. Гриба Конституционный Суд начал производство по этому делу. Узнав об этом, Президент отменил свое распоряжение, о чем поставил в известность Конституционный Суд. Когда «страсти» улеглись, другим распоряжением с грифом «ДСП» Президент решил те же вопросы. В результате депутаты Верховного Совета остались с «носом»: без своего здания, без автопарка, без всего. Их обеспечением стало заниматься Управление делами Президента.

И Конституционный Суд «умыл руки» — сослался на то, что он-де не рассматривает ненормативные акты, к тому же носящие «служебный» характер. Хотя мог и должен был вмешаться в тот «передел собственности» между Президентом и Парламентом.

В общем, в то время кресло судьи КС было не только мягким и уютным, но еще и... электрическим.

Мое первое дело

Я долго присматривался к работе «старших» товарищей, учился, как они «шьют» дело, какова процедура его рассмотрения, как себя вести в качестве судьи-докладчика. И вот судьба распорядилась выдать мне дело о так называемых «белых пятнах» в белорусской прессе.

Это дело было инициировано многочисленной группой депутатов Верховного Совета, в том числе С. Наумчиком, И. Герменчуком, В. Заблоцким, П. Садовским, Г. Семдяновой, О. Трусовым. Поводом послужил известный многим и подзабытый уже

многими факт, когда по указанию Администрации Президента (а конкретно — начальника главного идеологического управления А. Федуты) было «не рекомендовано» печатать в государственных типографиях газеты с выступлением депутата Сергея Антончика на сессии Верховного Совета. Антончик рассказывал о фактах коррупции в окружении Президента. Ряд независимых газет на следующее утро вышли с «белыми пятнами» на местах, где должен был размещаться доклад. Насколько я помню, выступление С. Антончика удалось опубликовать только одному изданию — «Газете Андрея Климова». Вскоре эта газета была закрыта.

Какие акты подлежали проверке в Конституционном Суде по этому делу? Депутаты, инициировавшие вопрос в Суде, полагали, что «белые пятна» стали возможными из-за президентского указа о передаче издательства «Белорусский Дом печати» в ведение Управления делами Президента. Замалчивание же фактов коррупции в окружении главы государства, по мнению депутатов, произошло по той причине, что, по президентскому указу, Национальная государственная телерадиокомпания подчинялась исключительно Президенту Республики Беларусь. Депутаты считали, что монополизация президентской властью самого крупного полиграфического предприятия страны, как и единственной общенациональной телерадиопередающей станции, создали предпосылки для грубого нарушения права граждан на свободу выражения мнений и убеждений и свободу получения, хранения и распространения информации о деятельности государственных органов (ст. 33 и 34 Конституции).

Как видите, дело оказалось не из простых. Депутаты настаивали на признании неконституционными двух президентских указов, а также на реорганизации субъектов хозяйствования, которые занимали монопольное положение в соответствующих сферах.

Как судье-докладчику мне удалось найти специалистов, которые согласились ответить на существенные для разрешения дела вопросы. Ими оказались: А. А. Головко, профессор, заведующий кафедрой конституционного права БГУ; Б. В. Стрельцов, профессор кафедры теории и практики современной журналистики БГУ; Л. Г. Русак, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Академии управления при Кабинете Министров Республики Беларусь; Н. Н. Довнар, адвокат Минской областной коллегии адвокатов, руководитель Центра правовой помощи журналистам и писателям; И. Н. Лапша, главный специалист отдела сравнительного правоведения Белорусского института государственного строительства и законодательства.

При рассмотрении дела в Суде важное значение имело заключение Министерства по антимонопольной политике о том, что издательство «Белорусский Дом печати» занимало доминирующее положение на рынке газетной продукции с долей 82,4 %. Такое положение могло привести к злоупотреблению со стороны предприятия-монополиста и нарушить права других субъектов хозяйствования, а также граждан в той или иной сфере.

Суд, основываясь на мнениях специалистов, однако, не усмотрел нарушения законодательства в том, что глава государства своим решением передал данное издательство из подчинения Кабинета Министров в состав Управления делами Президента (вопрос о конституционности создания этого управления в этом деле не рассматривался).

Что касается правового статуса Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь, определенного президентским указом, то Суд признал недопустимым сочетание в одном лице функций центрального органа управления и средства массовой информации. Кроме того, Министерство по антимонопольной политике Республики Беларусь и специалисты признали Белтелерадиокомпанию монополистом в своей сфере, что вступает в противоречие со ст. 33 Конституции.

В своем решении от 14 апреля 1995 г. Конституционный Суд потребовал устранить доминирующее положение субъектов хозяйствования и провести реорганизацию Национальной государственной телерадиокомпании Республики Беларусь.

Честно скажу, что принятым решением по первому моему делу я остался недоволен. Оно, на мой взгляд, было сформулировано обтекаемо. Из него не следовало, что из-за действий президентской власти и подчиненных ей субъектов хозяйствования были грубо нарушены основные свободы граждан.

На меня возложили обязанность контролировать исполнение данного решения. Периодически я направлял в Белтелерадиокомпанию уведомления о необходимости принятия соответствующих мер. Но все было тщетно. Дошло до того, что, по предложению Председателя Конституционного Суда, был поставлен вопрос о привлечении руководителя Белтелерадиокомпании Г. Киселя к уголовной ответственности за неисполнение решения Суда.

Но Национальная телерадиокомпания так и осталась в неизменном виде. Правда, Положение о ней было принято в новой редакции, но с прежними «родимыми пятнами».

Продолжение в следующем номере

Пятая колонна врагов народа

Леонид МИНДЛИН

НЛП (нейролингвистическое программирование) — это разновидность суггестивной психотерапии, направленной на изменение личности.

Википедия

НЛП. Якутское ретро

1983 год. Якутия, река Вилюй. Пристань райцентра Вилюйск, к которой пришвартовался наш лихтер. Два местных аборигена — старик и старуха — вахтенный персонал причала. Разгар служебного конфликта, под аккомпанемент корабельной сирены.

— Где (б…) бутылку (е…) заныкал (х…), однако?

Бабка во всю использовала разновидность суггестивной психотерапии, чтобы повлиять на личность старого якута.

Спустя 25 лет писатель Виктор Пелевин назовет такого рода лексику боевым НЛП *(см.: Пелевин В. П5: прощальные песни политических пигмеев пиндостана. М.: ЭКСМО, 2008. С. 94–98).*

Старая якутка владела боевым НЛП в совершенстве. Била деда на поражение. Ее лексика отражала всю историю колонизации Севера. Царская империя принесла сюда культуру мата и водки. Советская империя добавила ГУЛАГ и уголовную феню. Так возник языковой микст, объединявший титульную нацию с нацменьшинствами. Даже спустя два десятилетия после распада СССР этот синтез мата и фени — боевое НЛП — универсальное средство общения на постсоветском пространстве, от Балтики до Памира.

Впрочем, на «изменение личности» деда боевое НЛП «суггестивно» не действовало. Лингвокомпозиция из ударных глаголов и существительных не пробивала таежное сознание. Оно было хорошо адаптировано к великому и могучему.

— Ну, чо (б…), однако (х…), — вяло отбивался дед, — нет бутылки (е…). Сама ж с кумом пила. Чо ж теперь делать? — задал вечный российский вопрос дед.

Историческая справка. В Вилюйск в середине XIX века сослали революционного демократа Николая Чернышевского. Здесь он написал роман-утопию «Что делать?», чем озадачил либеральную мысль на добрый век. Ответ на этот вопрос искали при царях и генсеках. Ищут на постсоветском пространстве, ухитряясь каждый раз превратить утопию в реальную антиутопию. А в реальных антиутопиях первичен другой вопрос: «Кто виноват?» *(См.: Дж. Оруэлл «1984»; Е. Замятин «Мы»; «Краткий курс истории ВКПБ»; За кулисами одного заговора // СБ: Беларусь Сегодня. 2011. 14, 15, 21 янв.)*

В 1983 году на пристани райцентра Вилюйск бабка ответ знала.

— Ты (б…), однако (е…), масон (х…), сионист. Про таких партийный начальник в телевизоре говорил, что они — главные враги народа после Америки и китайцев.

Стойко державшийся до сих под шквалом боевого НЛП дед рухнул:

— Ну ты чо, старая, перед людьми срамишь. Не заныкал я ее. Чо я, падла некрещеная, один пить!

И апеллируя к нам, свидетелям его позора:

— Шаману на нее обиду скажу. И попу. Сионист! Масон!!! Я соболя в глаз бил бабам начальников из Якутска на шапки.

— На! — выхватил он бутылку, поставил на тумбу для швартовки и отвернулся, возмущенно пыхая трубкой.

— Что за слова вы такие обидные сказали деду? — спросил я. — Что они значат?

— Не знаю, однако, — угрюмо отвечала старуха. Похоже, она не ожидала такого мгновенного и устрашающего результата. — По телевизору говорят, что это плохие люди. Всё Америке и китайцам продать хотят. Даже тайгу. Сюда раньше врагов народа привозили, а сейчас вот этих.

Эффект суггестивного воздействия с помощью нейролингвотехнологии «ключевых слов» был налицо. Бабка отвоевала как минимум полбутылки спирта. Деду его «измененное сознание» будет каждый раз напоминать, что заныкать бутылку может только масон и сионист, плохие люди.

Ключевые слова — одна из психотехник НЛП — были надежно внедрены в сознание советского человека, формируя этот социальный феномен. Над ним трудились закрытые НИИ, партийные идеологи, Останкинский телецентр, телекоммуникационная сеть «Орбита» и прочая медиарать.

Так через вопрос: «Кто виноват?» — советская власть находила ответ на другой вопрос: «Что делать?» В 80-е годы мы видели на Севере этот ответ — заброшенные гулаговские «зоны», не сгнившие в вечной мерзлоте. Здесь обитали призраки врагов народа.

Враги народа. Ретроспектива

— Кого мы называем врагами унутренними? Скажи хотя бы ты, Овечкин.
Овечкин вскакивает и радостно кричит:
— Так что бунтовщики, стюденты, конокрады, жиды и поляки!
А. Куприн «Поединок», 1906 год

Несколько лет назад лингвосвязка «враги народа» вернулась в политическую лексику Республики Беларусь. В ее исконно гулаговском значении. Без всяких кавычек. Глава государства построил врагов народа — прежде всего оппозицию — в пятую колонну. Нужно было списать на кого-нибудь экономические и прочие грехи. И предъявить обществу.

В 2007 году тогдашний шеф КГБ (ныне министр обороны) озвучил количество оппозиционеров, заключенных в компьютерной базе спецведомства. Таковых в «электронной американке» числилось 1767.

Западного политолога — исследователя трансформации на постсоветском пространстве — цифра вдохновила. Приглядывают, но не сажают. Это укладывалось в его концепцию «мягкой диктатуры», авторитарного режима с человеческим лицом, который эволюционно трансформируется в управляемую демократию. Эта демократия подкормится западными кредитами,

технологиями, ценностями и станет вполне приемлемой. Хоть ты ее вози на подиумы в Брюссель и Страсбург.

Потом случилось 19 декабря 2010 года. Из «электронной американки» кое-кого из 1767 оппозиционеров этапировали в реальный СИЗО КГБ, а потом на «зоны». Трансформация пошла в обратном направлении — к прошлому! Снова понадобились враги народа. А если их нет, нужно придумать... Нейтральное понятие «оппозиционер» заменить на категоричное «враг». Сочинить о нем легенду. Сшить дело... Так, как их шили при советской власти.

В 1988 году я работал над видеофильмом «Семейная история 1938 года». Фильм был заявлен в телевизионном цикле под рубрикой «За перестройку и гласность». Уже появилась взорвавшая общество статья З. Позняка и Е. Шмыгалёва «Дорога на Куропаты». Страна узнавала страшную правду об СССР : архипелаг ГУЛаг, мрачные кремлевские тайны, афганская война...

«Какая разнообразная жизнь пошла! Интересно, лет на десять хватит этой демократии?» — размышлял Александр Потупа, тогда еще физик-теоретик и уже зачинатель издательского бизнеса в БССР. И резюмировал, обращаясь ко мне: «Как бы тебе, старик, не пришлось снова снимать инопланетян и летающие тарелки».

Экономические и политические прогнозы, увы, подтвердились еще при жизни А. Потупы. С демократией разобрались в 1996 году. Инопланетян я тоже снимал. Они приземлились в Минске после президентских выборов 1994 года. Такие вполне гуманоиды из глубинки.

Но все это еще будет. А пока на календаре 1988 год, и мы с режиссером Галей Зайцевой снимаем семейную историю, случившуюся 50 лет назад.

Довоенный Минск. Молодая семья. Он — помощник машиниста паровозного депо. Она — табельщица вагонного депо. Двое малышей и незатейливые радости 30-х годов. 1 мая и 7 ноября ходят на демонстрации. Он и она в колонне физкультурников. Потом вечеринки — с патефоном, с вошедшей в моду «Рио-Ритой». Он — молодой коммунист, ударник. Свято верит, что «наш паровоз вперед летит — в коммуне остановка! Иного нет у нас пути».

Оказывается, был.

В Минске идут аресты. НКВД проводит их системно — по графику и профессиям. Днем город строит социализм. Вечером за строителями будущего приезжают «воронки».

...Мы снимаем рассказ дочери. Точнее, отрывки-воспоминания четырехлетнего ребенка и то, что помнит она — уже мама и бабушка — со слов своего отца.

— Он пришел поздно. Сел. Сказал: «Меня исключили из партии. Наверное, ночью приедут. Здесь с детьми не оставайся». Ночью постучали в дверь. Мы с братом проснулись, увидели, как чужие люди ходили по комнате. Не торопясь. Мало говорили. Ничего не искали. Ничего не писали. Потом маме сказали: «Одевайтесь, вещей много не берите». И увели. Папе сказали: «За нами не ходи, останься с детьми».

Он ее увидел еще раз. На станции Минск-Пассажирский были пути, где стояли вагоны для перевозки арестантов — «столыпины». Ее вели в группе заключенных. Она что-то кричала. Конвойный замахивался прикладом... И все.

Помощника машиниста оставили на работе. Он воевал в паровозной колонне особого резерва

НКПС. На прифронтовых рокадах за ними гонялись немецкие самолеты. Он был ранен, когда из винтовки стал палить по истребителю. Вернулся в Минск. Вырастил детей, так и не женившись...

Она показывает фотографии мамы. Маме — 18 лет. Такая большеглазая комсомолочка в берете. На обратной стороне надпись: «Панночка Зося. С этого дня моя жена». И дата: 1933 год.

Только после смерти Сталина, расстрела Берии и прочих перемен он решился узнать о судьбе жены. В 1955 году пришел ответ: гражданка (ФИО) умерла в лагере от туберкулеза. И еще одна бумага — о реабилитации. Они перестали быть ЧСИРами — членами семьи изменников родины.

Я спросил, какой был приговор.

— 10 лет без права переписки. Больше ничего не сказали. Ни где похоронена, ни, может, какие письма остались... А может, вы поможете? Телевидению не откажут...

Полученный в 1955-м ответ был официальной ложью на бланке с печатью.

Прокурор Белорусского военного округа А. Глюков по нашей просьбе затребовал дело из архивов КГБ. Спустя неделю Глюков показал мне тоненькую папочку:

— Снимать не могу разрешить. Не моя компетенция. Читай, выписывай!

«Дело» состояло из пяти листочков...

Постановление об аресте. Типовая форма с печатью. Следующий бланк: «Чистосердечное признание» — это заглавие набрано шрифтом. Со дня ареста прошла неделя — и это первый допрос. Она собственноручно признается в связях с польской разведкой, называет еще 10 человек, которых завербовала.

— Разнарядку органы выполняли, — объясняет Глюков. — Точно так выбивали показания у офицеров округа. Мы поднимали эти дела и даже разговаривали с теми, кто их вел. Указания были сверху: столько-то вредителей и шпионов по ВВС, столько-то в бронечастях, столько-то в штабе округа. Если хорошо сшил дело — есть организация, есть признание, — будут звания, будут ордена.

Еще два листка, исписанные корявым почерком следователя. «Со слов такой-то...» — и дальше словесная абракадабра полуграмотного чекиста.

— Кадровый дефицит там был, — объясняет Глюков. — Они ведь друг друга тоже сажали, расстреливали. И прежде всего шибко грамотных — те иногда задумывались.

Последний листок — бумажная четвертушка, разделенная на две части. Слева — ФИО осужденной, статья приговора. Справа: «Приговор приведен в исполнение». Дата, ФИО начальника отдела НКВД.

Меня потрясла тогда обыденность этой папки. Вот выдернули из жизни, заставили саму себя и еще десяток приговорить. Выпили после расстрела водки — начальство разрешало. Для релаксации. И продолжали жить — с орденами, пенсиями, семьями.

По данным историка Игоря Кузнецова, в БССР были репрессированы более миллиона человек... Сосланы. Посажены. Замучены. Расстреляны. Официальная Беларусь, да и общество в целом очень неохотно вспоминают такое прошлое. Потому и возвращаются (пока только в лексику?) гулаговские призраки — враги народа. И дело не в чьей-то ностальгии по прошлому, жажде реванша. Когда не знаешь «Что делать?», ищи «Кто виноват?».

О пятой колонне замолвите слово

ПЕТРА. Говорят, кто-то стрелял в него из окна. Я не знаю, так говорят.

ДОРОТИ. Кто же станет стрелять из окна?

ПЕТРА. Они всегда стреляют из окна во время канонады. Пятая колонна. Те люди, которые воюют против нас в самом городе.

Э. Хемингуэй «Пятая колонна», 1937 год

В 2007 году шеф КГБ генерал Жадобин насчитал 1767 активных оппозиционеров. Сделаем поправку на время, на активность МВД и КГБ. Цифра могла уменьшиться или увеличиться. Плюс энное количество неучтенных демштыков... Вот она, пятая колонна, которая «кошмарит» власть.

Историческая справка. 1936 год. В Испании — гражданская война. Сначала там свергли короля. Потом еще кого-то. Страна стала республикой с левым уклоном. Это не понравилось правым, прежде всего генералам. Они взбунтовались и двинули свои войска на Мадрид.

Одновременно шла война и на невидимом фронте. Один из мятежных генералов на пресс-конференции объявил, что на Мадрид наступают четыре колонны войск, а в городе действует пятая колонна.

Тогда же американский писатель Эрнест Хемингуэй написал пьесу «Пятая колонна». Прямо там, в осажденном Мадриде, который обстреливала

артиллерия генералов, а внутри взрывала, стреляла, корректировала артогонь и наводила бомбардировщики на цели эта самая пятая колонна.

В Беларуси даже продвинутые из молодой генерации журналистов о пятой колонне узнали от главы государства. И поначалу стебались: в Минске есть четыре колонны — они подпирают центральный офис КГБ. А где пятая?

Юный коллега прочитал по моему совету пьесу Хемингуэя. И был удивлен: «Там контрразведка республиканцев и диверсанты из пятой колонны мочат друг друга. А причем тут белорусская оппозиция?»

В самом деле, эти плюс-минус 1767 инакомыслящих при самом богатом воображении трудно представить в образе стреляющих коммандос и взрывающих ниндзя из вооруженного подполья. Но ведь такую лингвосвязку — «пятая колонна» — и вбросили в информационное пространство, чтобы материализовать образ врага! А враг был нужен. Враг был востребован… Именно эти диверсанты обвалили белорусский рубль. Они спровоцировали углеводородные и молочные войны с Россией. Их пособники задрали цены в минских магазинах и на рынках…

Но массовое сознание не так, как планировали наверху, отреагировало на воскрешенные идеологемы. Белорусское общество в массе своей вообще политически аморфно, в движение приходит, только если исчезают продукты и валюта. Да и движение это в основном броуновское, хаотичное. В остальных случаях — пошепчутся на кухнях (старшее поколение) и пошумят в интернете (все остальные). Поэтому «пятая колонна» стала поводом для стеба.

Я читал сценарную идею для анимационного клипа: некто Алекс Федута совершает побег из «американки», удирая, стреляет с двух рук помакедонски, проходит сквозь стены СИЗО… В финале хор контролеров СИЗО распевает сонги из рок-оперы «Американские стихи», написанной героем клипа в камере.

А вот сюжет для политического детектива: спецподразделение пятой колонны в Совмине готовит очередное постановление правительства, в которое закладывает мину замедленного действия. По радиосигналу А. Санникова из Лондона мина взорвет на кусочки всю экономику страны…

Вот так, смеясь, хотя бы часть нашего общества расстается с прошлым.

С лингвосвязкой «враг народа» вообще получается фиаско. С середины 50-х, с хрущевской оттепели, это словосочетание ассоциируется с невинно пострадавшими, с узниками ГУЛага. В генеалогическом древе каждой белорусской семьи есть репрессированные. Напомню статистику историка Игоря Кузнецова: репрессированных было более миллиона. Эта память — в генах!

Поэтому даже официальные пропагандисты крайне неохотно повторяют вслед за своим лидером эти ключевые слова НЛП. Хотя… То ли команды не было на тотальное НЛП, то ли интеллектуальный ресурс медиаобслуги невелик?

Соцопросы в России показывают, что сталинская модель интересует значительную часть общества. Увлекает не только былая имперская мощь, но и методы, стилистика, мифы. А ведь наши страны — не только соседи и союзники. Мы — сообщающиеся сосуды. Там аукнется, здесь откликнется. И наоборот. У них в учебниках пишут: «Сталин — эффективный менеджер; ГУЛаг — эффективный экономический инструмент, снижает себестоимость, стимулирует экспорт и индустриализацию». Об этом даже Путин заговорил, не упоминая слово «ГУЛаг». Но «враги народа» уже произнес. У нас — свои мифы. К примеру, «Линия Сталина». Держит на слуху имя вождя и к тому же приносит денежки. Сталин все еще с нами!

Итак, НЛП и прочие ментальные технологии, цель которых — *«нанесение ущерба разуму путем применения различных средств… чтобы стереть память о происходившем и заменить ее новой памятью о том, чего никогда не было в действительности»**, у нас вроде бы не сработали. Ключевые слова — «враги народа», «пятая колонна» — должны вернутся туда, откуда пришли. В прошлое… Это — оптимистический сценарий.

Но вот еще цитата. Из Википедии: *«…контроль сознания… насильственное убеждение… управление разумом… реформирование мышления… это применение манипулятивных методов при попытке изменить мышление, поведение, верование, эмоции или процесс принятия решения человеком помимо его воли и желания».*

В XIX веке три российских литератора, объединенные псевдонимом Козьма Прутков, сочинили сатирический проект указа «О введении единомыслия на Руси». Попытки материализовать проект «Единомыслие» продолжаются. Цель обозначил глава нашего государства: «Мы должны вырастить нужного нам человека». Технологии сотворения этого очередного нового мира в центре Европы и очередного нового homo опробованы, отработаны теоретически и практически (см. все вышеизложенное).

* Э. Хантер «Промывание мозгов: история мужчин, бросивших этому вызов».

И все-таки они «вертятся»!

Виктория Равинская

В условиях противостояния власти и независимой прессы негосударственные СМИ общественно-политической направленности умудряются не только выживать, но и исполнять свою главную задачу — предоставлять гражданам объективную информацию о происходящем.

В Борисове осталось две негосударственные газеты и ежедневно обновляется сайт ex-Press.by, преемник закрытой властями газеты «Курьер из Борисова». И жители региона остаются верны этим независимым источникам информации. Увы, остаются верны себе и власти, изобретая различные способы усложнить жизнь неподконтрольной прессе.

Не подчиняются — не замечаем…

До недавнего времени на официальном сайте Борисовского райисполкома в рубрике «СМИ» размещался список, в котором кроме исполкомовской газеты и исполкомовского радио были указаны многотиражки четырех предприятий и две негосударственные телекомпании, полностью отказавшиеся от критического взгляда на действия местных властей.

Правозащитник Олег Мацкевич решил обратиться в исполком за объяснениями и добиться того, чтобы список включал в себя также негосударственные газеты «Борисовские новости» и «Гоман Барысаўшчыны». Исключая негосударственные газеты из списка существующих в регионе, исполком не дает гражданам полной и достоверной информации, что, в свою очередь, является нарушением белорусского законодательства, подчеркивал Мацкевич.

Ответ из исполкома никоим образом не объяснял, почему две упомянутые газеты не вошли в список на сайте. И после обращения правозащитника список не стал длиннее. А уж письмо Мацкевича в Министерство информации возымело странное действие: из списка были убраны названия и частных телеканалов. В общем, по мнению исполкома, средствами массовой информации в регионе являются только государственные или имеющие принадлежность к государственным предприятиям.

Идеология превыше экономики?

Одним из независимых источников информации, который не вошел в перечень райисполкомовского сайта, является негосударственный общественно-политический еженедельник «Борисовские новости». Ох, если бы на этом пресловутом списке закончились все выпады местной власти против независимой газеты! Но — увы. Это лишь самое безболезненное из арсенала местной вертикали, «заточенной» на борьбу с неподконтрольной прессой.

«Подобное отношение со стороны работников райисполкома к нашей газете считаю не только предвзятым, но и преступным, — говорит главный редактор «БН» Анатолий Букас. — Чиновники нарушают Закон "О СМИ" и Конституцию, а кроме того, подрывают авторитет власти и главы государства».

И если бы только местные чиновники! Редакция «Борисовских новостей» получила приглашение Представительства ООН в Минске на участие журналиста в мероприятии по случаю рождения 7-миллиардного жителя Земли. Увы, «юбилейный» младенец — не борисовчанин, но то, что для чествования детей и родительниц было избрано абсолютно аполитичное место — роддом, — гарантировало репортаж гуманистической направленности и, если хотите, планетарного масштаба. Однако заведующая идеологическим отделом Борисовского райисполкома Людмила Горнак в присутствии иностранных гостей выдворила журналиста «Борисовских новостей» Анатолия Мозгова из помещения роддома. А когда тот попросил заступиться за него представителя минского офиса ООН, «планетарный» чиновник лишь развел руками: дескать, мы не хотим портить отношения с властью.

«А еще есть немало фактов, когда чиновники запрещали руководителям предприятий и организаций давать нам информацию, — продолжает Букас. — Так, главный врач ГТМО Владимир

Рубцов отказался предоставить нам сведения о больных ВИЧ-инфекцией: “Мы не должны предоставлять информацию негосударственной прессе. Читайте официальную газету”, — категорично заявил мне по телефону главный борисовский доктор. И в УП “Жилье” предупредили, что им тоже запретили сотрудничать с нашей газетой. Хотя в белорусском законодательстве нет никакого разграничения между государственными и негосударственными СМИ».

Однажды главный редактор «БН» пожаловался в прокуратуру на заместителя председателя горисполкома Сергея Трусова, который отказался предоставить информацию о деятельности местной власти. И получил ответ, что Трусову вынесено предупреждение о недопустимости нарушения Закона «О СМИ». Но и после чиновник ни разу не удосужился предоставить информацию о работе горисполкома.

Случалось, что журналистов неугодной газеты выдворяли с официальных публичных мероприятий с помощью милиции. И стражи порядка беспрекословно выполняли распоряжение игнорирующих закон начальников, хотя, видимо, понимали, что поступают незаконно.

«Но я противник конфликтов, — говорит Букас, — поэтому не призываю сотрудников газеты игнорировать требования представителей правоохранительных органов. Это чревато задержанием или штрафом».

Впрочем, грубая сила — не единственный метод воздействия на сотрудников редакции. Дизайнер Наталья Ч. была вынуждена уйти из редакции, после того как ее мужа, старшего лейтенанта милиции, начальники предупредили: если жена не уволится, ему придется расстаться с учебой в Академии МВД и, возможно, даже со службой в Борисовском РУВД.

Еще одна журналистка написала заявление об увольнении по собственному желанию из-за сынавыпускника. Маму поставили перед фактом: если она и далее будет публиковать в «Борисовских новостях» критические статьи, то ее сын не получит золотую медаль по окончании гимназии. И женщина решила не ломать судьбу своему ребенку.

Особенно цинично действует райисполком в отношении распространения газеты. А началась кампания давления на еженедельник еще в далеком 2005 году, после «исторического» совещания президента Лукашенко в Бобруйске. Тогда глава страны возмутился: мол, некоторые негосударственные СМИ в два-три раза по тиражу превышают официальные газеты. И тогда по городам и весям прокатилась волна травли независимых изданий, которые в одночасье были выброшены из государственной системы распространения — киосков РУП «Белсоюзпечать» и почтовых подписных каталогов.

Продажа «Борисовских новостей» была запрещена в магазинах горпищеторга, почтовых отделениях связи, частных киосках и павильонах. Досталось в те лихие дни и популярной газете «Курьер из Борисова», которую закрыл Хозяйственный суд Минской области.

«Запрет на реализацию нашей газеты через киоски Борисовского филиала “Миноблсоюзпечать” вступил в силу с мая 2005 года, — рассказывает Анатолий Букас. — И за эти годы бюджет данного предприятия потерял ощутимые деньги. Судите сами: из 14 050 газет, отпущенных по накладным в январе 2005 года, возврат составил лишь 139 экземпляров; в феврале было 14 950 штук, возвращено — 239; в марте — 20 100, не продано 274; в апреле из 16 400 списано только 90 газет. К сожалению, эти цифры никак не повлияли на решение властей не продавать газету».

Очень сложно сегодня обстоит дело и с открытием новых точек продажи. Например, фирме, арендующей помещение под буфет в центральной больнице города, был выставлен ультиматум: или вы прекращаете продажу «Борисовских новостей», или с вами расторгнут договор аренды. Результат оказался не в пользу независимого еженедельника.

В марте прошлого года, утверждает Букас, было заключено соглашение на реализацию газеты через десять магазинов «Братья Гриль», которые принадлежат Смолевичской птицефабрике. И буквально в тот же день идеологи Борисовского райисполкома во главе с Людмилой Горнак поставили условие дирекции торговых точек: если не хотите иметь проблемы с санитарной службой, МЧС или налоговыми инспекторами, уберите оппозиционную газету с прилавков. Разумеется, никто не захотел конфликтовать с властями.

И такие случаи не единичны. Поэтому владельцы торговых объектов неохотно идут на сотрудничество с негосударственной прессой.

«А буквально месяц назад, — продолжает А. Букас, — мы обратились в Борисовский филиал “Миноблсоюзпечать” с просьбой возобновить реализацию нашей газеты. Но начальница лишь развела руками: мол, она человек маленький, решайте эти вопросы с руководством в Минске. А минское начальство, в свою очередь, ждет отмашки от самых верхов».

Анатолия Букаса возмущает такая позиция. «Для них идеология превыше экономических расчетов и здравого смысла. Но зачем чинить препятствия газете, которая за двадцать лет своего существования внесла в госбюджет налогов около миллиона долларов?! Разве для казны это лишние деньги?» — задается вопросом издатель общественно-политической газеты.

Сегодня «Борисовские новости» выходят тиражом шесть тысяч экземпляров. Плюс издается «Рекламный БорЖоМи» тиражом десять тысяч (часть этого тиража служит вкладышем к основной газете, часть распространяется бесплатно в Борисове, Жодино и Минске). В лучшие годы первая

на Борисовщине независимая газета печаталась тиражом 17 тысяч экземпляров — в два с половиной раза большим, чем у «Минской правды». Коллектив редакции верит, что возврат к победным тиражам не за горами.

Печальная история «Гомана Барысаўшчыны»

Отнюдь не радостна история негосударственной газеты «Гоман Барысаўшчыны». Издание — специфическое, его тематика — история Борисовщины и краеведение. Газета продолжает выходить раз в месяц малюсеньким тиражом в 299 экземпляров.

«Газете около пятнадцати лет, — рассказывает издатель Михась Мательский. — Бывали времена, когда тираж достигал пяти тысяч экземпляров. Я выпускал газету как индивидуальный предприниматель. Теперь зарегистрировать издание для меня не представляется возможным. Изменения в законодательстве привели к тому, что для издания газеты большим чем 299 экземпляров тиражом нужно оформлять юридическое лицо. Но для меня это невозможно: затраты не окупятся».

Таким образом, единственное краеведческое издание в регионе вынуждено было существенно сократить круг читателей.

Хорошо, что есть интернет

Закрытую в 2005 году самую тиражную в городе газету «Курьер из Борисова» заменил сайт borisov-e.info, который со временем «переродился» в ex-Press.by. Сайт, имеющий от шести до восьми тысяч уникальных посетителей в сутки, является, вне всякого сомнения, самым популярным независимым интернет-источником информации в регионе.

Поговаривают, что местный председатель райисполкома Владимир Миранович каждый свой рабочий день начинает с просмотра сайта и ругает главреда исполкомовской газеты, если информация, размещенная на ex-Press.by, опередила «вертикальное» издание.

Впрочем, безоблачной жизнь коллектива сайта не назовешь. Довольно трудно работается журналистам: поскольку сайт к СМИ не относится, ни о каких удостоверениях речи идти не может. Приходится изворачиваться, придумывать различные замысловатые ходы, дабы все же найти нужные информационные данные. Правда, очень помогает завоеванный за годы существования авторитет у читателей и горожан. Они часто звонят на контактные телефоны со своими проблемами, считая, что сайт, как и печатное издание, обязательно поможет. И помогает.

Вот недавний случай. В борисовском микрорайоне Печи началась незаконная вырубка деревьев под строительство пиццерии. Размещенная на сайте информация помогла сплотить людей для решения своих же проблем. Местное общественное движение «За чысты Барысаў» также подключилось к этой теме, а юрист ex-Press.by помогал и помогает членам инициативной группы грамотно составлять запросы и обращения в различные инстанции.

На сайте создана рубрика «Задай вопрос депутату», которая становится все популярнее у посетителей. К примеру, бабуля пожаловалась через ex-Press.by депутату на проблему с дровами. Дрова привезли сразу же. Юрист сайта и тут помогает составлять запросы депутатам за подписью каждого из обратившихся. На такой запрос депутаты обязаны по закону ответить в течение месяца.

Случаев, когда публикация на сайте приводила к решению проблем, за почти восьмилетнюю историю было не мало.

Время от времени на контактные телефоны позванивают не только страждущие горожане, но и представители спецслужб. «Уточнить», кто работает на сайте, на кого он зарегистрирован... Получив такую информацию, надолго пропадают.

Многим журналистам из независимых СМИ памятны те времена, когда работать — не в пример теперешним — было гораздо легче. Кто-то шутит: хуже не будет, потому что уже некуда. Наивно и не по профстатусу нам «ждать у моря погоды» — мы эту погоду делаем сами, вопреки чиновничьим «прогнозным показателям». Им-то давно хочется, чтобы неподконтрольная пресса исчезла без громких заявлений о политических причинах кончины. А она заявляет: жива, действую и буду действовать, поскольку нужна людям!

Сергей Неровный:

«“Вольны горад” давно прошел экспертизу временем»

Сергей НЕРОВНЫЙ, бессменный редактор газеты «Вольны горад» с первого номера (20 апреля 1998 года) по настоящее время. За 15 лет вышло 467 номеров.
В политике и общественной жизни с осени 1992 года.
С ноября 1994 года — член ОДПБ (позже ОГП). Женат на Татьяне Лейбутиной. Из-за активной жизненной позиции Татьяна потеряла работу в лицее (не продлили контракт с 1 сентября 2011 года).
Сергей Неровный — член БАЖ с 2000 года. Пишет статьи, рассказы, стихи.
Подвергался уголовному преследованию, задержаниям, в 2001 и 2006 годах — административным арестам (по трое суток).
Дважды официально предупреждался прокуратурой.

20 апреля газете «Вольны горад» исполнилось 15 лет. На юбилейные и не очень вопросы отвечает бессменный редактор издания Сергей Неровный.

— Для независимого издания, постоянно размещающего на своих страницах острые материалы, критикующие местную и республиканскую власть, 15 лет — это, прямо скажем, срок. А как начиналась история вашей борьбы за право читателей получать объективную, правдивую информацию о событиях в Кричевском, Чериковском и Климовичском районах?

— Решение об издании в Кричеве неправительственной газеты «Вольны горад» было принято 19 декабря 1997 года на заседании правления Кричевской городской ассоциации «Гуманитарная инициатива» (тогда она официально работала в городе). Подоплекой стало то, что районная газета «Ленинский клич» перестала печатать мнения оппонентов власти. Исчезли даже безобидные стихи о природе, любви, смысле жизни, авторами которых были «не те» люди. Думаю, как раз в эти годы окончательно закончилась политическая «оттепель», которая имела место в Беларуси в 90-х годах.

Подготовительная работа к реальному запуску газеты заняла около четырех месяцев. И 20 апреля 1998 года кричевляне увидели первый номер «ВГ» (форматом А4 на 4 полосах). Наверное, излишне будет говорить, что реакция власти была очень нервной. Меня даже приглашали в райисполком к заместителю председателя Зинаиде Скачковой. Суть ее претензий сводилась к следующему: «Кто разрешил?» После этого прошли годы.

«Вряд ли нас теперь назовут боевым листком»

— К «ВГ» пришла известность, популярность и, разумеется, определенное влияние, — продолжает Сергей Неровный. — И теперь вряд ли кто-либо из представителей местной власти назовет «ВГ» боевым листком, как нас однажды, семь лет назад, в интервью «Радыё Свабода» окрестил заместитель председателя Кричевского райисполкома Сергей Морозов. (К слову, Морозов сейчас — директор сельской школы.)

За 15 лет общество изменилось до неузнаваемости. Вместе с ним пережило трансформацию и наше издание.

Стержнем нашей редакционной политики всегда являлось открытое стремление влиять на события, а не просто отражать их в газетных публикациях. Издатель газеты Владимир Кудрявцев, я как главный редактор, авторы «ВГ» Николай Гердий, Николай Царьков, Сергей Аржанцев, Семен Понизовцев, Татьяна Лейбутина, Феликс Шкирманков, Дмитрий Мишуро, другие наши коллеги стоят на этих позициях и отстаивают свои убеждения словом и делом.

— Теперь это является, без преувеличения, большой роскошью, которую могут позволить себе единицы...

— Чтобы прекратить выход «Вольнага горада», власть имущие испробовали весь свой арсенал. Прокуроры и милиция, суды

Сергей АРЖАНЦЕВ, корреспондент «ВГ» по Климовичскому району:

— В 1992 году окончил Минский институт культуры, получил высшее библиотечное образование. В том же году был принят на работу в Климовичскую вспомогательную школу-интернат. Отработал здесь 18 лет в качестве школьного библиотекаря. Это редкая для мужчины профессия. На всю Могилевскую область был единственным мужчиной-библиотекарем.

Всегда интересовался тем, что происходит в стране. Пробовать писать начал еще студентом. В 1990-е годы предлагал свои статьи в такие независимые СМИ, как «Народная Воля», «Рабочий», «Наша Ніва». В конце 90-х вместе с другими политически активными климовчанами пытался издавать собственную газету «Клімавіцкі настрой» (вышло несколько номеров). С 2000 года стал постоянно сотрудничать с газетой «Вольны горад», которая выходила в соседнем Кричевском районе. Это укрепило желание заниматься журналистикой, поэтому в 2003 году сделал осознанный выбор и вступил в БАЖ.

Последние десять лет принимаю самое активное участие в жизнедеятельности «Вольнага горада», веду в газете региональную страничку о событиях в Климовичском районе. Также в 2010–2011 годах выпускал и редактировал малотиражный общественно-политический бюллетень «Клімавіцкая Інфа-Панарама».

Пока работал в школе, там сменилось четыре директора. Конечно, они не могли не обращать внимания на мои «внешкольные» занятия, увлеченность «не той» политикой. Открыто давали понять, что на них оказывают давление, чтобы меня уволили из школы. Но везло на хороших людей, которые вели себя вопреки ожиданиям вышестоящих начальников. Хочется думать, что свою роль сыграла и моя репутация в коллективе и среди жителей города.

В 2006-м, когда страна готовилась к президентским выборам, во время очередного вызова в милицию тогдашний руководитель РОВД Юрий Симонов пытался убедить меня перестать заниматься «вашими делами». «Зачем Вам это надо? У Вас же хорошая работа!» — заметил он. Ситуация осложнялась тем, что его супруга возглавляла тогда районный отдел образования, и я оказался, образно говоря, на линии двух огней. Но, к счастью, «разговоры по душам» прошли без особых последствий, а вот школа, где у меня была эта самая хорошая работа, всего через несколько лет прекратила свое существование. У государства не хватило средств на ее содержание. Так что ответ на вопрос: «Зачем Вам это надо?» — дала сама жизнь.

С тех пор пока нигде не трудоустроился. В этом есть и положительная сторона, так как стало больше времени на общественные дела, что положительно сказалось на содержании материалов климовичской странички в «ВГ».

Вообще я придерживаюсь принципа: «С нами происходит то, во что мы верим».

А я верю в будущее нашей газеты.

и областной ОМОН, КГБ и налоговики — все они вместе и поочередно пытались заглушить голос вольнолюбивых журналистов. Маргинальные фашиствующие элементы подбрасывали редактору и сотрудникам «ВГ» листовки с угрозами. За эти годы газета пережила столько конфискаций, что в горотделе УКГБ пора уже открыть небольшой мемориальный музей.

Исчерпав возможности прямого давления, власти перешли от штрафов и арестов к неприкрытой клевете, печатая в официальной районке глумливые «сказки» о нас самого постыдного содержания. И что в итоге? Клеветнические измышления были прекращены в судебном порядке, а недавние хулители навсегда остались с испорченной репутацией. Издавна известно, что рукописи не горят, а слова и дела получают должную оценку еще при жизни тех, кто их совершил.

От непреложности этой истины нам, впрочем, не легче. В Кричеве уже заметили, что каждый новый начальник отдела внутренних дел начинает службу с попытки «наехать» на неподконтрольную властям газету. Сложилась настоящая антиправовая традиция, к сожалению, подтверждающаяся из раза в раз. С появлением очередного начальника, должного блюсти закон, на газету начинают усиленно охотиться. Последний руководитель РОВД традиционно распорядился задержать тираж «сомнительного» издания. Милиционеры, вызванные издателем «ВГ» в суд, путано рассказывали судье про необходимость провести экспертизу конфискованного номера. Ясно, что эти малоубедительные отговорки в нынешних условиях принимаются судом и прокуратурой, в русле «генеральной линии» все «берут под козырек». Но это — пока... Что же касается проверки содержания, то «Вольны горад» давно прошел главную, самую объективную экспертизу — экспертизу временем и вниманием своих читателей.

За эти годы власть не раз пробовала нас «на зуб». Но свое и, разумеется, читательское право на свободу слова мы отстояли. В последние годы можно заметить, что обострение отношений с властью отмечается в канун значимых политических кампаний. Так, например, происходило в 2010 году, да и в 2012-м.

Но, смею предполагать, что в глубине души даже самые яростные душители свободы слова нас уважают. По-своему, конечно.

«В читателях мы не сомневаемся»

— Верность своей позиции дается дорогой ценой...

— Не без этого. Я бы, конечно, хотел видеть «ВГ» зарегистрированным изданием. Это позволит печатать газету в Беларуси, организовать подписку, продавать «Вольны горад» в киосках. К нам бы пришли рекламодатели, что, безусловно, укрепило бы газету материально. А в читателях мы нисколько не сомневаемся. Они у нас есть и будут. Можно было бы подумать о дальнейшем развитии газеты, о выпуске в цвете, новом дизайне, даже о новом формате. Не сомневаюсь, что «ВГ» и как бизнес-проект был бы успешным — район получил бы немалые деньги в бюджет, газета обеспечила бы новые рабочие места. Для молодежи прежде всего. Но пока это только мечты. И, вероятно, при этой власти они не осуществимы.

Мы, конечно, и сейчас не стоим на месте. Газета периодически обновляется. Важным в ее концепции является то, что мы стремимся дать читателю ту информацию, которую он не получает из государственных газет, радио и телевидения. Мы давно придали газете социальную направленность. Нас волнует то, что волнует большинство людей: рост цен, низкие зарплаты, неудовлетворительная работа коммунальных служб, черствость чиновников, нарушения прав людей, рост преступности, произвол милиции и т. д. Но нам важно не только написать, но и постараться помочь людям решить их конкретные проблемы. И это нам часто удается. На страницах нашей газеты также можно увидеть литературные публикации талантливых авторов — стихи, очерки. Печатаем также интересные фотоснимки.

— Любая редакция — это группа единомышленников. Как формировался редакционный коллектив, кто из интересных авторов пришел к вам за эти годы?

— Не скажу, что коллектив не претерпевал никаких изменений. Ставились новые задачи, поднимались на новую ступеньку — и приходили новые люди. Климовичский журналист Сергей Аржанцев в «ВГ» двенадцать лет, кричевлянин Николай Гердий — более восьми лет. В последние годы постоянными авторами стали чериковляне Николай Царьков, Семен Понизовцев и Дмитрий Мишуро, славгородчанин Феликс Шкирманков. Даже если они пишут под псевдонимами, люди их легко узнают по стилю. Считаю, что есть перспектива у нашего нового автора — Татьяны Лейбутиной, а также у других интересных авторов, выступающих под псевдонимами.

— Неоднократно отмечал, что в газете очень много эксклюзивной, интересной информации. Как вам удается ее получать?

— Хороший журналист — это, как правило, хороший разведчик. Он умеет добыть, обработать нужную информацию. Огромный плюс, если журналист «на короткой ноге» с чиновниками, директорами предприятий, служащими. Как опутать территорию своей «агентурой» и как с ней работать — здесь у каждого свои подходы. Важна обратная связь с читателями. Без нее «ВГ» не был бы таким, каким он сейчас является, — информационным, популярным и влиятельным. Порою люди дают такую информацию, что никаких

Сямён ПАНІЗОЎЦАЎ, сталы аўтар, Чэрыкаў:

— Працую з «Вольным горадам» таму, што, выбачайце за пафас, не дае спакою пачуццё абвостранай справядлівасці. Напачатку дзевяностых выпускалі сваю газету «Сельские новости». Друкавалі на машынцы пад капіроўку накладам сто экзэмпляраў. Потым была наша старонка ў магілёўскай «Ратушы». А затым гэты «кайф» закончыўся… Дзеля справядлівасці хачу сказаць, што ніхто мяне за мае погляды ды перакананні не прыціскаў і не пераследваў. З працы (быў кіраўніком гуртка авіямадэльнага спорту ў Доме піянераў) выгналі пасля таго, як наступіў на «ўлюбёную» мазоль аднаго з высокапастаўленых чыноўнікаў райвыканкама. Вось тады і стаў супрацоўнічаць з «Вольным горадам».

Николай Гердий, заместитель редактора, экономический обозреватель «Вольнага горада»:

— Окончил Белорусскую сельскохозяйственную академию по специальности «экономист», позже Минскую высшую партийную школу — по специальности «политолог». Когда учился в ВПШ и заочно в аспирантуре, достаточно глубоко изучал политологию, экономику, философию. И уже ко времени начала перестройки в СССР однозначно осознавал, что Советский Союз идет по тупиковому пути развития.
С 1986 по 1991 год работал секретарем Хотимского РК КПБ и работал над диссертацией — пытался найти возможность реформирования сельскохозяйственных организаций для работы по рыночным методикам. С 1992 по 2000 год работал зампредом Кричевского райисполкома. Пытался осуществить свои наработки на родине — в Кричеве.
В 2000 году был избран председателем правления ассоциации предпринимателей и нанимателей района. Формально остаюсь им и сейчас. Решение того собрания никто не отменял.
В 2003 году вместе с предпринимателями района организовал выдвижение нескольких предпринимателей кандидатами в депутаты райсовета. Сам пытался выдвинуться кандидатом в депутаты Могилевского областного Совета депутатов и райсовета вопреки воле руководства района, за что контракт в 2003 году со мной был расторгнут. В течение нескольких лет был безработным. Пытался бороться с недостатками в районе путем обращения в вышестоящие инстанции. Осознал, что это тупиковый путь. Хотел заняться предпринимательской деятельностью — не дали.
Понял, что нужно бороться с системой и раскрывать людям глаза на ее недостатки. В «Вольны горад» пришел в 2004 году осознанно и нисколько об этом не жалею.

«агентов» не нужно. И материалы в газете получаются интересными и востребованными.

Что касается конфиденциальной информации, появляющейся на страницах «ВГ», то, по нашим данным, власть настолько этим обеспокоена, что вынуждена заниматься контригрой. Имеют место случаи, когда «доброжелатели» пытаются специально дезинформировать газету, чтобы «подставить» ее и дискредитировать в глазах читателей. С этим тоже приходится считаться и бороться.

— И традиционный вопрос. Чего хочется пожелать своим коллегам-журналистам и авторам независимых общественно-политических изданий?

— Всегда желаю сохранять человеческое достоинство и быть профессионалом в своем деле. Эти качества признают не только друзья, но и враги. Журналисту важно помнить, что в его деятельности важен принцип «не навреди».

Будущее будет таким, каким мы сделаем его сами. Верить обязательно нужно — в новую, демократическую Беларусь, во всемирную гармонию, в продолжение жизни, в человеческое счастье (пусть даже мимолетное), в Бога.

Наш редакционный коллектив искренне верит, что вольным станет не только наш город, но и вся Беларусь.

Николай ЦАРЬКОВ, заслуженный учитель школы РСФСР, 80 лет, Чериков:

— В свое время переехал из Ленинграда на Родину. Мой педагогический опыт заслуженного учителя России здесь не был востребован. «Учительская газета» отказывалась от публикаций моих статей. Условия работы в школе осложнялись предсказуемыми действиями администрации. В связи с реформой школы не было возможности участвовать в обсуждении образования на страницах государственных газет. Вот я и нашел возможность высказывать свою позицию по самым значимым событиям чериковской жизни на страницах «Вольнага горада».

Мнение эксперта

Юрий ТОПОРАШЕВ, журналист с многолетним стажем работы в различных белорусских СМИ:

— С этой газетой, с людьми, которые ее делают, я познакомился в Могилеве. Меня сразу заинтересовал неординарный подход к освещению самых важных событий и тенденций в Кричеве. «Вольны горад» явно выходил за рамки местечковых изданий.

Потом были регулярные встречи с редакционным коллективом «ВГ», на которых обсуждались пути повышения качества газеты. Лично я теперешний «Вольны горад» считаю очень хорошим образцом региональной прессы, которая отвечает запросам читателя.

Не раз был свидетелем, как местные жители буквально гоняются за этим изданием, в цехах предприятий устраиваются коллективные читки «ВГ», обсуждения наиболее резонансных материалов. Я всегда был за остроту в журналистике, чего не хватает многим нашим средствам массовой информации, в том числе независимым. В чем в чем, а в отсутствии остроты на своих страницах это издание точно не упрекнешь. Вместе с тем в наших теперешних условиях надо быть предельно внимательным при написании как раз таки острых текстов. Неслучайно главный редактор Сергей Неровный недавно получил юридическое образование — понимает, что необходимо максимально придерживаться правового поля.

По актуальности, остроте, аналитике «Вольны горад» не только обгоняет официальные районные издания, но и некоторые большие республиканские газеты.

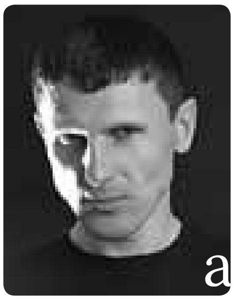
Это говорит о том, что у «ВГ» есть не только настоящее, но и будущее.

Подготовил Александр КОКТЫШ

Татьяна ЛЕЙБУТИНА, корреспондент «ВГ»:

— Выбор. У каждого из нас он происходит в основном в зрелом возрасте, когда точно понимаешь, что ты делаешь и какие последствия тебя ждут. Более десяти лет назад я сделала свой непростой, но обдуманный и сознательный выбор. Я встретила Сергея Неровного, который стал для меня больше, чем редактором газеты «Вольны горад». Да, было много сомнений, вопросов, но жизнь и наша система власти расставили все точки над «і». Убедилась, что выбор Сергея и его команды правильный. Мое увольнение с «государственной» работы еще раз доказало: назад пути нет, есть только вера в себя, семью, Бога. Хочется верить в светлое будущее нашей страны и надеяться, что когда-нибудь я и жители нашего города смогут спокойно покупать наш «Вольны горад» в киосках «Белпечати».

Алесь БУРАКОЎ

Суднік па-магілёўску

Неяк на пачатку 2005 года моладзь сабралася ў грамадскім цэнтры «Кола», каб сустрэць замежную дэлегацыю. І вось бачаць, як па лесвіцы на другі паверх падымаецца сівы чалавек «без узросту»: вытанчаны, у фірмовым пінжаку, добрых ботах і па-плэйбойску завязаным чырвоным шаліку. «Божухна, які мужчына!» — вырвалася ў адной з дзяўчын. «Мабыць, француз», — рэзюмавала яе сяброўка.

«Француз» нечакана загаварыў па-беларуску. Ім аказаўся маёр запасу, выпускнік Вышэйшай партыйнай школы пры ЦК КПСС у Маскве, былы інструктар ЦК КПБ Генадзь Вітольдавіч Суднік. Сыну вайскоўца, што нарадзіўся ў штабным горадзе Паўднёва-Уральскай ваеннай акругі — Чкалаве (так называлі Арэнбург з 1938 па 1957 год), а потым яшчэ і ажаніўся на дачцэ вайскоўца, здаецца, сам лёс наканаваў мець вайсковую выпраўку і лаяльнасць да савецкай улады з усімі яе тагачаснымі парадкамі. Аднак жыццё аказалася больш цікавым і багатым на кантрасты.

Мы кажам «партыя»...

У пачатку 1980-х, яшчэ напярэдадні перабудовы, партыя кінула яго на новы «фронт» — ствараць Магілёўскую абласную студыю тэлебачання. Ад праектна-каштарыснай дакументацыі знакамітага чырвонага будынка, што па вуліцы Першамайскай, 83 і да першага ўласнага выпуску навінаў у студзені 1989 года — усе этапы станаўлення тэлевяшчання ў Магілёве прайшлі пад «зоркай» Судніка.

Старшыня абласнога камітэта па тэлебачанні і радыёвяшчанні запомніўся тым, што сам вычытваў усе выпускі навінаў, да якіх у яго было надта неабыякавае стаўленне. Старажылы мясцовага TV прыгадалі, як аднойчы да пачатку эфіру заставалася пара гадзін, а тэксты яшчэ былі на стале ў кіраўніка камітэта. Рэдактары пачалі нервавацца, але баяліся зайсці да шэфа. Урэшце вырашылі накіраваць да яго самага маладога супрацоўніка.

Да эфіру ёсць пару хвілінаў на апошнія заўвагі. Старшыня аблтэлерадыёкамітэта Г. Суднік паміж зоркамі тэлестудыі Святланай Карпяковай і Аляксандрам Баранавым. 1991 год

Генадзь Суднік, загадчык ідэалагічнага аддзела рэдакцыі «Магілёўскай праўды» з калегамі Аляксеем Пысіным, Іванам Аношкіным, Анатолем Борчыкам, 1975 год

— Генадзь Вітольдавіч, час «Навіны» запускаць, — кажа маладзён.

— «Навіны»? А яны ёсць? — запытаўся Суднік. — Ну тады запускаем... — і шпурнуў у паветра стос папераў. Як рэагаваць на такое, тады яшчэ ніхто не ведаў. Стажор, абсыпаны «сырымі» тэкстамі, стаяў як укопаны, а так званыя рэгіянальныя навіны асядалі па ўсім кабінеце. Потым была размова, як рабіць сапраўды актуальныя, аператыўныя навіны, каб яны былі цікавыя для жыхароў рэгіёна.

«Гнілая» інтэлігенцыя

Пазней тэлевізійны начальнік прынясе шмат непрыемных, нават выпрабавальных хвілінаў тым, хто ўсё жыццё перастрахоўваўся і ціхенечка пераседжваў грамадска значныя для краіны падзеі. У Магілёве кажуць, што менавіта такія «прамудрыя печкуры» ад журналістыкі і працуюць сёння на рэдактарскіх пасадах у розных дзяржаўных медыя.

19 жніўня 1991 года, калі танкі ўвайшлі ў Маскву, а самазваны Дзяржаўны камітэт па надзвычайным становішчы (ГКЧП) рыхтаваўся да прэсавай канферэнцыі, цэковец і старшыня абласнога тэлерадыёкамітэта Генадзь Суднік знаходзіўся ў адпачынку. Несумненна, беларускі жнівень ці не лепшы месяц для барбекю на беразе рэчкі. У тыя часы савецкія наменклатуршчыкі часта адпачывалі на партыйных дачах, якімі карысталіся без асаблівых маральных пакут і абмежаванняў. Сотні чыноўнікаў і партыйных босаў у дзень канстытуцыйнага перавароту адключылі тэлефоны і заляглі «на дно», каб перачакаць «смутны час». Аднак Суднік паступіў інакш. І, якія лейцы падштурхнулі яго ў тыя дні для мясцовага творчага beau monde, дагэтуль застаецца таямніцай.

У памяці ветэранаў магілёўскага тэлебачання захаваліся ўсе, нават самыя дробныя, падзеі таго дня. Перадусім іх здзівіла, што Генадзь Суднік сам адклікаў сябе з адпачынку. Маўляў, навошта, «бо жыў жа ў шакаладзе». Да ўсяго напісаў заяву з асуджэннем дзеянняў ГКЧП. І, што самае страшнае, як прыгадалі ветэраны, прымусіў супрацоўнікаў магілёўскага тэлерадыёаб'яднання падпісацца пад гэтым дакументам. Расклад быў такі: тэхнічны персанал, калі хоча, то падпісваецца, а вось творчыя работнікі — падпісваюцца абавязкова і бескампрамісна!

Столькі ненарматыўнай лексікі, што круцілася ў галовах супрацоўнікаў тэлебачання, а часам і агучвалася ў завуголлях адміністрацыйнага будынка ў дачыненні іх кіраўніка, па іх жа прызнанні, у іх жыцці ніколі не было. Палова падпісантаў, схіліўшы галаву, сышла, а многія трэсліся ў кабінетах і на поўным сур'ёзе чакалі хуткага арышту і праклінала той дзень, калі прыйшлі працаваць да Судніка. Аднак ужо 21 жніўня 1991 года, калі з Масквы прыйшла інфармацыя, што путч праваліўся, яны ганарыліся тым, што «супрацьстаялі» хунце і ахвотна распавядалі пра сваю адвагу. Генадзь Суднік у гэты дзень проста адсвяткаваў свой другі дзень нараджэння.

Падзеі 19 жніўня 1991 года сталі момантам ісціны для ўсіх, хто нарадзіўся і зрабіў кар'еру ў СССР. У гэты дзень выявіліся самыя лепшыя альбо самыя гнюсныя рысы чалавечага характару. Дзіўна, але некаторыя «сябры» Судніка

Другі злева — Г. Суднік, старшы сержант, намеснік камандзіра танкавага ўзвода (паводле баявога раскладу — камандзір танка камандзіра палка). Печы, 1964 год

За акном кухні — глыбокая ноч. Жонка Ніна Суднік пад пільным наглядам рэдактара макетуе чарговы нумар газеты «Тыднёвік Магілёўскі», 1998 год

«мясцовыя», тады яшчэ сціплыя і пераважна сумленныя, press-дзеячы (пазней яны ўзначаляць практычна ўсё, што можна ўзначаліць у гэтай краіне), то адбылася размова, пра якую мне таксама распавялі па «вялікім сакрэце»:

— Ці клікаць Судніка? — запытаўся адзін з рэдактараў.

— Відаць, не. Не наш чалавек, — пасля паўзы адказаў ужо абраны дэпутат, які пазней здолее стаць першым беларускім прэзідэнтам.

Натуральна, пасля гэтых словаў дні Генадзя Судніка на пасадзе кіраўніка былі падлічаныя. І зразумела, што апошнім стаў дзень інаўгурацыі новаабранага кіраўніка дзяржавы.

Думаю, для многіх будзе дзіўным даведацца, што калісьці Генадзь Суднік практычна зусім не ведаў беларускай мовы. Каб выправіць сітуацыю, ён абкладаўся слоўнікамі ў сваім начальніцкім кабінеце і бясконца вучыўся. Не дзіўна, што такія людзі сапраўды былі чужымі для аматараў «вершаў Быкава».

дагэтуль надта нервова рэагуюць на пытанне пра свае асабістыя паводзіны ў 1991 годзе. Відаць, і сёння зайздросцяць смеласці і моцы Судніка, якія перамаглі нікчэмнасць і ліслівасць многіх «праваднікоў палітыкі партыі», як тады называлі літаральна ўсіх журналістаў. Цяпер былым калегам толькі і застаецца, што распавядаць пра «цяжкі характар» іх былога кіраўніка.

Містэр «Не»

А характар у яго і дагэтуль цвёрды. Да́мы, што ведаюць Судніка як вытанчанага еўрапейца і галантнага інтэлігента, нават і не падазраюць, што часам ён западае ў такую лютасць, што яго апанентаў прыходзіцца ў літаральным сэнсе ратаваць. Такім Суднік бывае, калі дыскусія тычыцца гонару ці здрады, свабоды ці няволі, прыстасавальніцтва ці прафесійнай мужнасці. Важным і нават сакральным для яго было і застаецца пытанне нацыянальнай свядомасці і незалежнасці Беларусі.

Такая пазіцыя, безумоўна, паўплывала і на далейшы лёс Генадзя Вітольдавіча. Хто толькі не заходзіў у кабінет старшыні Камітэта па тэлебачанні і радыёвяшчанні падчас апошніх у савецкай гісторыі выбараў у Вярхоўны Савет БССР. Кандыдаты ў дэпутаты па чарзе раіліся з ім наконт эфірнага часу. З кожным Суднік персанальна абмяркоўваў актуальныя падзеі. І неяк, кажуць, «завёўся», выказаў навaспечаным «руплііўцам» пра народнае шчасце ўсё, што думае.

Таму, калі надышоў час пераможцам тых выбараў ісці ў рэстаран, куды сабраліся ўсе

Чырвоныя кніжачкі

У сакавіку 2008 года адразу тры маёры з магілёўскай абласной управы КДБ а восьмай раніцы заявіліся на кватэру Генадзя Судніка. Намеснік пракурора г. Мінска А. Стук дазволіў ператрус у межах расследавання крымінальнай справы па ч. 1 арт. 367, узбуджанай у дачыненні да Андрэя Абозава, Алега Мініча і Паўла Марозава. Іх абвінавацілі ў стварэнні сатырычных фільмаў пра

Тады яшчэ старшы лейтэнант (з 1986 года маёр), Г. Суднік у знакамітай Пскоўскай паветрана-дэсантнай дывізіі на камандна-палітычных зборах у якасці намесніка камандзіра палка па палітчасцы, 1979 год

Аляксандра Лукашэнку. У пастанове было напісана, што следчы пракуратуры г. Мінска В. Шабан даручыў магілёўскаму КДБ «пашукаць прадметы, якія могуць знаходзіцца ў кватэры Генадзя Судніка і мець дачыненне да ўзбуджанай крымінальнай справы».

Маёры мелі асалоду стаць сведкамі цэлага шэрагу парадоксаў. Па-першае, яны ішлі ў самы цэнтр горада рабіць ператрус у доме, дзе жывуць усе мясцовыя «шышкі». Па-другое…

— УКГБ по Могилевской области, — важна прад'явіў чырвоную кніжачку першы з трох.

— Ага… так-так, у мяне таксама ёсць, амаль такая ж, — пажартаваў у адказ Суднік.

Пачаўшы гартаць невялічкі стос чырвоных кніжачак гаспадара кватэры, маёры крыху зніякавелі. Яны чулі пра розныя КПСС, Маскву і ЦК, але ж жыўцом такога пакуль яшчэ не бачылі. Таму ўключаць «агентаў 007» было зусім недарэчным, а рабіць сур'ёзны ператрус — сорамна. Тым часам было відавочным, што «савецкі маёр» Суднік бачыў перад сабой не разведчыкаў, а нейкіх «пацаноў» з раёна, якія па волі лёсу апынуліся на службе ў структуры, назва якой калісьці складалася ў страшную абрэвіятуру з трох літараў — КДБ. Але гэта было калісьці…

А вось так ён пачынаўся, журналіст Генадзь Суднік

У кватэры Судніка ёсць шмат дзіўных рэчаў. Побач з партрэтам жонкі на тле Эйфелевай вежы, напрыклад, стаіць партрэт Эмі Уайнхаўс. Прыгожая. Спачатку ўсе думаюць, што гэта дачка. Але, даведаўшыся пазней, што гэта брытанская спявачка, здзіўляюцца. Шок! Сівы Суднік, нібы зафанатычаны падлетак, толькі замест постэра з часопіса трымае партрэт любімай рок-зоркі. Не менш дзіўна выглядае на фота і шчаслівы былы інструктар ЦК каля статуі Свабоды ў Нью-Ёрку.

Але найбольш парадаксальна выглядала тое, што выдатнік марксізму-ленінізму, які вучыўся на паралельным курсе з цяперашнім лідарам расійскіх камуністаў Генадзем Зюганавым, раптам стаў самым адданым абаронцам нацыянальных каштоўнасцяў Беларусі. Насупраць яго стаялі тры разгубленыя спецслужбісты, чыё юнацтва выпала на ўжо вернуты бел-чырвона-белы нацыянальны сцяг. А сталенне — на знявагу гэтай гістарычнай святыні, якую вандалы парвалі на кавалкі, ды на

Сын Генадзя Судніка Віктар — адказны сакратар і першы чытач «Тыднёвіка Магілёўскага» каля друкарскай лініі са свежым нумарам газеты, 2001 год

вяртанне да савецкага ладу жыцця. Такім чынам у кватэры ў цэнтры Магілёва сутыкнуліся шчасце і мудрасць напоўніцу пражытага жыцця і разгубленасць, калі не «зашуганасць», беспрынцыповай маладосці.

Той ператрус доўжыўся больш як дзве гадзіны, але ўрэшце маладыя маёры забралі толькі сістэмны блок камп'ютара, каб не пайсці з пустымі рукамі. Справаздачу ж пра нешта пісаць трэба…

Ціск на абласнога каардынатара ГА «БАЖ», натуральна, выклікаў абурэнне ў мясцовых журналістаў — як незалежных, так і «дзяржаўнікаў». Бажаўцы прапаноўвалі свае камп'ютары, фотакамеры, аргтэхніку. Некаторыя нават казалі, што ў знак салідарнасці гатовыя адседзець колькі сутак адміністрацыйнага арышту, калі спатрэбіцца.

— Не-не… Экстрыму не трэба… Толькі сяброўскія складкі не забываем плаціць, — адказаў калегам Генадзь Суднік. — Жыццё ж, даражэнькія мае, працягваецца!

Исповедь «врага народа»

Анатолий
САНОТЕНКО

Прочитал как-то в комментах на одном из региональных сайтов (демократических) про себя «любимого»: этот Санотенко 20 лет разрушает наше государство!

Удивился. Порадовался «креативности» мышления «штатных» троллей.

Вспомнил дневниковую запись Александра Блока: «Шел сегодня по проспекту N. Облаяла собака. Собака — чужая совсем, а все равно обидно».

В общем, посмеялся в душе. А потом — призадумался. И в самом деле — враг ведь народа. Столько всего натворил за 20 лет...

В начале было — слово

В журналистику я пришел из литературы и — как и полагается молодому «советскому» литератору — диссидентства. На дворе уже был «глубокий» постперестроечный период, но еще не началась «новейшая история», еще не взошло «новое солнце», освещающее нашу нынешнюю жизнь. Идеологи и прочие «специальные службы» в то время затаились, и, воспользовавшись этой «паузой», задумал я «злое дело» — создать в Бобруйске литературно-художественное общество. Благо, в то время сотрудничал уже с негосударственной местной газетой, вел в ней литературную страничку «Творческий клуб».

Замысел был таков: собрать местных поэтов, писателей, художников в одном времени и месте, создать культурную среду, которая бы способствовала творческому процессу.

Частично это получилось. Общество просуществовало два года.

Затем работал корреспондентом, редактором в местной газете «СегоДня», приобщился к созданию информационного бюллетеня Белорусской ассоциации жертв политических репрессий (БАЖПР). Между прочим, это отдельная страница не только бобруйской, но и белорусской истории. В те времена вторая (но главная!) штаб-квартира, или — по-современному — офис, этой общественной организации размещалась именно в Бобруйске: председатель Бобруйского отделения этой ассоциации на съезде была избрана президентом и работала, так сказать, на два офиса.

Бюллетень получился славным и единственным — в буквальном смысле.

Впрочем, «единственным» тогда в Бобруйске было многое: и музей жертв политических репрессий 20–80-х годов, и строящийся на площади Победы памятник жертвам репрессий...

И ко всему этому так или иначе был тогда причастен и я — «враг народа», «пятая колонна», «недоброжелатель» и «деструктивная сила» (нужное — подставить...).

Одновременно с этим (если уж признаваться, то во всем) я стал работать заместителем главного редактора в бобруйской «телевизионной» газете с республиканским «замахом» — «ТелеГраф». Работал — за четверых, а по вечерам отправлялся в местный офис БАЖПР и занимался выпуском бюллетеня «Информ-Центр» в качестве волонтера — еще одно «вражеское» и непонятное по тем временам для советского человека слово...

Затем, почувствовав «кризис жанра» (в «ТелеГрафе» отказались от общественно-политической тематики), ушел я на вольные фрилансерские хлеба. В этом качестве и был приглашен

на «договорную» работу в «Бобруйский курьер», стал сотрудничать с «Аргументами и фактами», затем — с делающей первые шаги «белорусской вкладкой» «Комсомольской правды». Позднее поучаствовал в качестве редактора в создании газеты «Голос предпринимателя».

Под прессом

А потом, надо признаться, произошло во мне резкое усиление «вражеского» начала: я вернулся к сотрудничеству с «КП в Белоруссии», став собкором по Могилевской области.

Из «активов» тех лет — цикл разоблачающих публикаций об экскурсиях школьников в колонию для несовершеннолетних, во время которых учащимся показывали, «как здесь плохо»: ставили на растяжку, слегка поколачивали дубинками, закрывали в камерах, переодевали в арестантскую робу и «шутили»: «А мы вас теперь и не выпустим...»

Оказалось, что этот «проект» протежировали на самом верху. Дело пробовали развернуть против меня и юриста-правозащитника, что помогал мне. Но все закончилось увольнением заместителя начальника колонии по воспитательной работе.

Из «трофеев» можно вспомнить еще увольнение начальника отдела горисполкома по работе с правоохранительными органами (напившись на природе, стрелял из ружья по лагерю демократической молодежи), заместителя председателя горисполкома по идеологической работе, содействие в снятии с должности «красного мэра» Бобруйска Владимира Романовского.

Разумеется, делалось это не «из спортивного интереса», а пользы общества ради. Иначе мы, «негосударственные» журналисты, которых записали во «враги народа», и не умеем...

В свое «оправдание» могу сказать, что в любой стране, западнее Гродно или Бреста, подобного рода чиновники не проработали бы и нескольких месяцев. Ведь действовали они «над законом» и «мимо» общепринятой морали, что противоречило интересам общества, фактически нанявшего их для работы.

Затем я возглавил независимую газету «Бобруйский курьер», став ее издателем и соучредителем. («БК» — газета со специфической историей; ее дважды закрывали большевики — в 1917 и 1920 годах, один раз немцы — в 1918 году; ее же первой и «реанимировали» — как самиздат — в 1990 году).

Разумеется, как и все остальные независимые издания, мы отказались согласовывать редакционную политику газеты с политикой местных и неместных властей. Они же ответили экономическими репрессиями, применив тактику «тихого удушения». Тем более что, возглавив газету и издательскую фирму, я оказался на «их территории», где уже вовсю процветал «новый порядок». Экономический и юридический прессинг редакция ощущала на протяжении семи лет: каждый день, каждую минуту.

В интернет, в «партизаны»...

В результате (накануне «судьбоносных событий», в июле 2010 года), имея заблокированный налоговой счет, мы были вынуждены остановить выход печатного издания и уйти в интернет.

Недавно с нашим бывшим коммерческим директором мы оценили масштабы потерь. Получилось, что только по линии его работы и по линии, так сказать, «Союзпечати», разорвавшей с нами договорные отношения, мы в долларовом эквиваленте потеряли не менее 900 000. Это без учета развития, без учета работы других специалистов по рекламе...

Но это еще не конец моей истории как «врага народа».

Были ведь и другие «преступления». А именно: вступление в БАЖ, руководство бобруйским филиалом этой организации; вступление в БХК и работа в качестве правозащитника в судах, милиции, прокуратуре; затем — создание Школы молодого журналиста...

Последний «проступок» я совершил 25 сентября 2012 года, вступив в Союз белорусских писателей («Быковский»). Ведь писательство, литературное творчество — это для меня первое и, наверное, главное.

Помните? В начале было слово...

Анатоль САНАЦЕНКА

Анатоль Санаценка нарадзіўся ў 1969 годзе.
Журналіст. Літаратар.
Выпусціў дзве кнігі вершаў: «Пранізлівае быццё» (2001), «Праклятыя вершы» (2007).
У «Абажуры» вершы друкаваў двойчы.
Апошнім часам піша па-руску і па-беларуску.
Сябра Саюза беларускіх пісьменнікаў (з 2012 года).
Беларускамоўныя вершы друкуюцца ўпершыню.

***

Это было и будет,
Вновь свершится, опять...
(Но тебя позабудут
В этих списках назвать).

Собирая увечий
Дорогой урожай,
Убивая, калеча
И пророча всем рай,

Вновь поедет по душам
Идол прошлых времен, —
Человечность в них руша,
Нанося им урон —

Безвозвратный, казалось, —
Навсегда, навсегда, —
Но какая-то малость
Остается ведь, да?..

Это было и будет,
Вновь свершится, опять...
(Но тебя позабудут
В этих списках назвать.)

Много лет пререканий
И словесной игры.
Только нет привыканья
К людоедству поры.

Только снова и снова —
В наказание сих —
Сквозь гранит нашей крови —
Человечность сквозит.

«Бог захоўвае ўсё»

***

Эфект матылька.
Лёгкі порх па-над сэнсу,
Па-над агідных рук цырульніка.
Жыццё заканчваецца нечакана-негадана.
Ці ўбачым мы святло ў канцы тунэля?
Трэба паспець зрабіць гэта, трэба паспець...
Бог захоўвае ўсё.
На адлегласці рукі,
На адлегласці памяці...

***

Маментальны здымак навек,
Фотавыбліск, як маланка або бліскавіца...
Ты жывеш, не падымаючы павек,
Дый ці варта было табе нарадзіцца?

Тым больш у гэтай краіне
Знішчэння лепшых імгненняў,
Дзе лёс, калі не заб'е, то пакіне
Ў царстве ценяў...

***

Любімая гаворыць мне: «Не трэба
Са мной па-беларуску размаўляць».
А нада мною Бацькаўшчыны неба —
Па-беларуску зоркі зіхацяць.

Любімая гаворыць: «І не трэба
Нікому намаганні ўсе твае.
Бо што патрэбна людзям? Толькі хлеба,
Відовішчаў. Стаіць на гэтым свет!»

Любімая! Відаць, не той я рыцар,
Якога ты стамілася чакаць
З імглы стагоддзяў — трэба павініцца...
Але ж у мове — слоў маіх крыніца.
З яе адной магчыма мне напіцца,
Цябе — каханаю назваць...

***

А што вось потым, што вось — потым?
Быць можа, што й апошні подых.
Быць можа, што — канец, пустэча,
Ні з кім, ні з чым (ні дзе!) сустрэча.

Пакута, апусцелы дом...
А што вось — потым?
Што вось — потым?..

АДЗІН ДЗЕНЬ

Дзень пачынаўся з агульнафіласофскіх клопатаў,
З разважанняў пра сэнс існавання і г. д. і да т. п.
Паміраць яшчэ не хацелася. Жыць, увогуле, таксама.
Канчатковае рашэнне пытання адкладалася,
Па крайняй меры, да вечара.
Зрэшты, не важна...
Спіс спраў, чарада працэдур,
Гульня ў хованкі з часам.
Зацягванне безвыходнасці.
Не вельмі ж і хацелася...
Выйсці з дому, ступіць на вар'яцкі карабель,
Што праплывае па буднях, праплывае па буднях
З табой на карме, —
Гэта подзвіг, годны старажытных герояў.
У пэўным сэнсе мы ўсе — Адысеі.
Каб патрапіць на месца, патрабуецца 20 хвілін.
За гэты час душа здзяйсняе кругасветнае падарожжа
Па морах рэфлексіі.
Добрай раніцы, метафізіка!
«Вы будзеце гарбату ці каву?»
«Дазвольце расказаць вам пра свае праблемы».
«Я сёння дрэнна спаў — сніліся благія сны»,
«Гэтая тэма годная першай паласы.
Папрацуйце над ёй добра...»
«Двайное забойства». «Рака выйшла з берагоў».
«Правальны год для эканомікі» —
Вось загалоўкі будучых артыкулаў, што выйдуць у газеце.
А як жа паэзія? «Вы што хочаце гэтым сказаць?»
«Прыходзьце заўтра пасля дванаццаці».
«Гэта мы абмяркуем на планёрцы».
«Падрыхтуйце вашыя пытанні».
А як жа паэзія? Паэзія, як заўсёды, ні пры чым.
Зрэшты, як і ўся астатняя літаратура,
З яе прозай і драматургіяй.
«Так і жывём, mon cher ami. Так і жывём».
«Сустрэнемся ў бары ў 18.00».
«Мне раптам стала так самотна,
Вырашыла патэлефанаваць табе».
«На вуліцы Кветкавай адкрыўся бутык».
«Ты прыйдзеш сёння вечарам? Я спяку шарлотку».
«Да гэтага артыкула патрэбныя каментары».
«Ты заўсёды са мной халодны, замкнёны і сухі».
«Я стамілася ад усяго гэтага».
«Пачатак зрабіце больш экспрэсіўным,
Каб утрымаць чытача...»
«Мне не хапае тваёй увагі...»
«Не, так не падыходзіць, — перарабіце зачын і канцоўку».
«Я ўжо шкадую, што сустрэлася з табой».
Ты адключаеш мабільную сувязь,
Таму што гэта ўжо занадта.
Ва ўсякім выпадку, лакальныя катастрофы
І парывы адносін
Не ўваходзілі ў тваe бягучыя планы,
Якія ты старанна пазначаеш ў штодзённіку.
Дзень памірае. Агаворка па Фрэйдзе.
Чутны шоргат у пясочным гадзінніку.
Ліміт твайго часу вычарпаны.
Ты выключаеш святло, замыкаеш усе дзверы,
І гэта падобна на сімвал,
Пра што не хочацца думаць.
Між тым дарога дадому — таксама метафара.

Уздрыгваючы ў канвульсіях, ліфт
Падымае цябе ўверх, у твой хатні Аід.
Ты маўчыш,
Утаропіўшыся ў сцяну...

***

З мінулага стагоддзя вершы,
З класічнага стагоддзя — пешшу,
Праз памяць, праз мяне — наўпрост —
Яны не скардзяцца на лёс.

Растуць сабе, — як было сказана, —
Метафарычна так развязаныя,
Яны жывуць тут, як і ўсе...
І вершы гэтыя — мае...

Там, где не хватает секса и газет

Если этот опус вдруг попадет в сотый номер обожаемого мной «Абажура», то, во-первых, поздравляю его коллектив с юбилеем. Во-вторых, должен отметить важное для каждого журналиста профессиональное наблюдение: в жизни бывает так, что можешь оказаться в ситуации, когда газеты важнее секса…

Сергей ВОЗНЯК, главный редактор газеты «Товарищ»

С сексом история была такая.

Арестовали меня под утро 20 декабря 2010 года. Приехали домой примерно в 4.30. Человек двенадцать — оперативники центрального аппарата КГБ. Показали служебные удостоверения в дверной глазок и сказали, что я подозреваюсь в организации массовых беспорядков на Площади.

Один зашел в квартиру и смотрел, как я одеваюсь, остальные остались на лестничной площадке или расположились на улице под моими окнами — видимо, чтобы я не смылся с третьего этажа через балкон или не выбросил чего-нибудь в форточку.

Вели себя в целом приемлемо. Даже наручники не надевали. Один только обшарил карманы и закоулки моей одежды, а другой обматерил. Но без особого энтузиазма, скорее, по выработанной годами служивой привычке.

Посадили в темно-синий микроавтобус с тонированными стеклами, и мы поехали. Как оказалось — в «американку».

Там после очень тщательного личного досмотра — с раздеванием догола и приседаниями — и оформления каких-то арестантских бумаг повели в камеру № 13. Одной рукой я держал скрученный в рулон матрас с подушкой, другой — настил из сколоченных между собой досок. Это была моя кровать на ближайшие, как оказалось, полтора месяца.

Надзиратель открыл дверь камеры, и я со всем этим имуществом переступил порог.

Камера маленькая. Примерно с кухоньку в советской квартире-«брежневке». Потом выяснилось, что изначально она планировалась для содержания двух арестованных. У боковых стен друг напротив друга — нары. У короткой стеночки под зарешеченным окошком — столик на двоих для приема пищи.

Со временем камеру «усовершенствовали» — наварили над каждым «койко-местом» второй ярус нар. Получилась камера уже на четверых. Хотя жизненного пространства и воздуха от этого не прибавилось.

Но я в этой камере был даже не четвертым, а шестым!

Просидел в ней две недели. Спал на сколоченном деревянном настиле, примостившись под столом. 4 января меня с этими досками в качестве кровати перевели в такую же по размерам двухместную камеру № 15. Там я был пятым арестантом. И это было очевидное улучшение жилищных условий.

Но вернемся к утру 20 декабря. И к вопросу о сексе.

Переступаю порог камеры № 13. Ко мне по узенькому проходу между нарами подходит человек. Мы потом с ним очень

сдружились. Он оказался классным мужиком и интересным собеседником. Бывший мент, подполковник, старший оперуполномоченный одного из столичных РУВД. Арестовали из-за загородного дома, который, как утверждало следствие, милицейский опер строил себе с использованием служебного положения. Через несколько дней общения разоткровенничался бывший опер настолько, что рассказал мне о том, как начинал свою лейтенантскую службу командиром взвода в бригаде полковника Дмитрия Павличенко: «Господи! Сколько же я Чернобыльских шляхов разогнал! И все ради того, чтобы сидеть потом в одной камере с оппозиционером...»

Его звали Василий. Он тут же, у двери камеры, ввел меня в курс дела:

— Новенький? Тогда запомни для начала два главных правила. Первое: вот у входа ведро для малой нужды. По-большому здесь выводят в туалет два раза в сутки. Так вот, если захочешь справить малую нужду, смотри, чтобы в этот момент никто в камере не ел. И наоборот: прежде чем есть, посмотри, чтобы никто не справлял нужду. Правило второе: ни слова о сексе, ни слова, это — категорически!

Надо сказать, по первому правилу у меня вопросов никаких не было. По опыту трехсуточной отсидки в мае 2010 года в СИЗО ГУВД на Окрестина я уже знал, как тщательно зэки следят за своим здоровьем вообще и гигиеной в частности. А вот второе правило вызвало недоумение:

— Что, даже анекдот о сексе рассказать нельзя?

И подполковник Василий, которому на тот момент было 36 лет и который в камере по возрасту до меня был самым старшим, спокойно так ответил:

— Я в этой клетке 10 месяцев под следствием сижу. А вот он, — жестом руки показал на лежавшего на нижних нарах Романа, 30-летнего предпринимателя, — уже полтора года...

Едва разобравшись с дефицитом секса, пришлось столкнуться с дефицитом информации.

Вообще-то, по внутренним правилам СИЗО КГБ, в камерах разрешается иметь телевизор, а каждый подследственный имеет право выписывать газеты и журналы. Причем, насколько я понял, безо всяких ограничений: и «государственные», и «негосударственные». Во всяком случае, мой сокамерник Юрий (в «мирской» жизни — заместитель начальника следственного отдела областной прокуратуры, арестован и затем осужден к пяти с половиной годам за взятку) выписывал и получал прямо в камеру «БелГазету».

Но так было до той поры, пока в «американку» не попали мы, политические. Появление фигурантов Площади администрация СИЗО сопроводила жесткой информационной блокадой всех следственно-арестованных. В этот же день, 20 декабря, в камере отсоединили антенну телевизора. Газеты и журналы перестали приходить, а на все жалобы выписывавших прессу арестантов начальник СИЗО отвечал отговоркой, ссылаясь на какие-то временные технические проблемы.

Газеты изымались даже из передач от родственников, где они использовались в качестве оберточной бумаги под колбасу и сало. Из-за нас, политических, от информации таким образом были отрезаны все обитатели «американки».

Видимо, администрация СИЗО таким образом пыталась решить сразу две задачи: отрезать фигурантов Площади от любых новостей с воли, чтобы было легче сломать психику, и настроить против нас остальных арестованных.

Первое у администрации получилось. Второе, должен отдать должное всем своим сокамерникам, — нет.

Поначалу мы обходились старым запасом газет, скопившихся в основном после прежних передач от родственников. Арестованные подстилали их на металлическую решетку нар под тонюсенькие тюремные матрасы — так было мягче спать. Информационный голод вынуждал нас периодически извлекать эти запасы и использовать старые газеты по прямому назначению — не в качестве подстилки, а для чтения.

Невероятной ценностью были газетные кроссворды! Это настоящее спасение для камерного времяпрепровождения перед отбоем — когда выключается основной свет и загорается тусклая лампочка дежурного освещения. Я до сих пор сражен коллективным интеллектом камеры № 13: не было ни одного кроссворда, который мы бы не разгадали. И это при отсутствии интернета и словарей, все по памяти. Люди-то в «американке» сидят не простые. В основном за экономические преступления и злоупотребления. Сплошь начальники. У каждого почти по два-три высших образования. Кто-то специалист в технике, кто-то сильный гуманитарий. Короче, щелкали мы эти кроссворды, как орешки.

За все время отсидки (а под подписку о невыезде я вышел только 29 января) газет в камере так и не появилось. В самом конце моего «американского» срока пообещали включить телевизор. И включили-таки. Но трансляции обычных телеканалов при мне не было. Крутили квазиисторический и псевдодокументальный, на мой взгляд, фильм Юрия Козиятко «Новейшая история». Все серии подряд, несколько дней с повторами. До тошноты. Видимо, чтобы мы прониклись чем-то кому-то нужным и стали на путь исправления.

Но это уже не имело никакого отношения не только к сексу, но и к информации...

Аляксандр Бахановіч: дырэкторыя па-беларуску

Андрэй ЧАРНЯКЕВІЧ,
кандыдат
гістарычных навук,
Гродна

*«Вельмі верагодна, што Вам… прыходзілася ня раз чуць маё імя. Калі не, дык Вам не саставіць вялікай цяжкасці асведаміцца ў Краі а маёй асобе і дзейнасці. Я той амаль адзіны беларус, селянін па паходжанню, каранны жыхар і ўраджэнец Гродзенскага ўезду, які з першых дзён існавання "беларускага пытання" стаяў і працягвае стаяць на пазіцыі поўнага едзінення Края са ўсёй астатняю Расіяй. З гэтай прычыны мне прыходзіцца вясці барацьбу з пропаведзью ўсіх іншых ідэй, безумоўна, не маючых нічога агульнага з сапраўднымі жаданнямі беларускага народу…»**
Так ахарактарызаваў сам сябе Аляксандр Бахановіч у лісце да вядомага расійскага тэрарыста Барыса Савінкава восенню 1920 года.

Ад рэдакцыі. У гістарыяграфіі прозвішча А. Бахановіча сустракаецца не вельмі часта, у адрозненне ад іншых змагароў за «беларускае шчасце». З сівой мінуўшчыны, з часоў Сярэднявечча, у сярэдзіне XIX і напачатку XX стагоддзя, калі прыйшлі Саветы, марылі беларусы пра волю і самастойнасць. Толькі прадавалі іх мару, бессаромна ашуквалі, як дзяцей, і гвалтам насаджалі чужую палітыку, непрымальны лад жыцця. Гэтым займаліся як апантаныя камуністычнай ідэяй бальшавіцкія правадыры, гэтак і рознага колеру эмісары з больш далёкага замежжа.
Дагэтуль на вуліцах і плошчах беларускіх гарадоў стаяць помнікі-ідалы тым, хто нават і дачынення не меў да нашай Бацькаўшчыны, а калі і меў, то вельмі апасродкаванае ці якое прынесла новыя выпрабаванні беларусам. Было ў нашай гісторыі дастаткова людзей, якія ахвяравалі сабой, якія мелі гонар і годнасць, мужнасць і смеласць у адстойванні сапраўды нацыянальных інтарэсаў. Аднак у гістарычных падручніках і даведніках, напісаных палітычна заангажаванымі «спецыялістамі», іх імёны амаль не згадваюцца, а калі і згадваюцца, то надта павярхоўна. Таму мусім прапанаваць на старонках «А» новую рубрыку «Героі і псеўдагероі Беларусі». Ніякай ідэалогіі, ніякіх эмоцый. Толькі факты, толькі архіўныя дакументы ды ўспаміны сведкаў тых ці іншых падзей.

* Тут і далей у цытатах захоўваецца правапіс арыгінала.

Каб даведацца больш пра асобу А. Бахановіча, «запытаемся» ў ягоных сучаснікаў, кім жа насамрэч з'яўляўся чалавек, які называў сябе «адзіным сярод выплыўшых зараз на паверхню беларускіх палітычных дзеячаў, які добра ведае аб усіх патрэбнасцях і жаданнях Краю…».

Антон Луцкевіч, на той момант старшыня Рады міністраў БНР, неяк пачуўшы пра Бахановіча, тут жа адрэагаваў: «…Пахне звычайнай палітычнай авантурай…» [6] Прадстаўнік генерала Урангеля ў Варшаве быў больш стрыманы і ліст А. Бахановіча пракаментаваў наступным чынам: «Мною атрыманы наблагапрыятныя водгукі адносна папярэднай дзейнасці Бахановіча як у якасці беларускага дзеяча, гэтак і ў якасці старшыні рускага камітэта». Аднак больш поўную характарыстыку даў яму намеснік польскага генеральнага камісара ўсходніх зямель (Грамадзянскае ўпраўленне Усходніх зямель — орган на акупаваных тэрыторыях былога ВКЛ. — *Рэд.*) Е. Івашкевіч: «Бахановіч з'яўляецца вельмі зручным аферыстам і палітычным шарлатанам, нацягіваючым альбо беларускую, альбо расейскую маскі. Ходзіць яму толькі аб матэрыяльных карысцях, дзеля якіх ён з лёгхасцью адмаўляецца ад галоўных прынцыпаў…» [1, s. 59]

Аляксандр Бахановіч, хутчэй за ўсё, паходзіў з мястэчка Азёры, што каля Гродна. Пасля заканчэння Віленскага пяхотнага вучылішча даслужыўся да паручніка інжынерных войскаў у складзе 1-га

Сібірскага палка. Ягоная палітычная кар'ера пачалася ў 1917 годзе, калі пры падтрымцы А. Керанскага ён стварыў Гродзенскі вайсковы саюз. Пасля бальшавіцкага перавароту ў 1917 годзе А. Бахановіч узначаліў Цэнтральны камітэт аб'яднаных грамадскіх арганізацый Гродзенскай губерні ў Петраградзе. А 22 чэрвеня 1918 года ён нават атрымаў паўнамоцтвы ад віленскага Беларускага народнага камітэта (БНК) на тое, каб весці перамовы з савецкімі і нямецкімі ўладамі пра вяртанне бежанцаў і іх маёмасці з Расіі ў заходнія беларускія губерні.

Паводле А. Сідарэвіча, першы раз А. Луцкевіч сустрэўся з А. Бахановічам улетку 1918 года. Захаваўся чарнавік ліста А. Луцкевіча да начальніка адміністрацыі акупаваных тэрыторый фон Фалькенгаўзена з просьбаю прыняць дэлегацыі Віленскай беларускай рады (братоў Луцкевічаў і Дамініка Сямашку) і Цэнтральнага камітэта аб'яднаных грамадскіх арганізацый Гродзенскай губерні (А. Бахановіча ды П. Мінька), каб абмеркаваць умовы і магчымасці вяртання ўцекачоў і выгнанцаў з Гродзеншчыны да сваіх гаспадарак [13].

У ліпені 1918 года, калі Цэнтральны камітэт аб'яднаных грамадскіх арганізацый Гродзенскай губерні разагналі бальшавікі, ягоны старшыня пераехаў у Кіеў, дзе далучыўся да Кіеўскай Нарады беларускіх палітычных дзеячаў — арганізацыі расійскіх афіцэраў шавіністычна-манархічнага кірунку [3, с. 554].

Вось што піша пра тыя часы сам А. Бахановіч: «...На ўсялякі выпадак хачу Вас асведаміць, што прыналежу да партыі народных сацыялістаў, а з боку "беларускіх дзеячаў" вялікай сімпатыяй не карыстаюся, часцей ад іх падвяргаюся ўсялякай травлі, так як не спачуваю ня іх сепаратыстычным імкненням, ня іх мелкім, адзін супраць другога, інтрыгам...»

Уласна кажучы, гэта А. Бахановіч быў спецыялістам па ўсялякіх інтрыгах. Яшчэ ў Кіеве ён паспрабаваў арганізаваць кампанію супраць прадстаўнікоў урада БНР А. Цвікевіча ды М. Доўнар-Запольскага. Справа ў тым, што А. Цвікевіч па прыездзе з Мінска ў Кіеў увосень 1918 года заняў пасаду генеральнага консула БНР ва Украіне. Тут якраз выявіліся вялікія злоўжыванні беларускай Гандлёвай палаты, дзейнасць якой нават расследавала рэвізійная камісія Украінскага ўрада. Замест палаты А. Цвікевіч арганізаваў Беларускае гандлёва-эканамічнае бюро. «Нічога добрага са ўсёй гэтай дзейнасці не выйдзе, — пісаў А. Бахановіч да А. Луцкевіча, — а скандал і сорам дзеля беларускай справы наспявае вялікі... Яшчэ раз настойліва прашу із'яць з "высокіх сфераў" А. Цвікевіча, інакш будзе беда і сорам...» [6]

У пачатку 1919 года А. Бахановіч быў ужо ў Адэсе. Пазней, у 1921 годзе, Антон Луцкевіч апісаў яго і ягоныя дзеянні ў артыкуле з красамоўнай назвай «Самазванцы»: «...Пад націскам бальшавікоў на Кіеў, дзе пры Скарападзкім была сабралася ўся расейская рэакцыя, гэныя чорныя крукі пачалі ўцякаць у Адэсу. І тут на рубяжы 1918–1919 гадоў мы бачым новую спробу спэкуляцыі на беларусах. Гэтым разам папрабаваў шчасьця нейкі авантурнік Бахановіч (з Горадзеншчыны), быўшы некалі афіцэрам у расейскай арміі. Бахановіч гадоў дваццаць бадзяўся па Расеі, калі ж узьнялася бальшавіцкая рэвалюцыя, ён завёў нейкія падазрыцельныя адносіны зь немцамі і пры іх помачы прыяжджаў зь Пецярбургу на Беларусь. Не знайшоўшы тут грунту для сваёй спэкуляцыі, ён перакінуўся ў Кіеў і з усёй маскоўскай чорнай сотняй перасяліўся адтуль у Адэсу. Карыстаючыся з таго, што з Бацькаўшчынай не было ніякае сувязі, Бахановіч заявіў тамтэйшым беларускім арганізацыям, быццам у Менску Рада Рэспублікі і Ўрад разагнаны немцамі, а затое ў Слоніме адбыўся новы "ўсебеларускі кангрэс", каторы выбраў "дырэкторыю" зь пяцёх асоб, за галаву яе назначыўшы яго, Бахановіча. Нягледзячы на паказаньне "натарыяльных" копій пастаноў "кангрэсу", ніколі ня быўшага, прадстаўнікі ўраду Бел. Нар. Рэспублікі зразу "раскусілі" самазванца і раскрылі яго карты перад французскай галоўнай камандай у Адэсе, да каторай Бахановіч зьвярнуўся па пропуск у Парыж на міравую канфэрэнцыю. Адначасна Бахановіч зьвязаўся з генэралам Дзянікіным, абвесьціў ад імя Беларусі прылучэньне яе назад да Расеі, атрымаў некалькі сот рублёў "задатку" за прадажу Беларусі і меўся атрымаць некалькі мільёнаў "на арганізацыю беларускай арміі",

каб, маючы пропуск у Парыж, з гэтымі грашмі пусьціцца на вольны сьвет. Генэрал Дзянікін, верачы Бахановічу, паслаў яму прывітальную тэлеграму, выказваючы сваю радасьць з прычыны павароту беларусаў пад "Матушку-Расею"! Але адэскія беларусы папсавалі ўсе пляны Бахановіча: французы яго арыштавалі як звычайнага ашуканца і выпусьцілі, толькі ўзяўшы падпіску, што пакіне распачатую авантуру. Дзянікін таксама адрокся ад яго і грошы ня даў...» [5]

Больш грунтоўна гісторыю з абвяшчэннем «урада» апісаў у справаздачы ад 19 снежня 1919 года консул БНР у Адэсе Сцяпан Некрашэвіч: «...На адэскім беларуска-палітычным небасхіле праізашлі важныя з'явы. Да Адэсы сталі прыезджаць так званыя члены кіеўскага савешчаньня беларускіх грамадзянскіх палітычных дзеячаў, якія сталі прэтэндаваць на глаўную ролю па беларускаму пытаньню. Між іншым, прыехалі: А. Бахановіч, бар. Розен, палк. Беляеў, Кадыгробаў, Лютамірскі, Гартынскі, генэр. Андрыеўскі, Карташоў і інш. Прэдвадзіцельстваваў Бахановіч. Усе гэтыя "дзеячы" зразу жа сустрэлі моцны адпор як з майго боку, так і з боку адэскае нацыянальнае Рады, досыць моцнай арганізацыі, якая ва ўсім мяне падтрымлівала. Тады кіеўскія дзеячы прапанавалі кампраміс — зарганізаваць адну агульную арганізацыю. Штоб не перэшкаджаць глаўнай нацыянальнай справе, мы згадзіліся. У рэзультаці гэтаго быў зарганізаваны "Белорусскій Національный Центръ", з'яўляўшыйся вышэйшаю палітычна-грамадзянскаю арганізацыяю для прэдстаўніцтва перад дзержавамі згоды і дабравольчаю арміяю... Старшыною Цэнтра спачатку быў я, пасьля Бахановіч і ў канцы Грамыко, член адэскае нацыянальнае Рады. Спачатку праца ў Цэнтры ішла згодна. Была вырабатана дэклярацыя на ўсесьветную канфэрэнцыю, другая дэклярацыя была паслана да Дэнікіна... Повад да разрыву зрабіў Бахановіч. У Цэнтр была ўнесена прапазыцыя аб выбару членаў ад Цэнтра на Сусьветную канфэрэнцыю. Ні ведаючы, ці зроблены такія выбары ад цэнтральнае беларускае Улады, наша левае крыло на выбары згадзілася. Выбраны былі я, Бахановіч і Базарэвіч. Тады Бахановіч унёс у Цэнтр другую прапазыцыю — аб абразаваньні беларускага краевого Ураду, знаходзячы, што безсэнсна пасылаць дэлегатаў на кангрэс ад арганізацыі, а не ад Ураду. Яго прапазыцыю падтрымаў Базарэвіч і кіеўскае савешчаньне... На двох пасядзэньнях дэбатавалася гэтае пытаньне і вырашылася не на карысьць Бахановіча. Тады ен з Базарэвічам паставілі Цэнтру ўльціматум: калі краевы Урад не будзе зарганізаваны, тады яны адказваюцца ехаць да Парыжу. Апошнее Цэнтрам было прынято з легкім сэрцам, і былі назначаны другія выбары. На гэты раз былі выбраны: я, Ладноў і Ігнацьеў... Балаціраваўся і Бахановіч, але на гэты раз быў забалаціраваны. Пасьля гэтаго Бахановіч пачаў усюды абліваць гразьзю нашую дэлегацыю і стаў рабіць правакатарскія заходы, штоб нашай дэлегацыі ні далі візы для праезду ў Парыж. Аб гэтым у мяне былі яго дакумэнты, і за гэта ен быў выключаны із саставу членаў Цэнтра...

Праз колькі дзён — гэта было ў канцы студня — Бахановіч з'явіўся ў Цэнтр, у якім ён пасьля правала на выбарах перастаў бываць, і прачытаў паперу, што ў Слоніме з'езд з прэдстаўнікоў усіх губэрняў Беларусі даручыў Гродзенскаму Камітэту аб'еднаных грамадзянскіх арганізацыяў (Бахановіч быў старшыною гэтаго камітэту) злажыць Урад і што згодна з воляй з'езда гродзенскі камітэт злажыў дырэкторыю із 5 асоб: яго, Бахановіча (старшына Ураду), Ілавайскаго, Бандарука і яшчэ двох асоб... Пры гэтым арыгінал паперы паказаны не быў. У адказ на гэта яму было прачытано аб выключэньні яго із саставу членаў Цэнтра "за неблагавідные поступки". На другі дзень у адэскіх газэтах была надрукована тэлеграма Дэнікіна, які прывітаў краевы Урад Бахановіча. Гэтае прывітаньне было ісхадатайствавана генэралам Гальфтэрам, пасланым кіеўскім савешчаньнем для палучэньня разрашэньня на фармаваньне Заходнай арміі. Яшчэ праз колькі дзён Бахановіч выступае ў мэмарандуме чатырох "гасударственных образованій": Беларусі, Дона, Кубані і Украіны».

У мемуарах Арнольда Марголіна (дыпламатычны прадстаўнік дырэкторыі ў Лондане, пісьменнік, грамадскі дзеяч, адвакат. — *Рэд.*) захаваўся тэкст самой заявы і даволі шырокі каментар да яе: «...Разам са мною ад імя ўкраінскага ўраду

заяву падпісаў д-р Галіп, ад Кубані — Л. Л. Быч, ад Беларусі — ген. Бахановіч, ад Дону — генерал Чарачукін... Ніжэйпадпісаныя, прадстаўнікі Украіны, Беларусі, Дону і Кубані, якія сабраліся ў Адэсе, на сумеснай нарадзе пастанавілі звярнуцца да Вярхоўнага Камандавання дзяржаваў Антанты з ніжэйпададзеным мемарандумам па пытаннях: 1. Аб рэформе дзяржаўнага ладу гэтых тэрыторый, роўна як і суседніх з імі дзяржаўных утварэнняў. 2. Аб шляхах і метадах для задушэння анархіі і бальшавізму ўва ўсіх тых дзяржавах і частках, на якія распалася Расея.

...Мы, прадстаўнікі Украіны, Беларусі, Дона і Кубані, прыйшлі да глыбокага пераканання, што пытанне дзяржаўнага ладу гэтых чытырох адзінак можа атрымаць хуткі і належны развязак толькі шляхам асобнага ажыццяўлення пачаткаў дзяржаўнасці і парадку ў кожнай з іх... І мы звяртаемся, цераз пасярэдніцтва Высокага Саюзнага Камандавання, да дзяржаваў Антанты з просьбаю пра аказанне магчымай дапамогі нацыянальным імкненням нашых народаў да ўмацавання ўжо створаных асобных утварэнняў. І толькі пасля задушэння бальшавізму і анархіі, калі насельніцтва кожнага такога ўтварэння будзе мець магчымым свабодна выказаць сваю сапраўдную волю, надыдзе час для высвятлення тых ці іншых умоваў пагаднення паміж імі на пачатках свабоды, роўнасці і братэрства ўсіх народаў, пачатках, выказаных вашымі вялікімі нацыямі... Мы звяртаемся да Саюзнага Камандавання таксама па тэхнічную дапамогу і па ўсе тыя прадметы, якіх у нас зусім няма ці якія ёсць у недастатковай колькасці. У першую чаргу нам неабходны стрэльбы, патроны, мітральезы (станковыя кулямёты. — *А. Ч.*), цяжкая артылерыя, а ў асаблівасці танкі і бліндзіраваныя (бранiраваныя. — *А. Ч.*) аўтамабілі.

...Мы дапускаем, што для больш паспяховай арганізацыі барацьбы трэба стварыць агульны генеральны штаб для кіраўніцтва ўсімі аперацыямі на аснове ўзаемнага пагаднення дзяржаўных новаўтварэнняў, якія знайходзяцца ў стане вайны з бальшавізмам, паміж сабою і ў кантакце з дзяржавамі Антанты. Такі штаб не павінен быў бы ўмешвацца ў палітычнае жыццё і ўнутраныя справы дзяржаўных новаўтварэнняў».

Ужо 5 лютага 1919 года заяву надрукавалі ўсе адэскія газеты, што выклікала шырокі грамадскі рэзананс і жорсткія нападкі з боку прадстаўнікоў той палітычнай плыні, якая чакала выратавання Расіі ад Добраахвотніцкай арміі генерала Антона Дзянікіна. Пазней аказалася, што ў Адэсе знаходзіцца беларускі консул С. Некрашэвіч, які аспрэчваў правамоцнасць дэлегацыі Бахановіча і меў даверанасць ад урада БНР.

«Мы не маглі ўмешвацца ў разгляд чужых унутраных справаў, — адзначае далей А. Марголін, — а таму задаволіліся тым, што Некрашэвіч у сваю чаргу далучыў свой подпіс да нашай заявы, пра

што апавясціў і вярхоўнае саюзнае камандаванне. Як мы ўстанавілі, французы лічылі Некрашэвіча прадстаўніком больш аўтарытэтнай плыні ў Беларусі» [12].

«У гэты ж час я атрымаў ад Бахановіча паперу звярнуцца да яго за палучэньнем консульскіх паўнамоцтваў, — паведамляе Некрашэвіч. — Апроч таго, я атрымаў весткі, што ён вядзе ўмовы з украінцамі аб 500-міліонным займе. Тады я рашыў уступіць з ім у барацьбу. Перш усяго я ў адэскія газеты за сваім подпісам паслаў ліст вельмі рэзкага характэру, што едынай уладай на Беларусі з'яўлаецца ўлада Беларускае Рады, выбранай Усебеларускім з'ездам у 1917 р., што іменуюшчы сябе старшыною Беларускаго Ураду А. Бахановіч выключанны "за неблагавідныя поступкі" із саставу членаў Цэнтра, зладжыў Урад самачынна і самазванна і што мною і Беларускім Цэнтрам прыімаюцца меры да ліквідацыі авантуры Бахановіча. Падобна гэтаму заяўленьню, я зрабіў заяву французам, украінскай місіі, кубанскай дэлегацыі, грузінскаму консулу і др. прэдстаўнікам нацыональнасьцяй, у рэзультаці чаго перад Бахановічам дзьверы ўсюды зачыніліся. Так ён хацеў, штоб яго прыняў начальнік штабу д'Ансэльма палкоўнік Фрэйдэнберг. Для гэтаго ён засылаў генэр. Андрыеўскаго, але Фрэйдэнберг катэгорычна адказаўся прыняць Бахановіча. Перасталі прымаць яго і ўкраінцы. Ні нашоў ён падмогі і ў дабравольчам камандаваньні, бо начальнік палітычнаго аддзела Штабу дабравольчае арміі член Цэнтра палкоўнік Ёнгельгардт быў на

маем баку і аб самазванным урадзі Бахановіча паслаў вядомасьці ў Стаўку Дэнікіна. Тым часам прыехаў да Адэсы Белевіч і прывез вядомасьці пра наш урад і Раду. Што Бахановіча ўрад быў самазванна з'арганізаваны ў Адэсі, у мяне былі пэўныя вядомасьці. Із іх глаўная тая, што печатка для сваго ўраду Бахановічам была зроблена раней, як адбыўся міфічны з'езд у Слоніме. Бахановіч пробоваў устаць на ногі і так сама некалькі разоў выступаў у газэтах, гаварыў, што Рада не істнуе, даводзіў да ведама, што ён мяне лішыў паўнамоцстваў, гразіў аддаць пад суд, але мне на падмогу прышлі Цэнтр, адэская Рада і беларускі гурток рабочых, якія так сама вынеслі рэзалюцыі проціў Ураду Бахановіча і надрукавалі іх у газэтах. Бахановіч павінен быў афіцыяльна сазнацца, што палітычная справа яго ў Адэсі кончана, аб чым ён і заявіў у газэтах, што адказваецца ад уселякай палітычнае і грамадзянскае працы. Так безслаўна скончылася авантура Бахановіча...» [3, с. 549–550]

Перад ад'ездам з Адэсы А. Бахановіч павінен быў адмовіцца ў мясцовых газетах ад «усялякай палітыкі і прэтэнзій на кіраванне Беларусьсю». Ён так і зрабіў, аднак дадаў у прыватнай гутарцы, што «калі прыедзе ў Гродна, то будзе там кіраваць, бо ў Гродна яго ўсе добра ведаюць, а тут, у Адэссе, — ніхто».

І насамрэч, калі вясной 1919 года А. Бахановіч трапляе ў Гродна, то адразу разгортвае шырокую дзейнасць ад імя Гродзенскага губернскага цэнтральнага камітэта аб'яднаных грамадскіх арганізацый. «...Нядаўня ў Гродна прыехаў Бахановіч, — дакладаў у лісце да міністра ўнутраных спраў БНР К. Цярэшчанкі гарадзенец У. Курбскі, — і хоча разам з Управай разбіць Цэнтральную Беларускую Раду Гродзеншчыны. Сялянская рада, рашыўшы, што Бахановіч мае грошы, хацела ўжо ісці за ім, але мы астанавілі, сказаўшы, што хутка прыедзе Ластоўскі. Так сама хоча зрабіць і вучыцельская рада. Безденежье губіць усю справу...»

«Трохі шкодзіць працы арганізованная Якаўлюком і Бахановічам "Вучнёўская грамада", — пісаў У. Курбскі К. Цярэшчанку ў канцы красавіка, — але мы з ею борэмся, і яна, не маючы нічога рэальнага, ужо распадаецца» [8, л. 141–141 адв.].

У сярэдзіне чэрвеня 1919 года ў Гродне прайшла шырокая хваля арыштаў, арганізаваная польскімі ўладамі і накіраваная ў першую чаргу супраць мясцовага «расейскага элемента». Усяго, паводле Я. Антонава, было арыштавана 79 чалавек. Шмат хто з іх належаў да былых рускіх чыноўнікаў, звязаных з Гродзенскай управай ці Міністэрствам беларускіх справаў пры Літоўскім урадзе. Сярод арыштаваных апынуўся і А. Бахановіч, якога польскія ўлады інтэрнавалі ў лагер Домб'е [11].

З Домб'я ў лістападзе 1919 года А. Бахановіч зноў вяртаецца ў Гродна і на кароткі час спыняецца ў гатэлі «Раяль». На гэты раз ён звяртаецца да польскай адміністрацыі з прапановай сфарміраваць рускую добраахвотніцкую армію ў складзе польскага войска ды адкрыць у горадзе «Рускі камітэт». Адначасова 29 снежня 1919 года ў сваім дакладзе міністру замежных спраў белагвардзейскага Усерасійскага ўрада Калчака і Дзянікіна С. Сазонаву, які знаходзіўся ў Парыжы, А. Бахановіч паведамляў пра становішча на Гродзеншчыне: «...Магу смела заявіць, што сялянскі элемент стаіць на адмоўных адносінах як да Польшчы, так і да Літвы, прызнаючы сябе толькі рускімі і жадаючы бачыць сябе ў складзе адзінай,

непадзельнай Расіі. Насільна ўвадзімую ў школах беларускую мову... сяляні і слухаць ня хочуць, а многія вёскі забралі са школак сваіх дзяцей толькі таму, што выкладанне ў іх вядзецца на беларускам нарэчыі... Мы патрабуем свабоды функцыянавання расійскіх грамадскіх арганізацый, школ, кааператываў і г. д., так як штучныя "беларускія" ўстановы, ствараемыя ці палякамі, ці іх агентамі, цалкам не адпавядаюць жаданню беларускіх мас, і насельніцтва іх ігнаруе. Што тычыцца школ, то насельніцтва станоўча заяўляя аб не жаданні вучыць сваіх дзяцей на той тарабаршчыне, якая носіць назву "беларускай мовы" і якая дазваляецца палякамі, у той час як руская мова забаронена для карыстання ня толькі ў школах, а нават у шыльдах і аб'явах. Забараняючы рускую мову і выдатна разумеючы, што з беларускай мовай далёка пайсці нельга, палякі гэткім чынам жадаюць штучна абязлічыць народ, прымусіць яго заставацца цёмным і паспрабаваць адарваць ад рускага роднага цела...»

На пачатак 1920 года А. Бахановіч перабіраецца ў Прагу, пасля чаго ў газеце «Прикарпатская Русь» была надрукаваная аб'ява пра тое, што хутка мае

адбыцца сход «беларускіх грамадскіх дзеячаў» (прычым у якасці кантактнага адраса была пададзена рэдакцыя газеты «Русское дело»), а ў канцы таго ж года робіць спробу паразумецца з Б. Савінкавым. Але адведзены А. Бахановічу час ужо скончыўся. Што праўда, ягоная гарачая натура яшчэ спрабавала дастасавацца да новага ладу. Ён у чарговы раз прыязджае ў Гродна, дзе пачынае судовую справу аб кражы маёмасці з кватэры сваёй памерлай маці, чым, паводле ягоных слоў, настройвае супраць сябе мясцовую польскую адміністрацыю, якая намагалася пазбавіць А. Бахановіча польскага грамадзянства і выслаць за межы краіны як небяспечнага для Польшчы чалавека. Паступова ягоны «інтарэс» робіцца зусім дробным: ад мары пра пасаду беларускага дыктатара А. Бахановіч скочваецца да выканання абавязкаў паўнамоцнага прадстаўніка княгіні М. Вяземскай. Ён адстойвае яе правы на былы маёнтак каля м. Азёры, якім кіравала таварыства «L'Immobiliere de France et des Colonies», пакуль, нарэшце, ягоныя сляды ў гісторыі канчаткова не губляюцца [4, л. 1–3].

Крыніцы і літаратура

1. Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy. Dzial Starych Druków i Rękopisów. Zarząd Cywilny. Ziem Wschodnich. Nr. akc. 1773/3/I.
2. *Антонаў І.* Успаміны аб польскай акупацыі Горадзеншчыны ў 1919–1921 гг.: Малюнкі гвалту і зьдзеку фацетных польскіх паноў на Беларусі: (Мае перажываньні). [Б. м.], 1921.
3. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Кн. 1, т. 1. Нью-Ёрк і інш.: Бел. ін-т навукі і мастацтва, Т-ва бел. пісьменства «Наша ніва», 1998.
4. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. Ф. 17. Воп. 1. Спр. 42.
5. *Луцкевіч А.* Самазванцы // Наша Думка. 1921. 14 студз.
6. *Луцкевіч А.* Дзённік // Полымя. 1991. № 4. С. 205–224. № 5. С. 168–191.
7. *Мядзёлка П.* Сцежкамі жыцця. Мінск: Мастацкая літаратура, 1974.
8. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 325. Воп. 1. Спр. 22.
9. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 458. Воп. 1. Спр. 9. Л. 89–102.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 878. Воп. 1. Спр. 8. Л. 33, 38.
11. *Пануцэвіч В.* Гарадзеншчына ў нацыянальным руху ў 1918–1919 гадах // Бацькаўшчына. 1964. № 5–6.
12. *Прэўрацкі В.* Малавядомы дакумент часоў БНР // Таварыства беларускай мовы імя Ф. Скарыны: [сайт]. URL: http://tbm.org.by/ns/no500/25sakav2.html
13. *Сідарэвіч А. М.* Бахановіч А. А. // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч і інш. Мінск: БелЭн, 1993. Т.1. С. 332.

Страсти по выборам

Две колонны

Анатолий ГУЛЯЕВ

...Еще одно качество Эдвардовича — как бы это поинтеллигентнее... Ну просто потрясающее упрямство! Его нельзя сравнить даже с аналогичным качеством моего внука Феденьки. Тот, гуляя по квартире в любимой пижамке, разрисованной страшноватыми крокодилами Генами, откровенно наслаждается уговорами бабушки и мамы, проявляя при этом настоящий мужской характер:

— Не пойду на улицу! Не хочу!

Я его понимаю: на улице свежий воздух, но холодно. А дома несвежий, но тепло — и не уговариваю. За что подвергаюсь, естественно, резкой критике со стороны бабушки и мамы...

Но потом Феденька все же соглашается...

— Не буду! — говорит Эдвардович. — Не уговаривайте!

И, похоже, он не согласится. На его породистом лице потомственного шляхтича зависло выражение, какое было, наверное, у его же далекого предка, когда тот собирался сказать свое «nie pozwalam!» решению очередного когда-то всевластного здесь местного сеймика. Решению, которое стоило многих предварительных переговоров, многих усилий всей остальной шляхты и которому теперь, в силу «гоноровости» одного только свободного индивидуума, предстояло, как говорят братья-поляки, идти «do dupy»!

— Не буду! — говорит Эдвардович.

«Дед Сергеевич», седой и благообразный директор новоселковской школы, осиянный роскошной седой бородой, которая у него всегда воинственно топорщится, резво вскочил с места и неинтеллигентно, но длинно матюгнулся... С упоминанием разнообразных, широко известных по Библии лиц и большого количества противоестественных действий, которые к этим лицам должны быть, по его мнению, применены. Так материться в годы моей службы в Советской Армии умел только заместитель командира родного 180-го танкового полка подполковник Литвинов. Небольшого роста, в сдвинутой налево фуражке с черным околышем и высокой тульей, стройный, как кирасирский ротмистр из свиты Яна Казимира Вазы...

Перед строем полка на утренних разводах он создавал грандиозные по изяществу конструкции из небольшого, в общем, количества исключительно неизящных русскоязычных идиоматических выражений! Полк, застывший на плацу в ротных колоннах, наслаждался и ловил каждое слово! Большой был мастер!

Но Сергеевич-то — деревенский интеллигент! Потом Францевич (местный участковый, которого здесь чаще зовут «урядник») шепнул мне на ухо, что за грехи отца и старшего

брата — участников «бульбовских» формирований на белорусском Полесье — семья Сергеевича после войны была выслана за Урал. Где-то там, на лесоповалах, он и нахватался.

...Мы сидим в кабинете у Эдвардовича, председателя большого местного СПК. После последних принудительных укрупнений хозяйство выросло до 11 000 гектаров сельхозугодий (из них 8000 гектаров пашни).

И обсуждаем, за кого агитировать народ на приближающихся парламентских выборах. Областные демократы выдвинули местного учителя труда Миколу. Его зарегистрировали как кандидата в депутаты, и Сергеевич стоит за него горой! А Эдвардович, чье слово тут на вес золота, уперся и агитировать за Миколу не хочет. Предпочитая кандидата от власти, главврача районной больницы, — человека конъюнктурного, но исключительно делового.

— Что ты имеешь против Миколы? — не понимает Сергеевич. — Чистый, честный парень! Дети в школе за ним цугом ходят...

— Так выдвини его в заведующие детским садом! Тоже аргумент — «дети цугом»... А он когда-нибудь чем-нибудь руководил? А он знает, что такое политика? Конечно, хороший, простодушный хлопец — ему стихи читать со сцены... А в том парламенте змеятник... Ему нельзя туда: или сожрут, или испортят!

— Миколу ничем не испортишь! В депутаты таких и надо!

— Таких... А то ты не знаешь, не научился еще? Туда надо таких, как Францевич: чтобы мог, когда надо, прогнуться, а когда надо — и в морду...

— Как в морду — так Францевич! Вы что, все с дуба упали? Когда я кого бил?

Вопрос был риторический. Францевич — блондинистый, краснощекий майор милиции — всякий раз, когда, по его мнению, это требовалось, дать в морду умел. И, мне иногда даже кажется, любил. Но не любил, когда об этом говорят.

— Успокойся, я так это...

— Все вы так... Только одно и видите...

Похоже, Францевич в очередной раз поссорился с женой, завмагом местного сельпо, именуемой в Новоселках Валькой-магазинщицей. И потому сегодня воспринимал действительность с ранимостью известной принцессы, которая под горой пуховых перин обязательно чувствует крошечную горошину.

— Нашли вы тему! — взвился Сергеевич. Его седая борода воинственно топорщилась, как у разгневанного бога Саваофа на картинках из «Библии для верующих и неверующих». — Времени не осталось, давайте к делу.

— Какое тут может быть дело? — Эдвардович спокоен, как удав из известного мультика. — Я ему помогать не буду. Это вы в 90-х наизбирали во власть людей, которые, кроме как митинговать и ругать партократов, ничего не умели. А потом и саму власть...

Он обернулся ко мне:

— Как это интеллигентно сказать?

— Профукали?

— Я бы, конечно, сказал «прос...ли». Но пусть будет «профукали»...

Лицо Сергеевича медленно наливается кровью. В 90-е он был депутатом парламента и проводил время не в школе, а большей частью в Овальном зале Дома правительства в Минске, т. е. «прос...ли» относилось к нему тоже. Правда, когда парламент благополучно разогнали, он, не желая покидать кабинет, упирался до последнего. А «последнее» выглядело так: двое громил из охраны президента волокли его по коридорам власти, словно злобные зятья вконец упившегося нелюбимого тестя. Сергеевич дергался, упирался и хорошо поставленным учительским голосом выкрикивал проклятия в адрес режима! Напоминая то ли Тараса Бульбу в последней схватке с ляхами, когда он, явно переоценив свои возможности, решил вернуться за уроненной в пылу боя люлькой... То ли скульптурную группу, где Лаокоон (только без сыновей) безуспешно сражается с опутавшими его змеями.

Из Дома правительства Сергеевича, естественно, выбросили прямо на только что выпавший снег: беленький и хрустящий, как простыни в доме у Эдвардовича, где царила его жена — маленькая, верткая полешучка Ольга. Я видел процедуру выбрасывания сам, поскольку толкался там же в толпе журналистов, надеявшихся, что Сергеевич без боя не сдастся. И радостно заклацавших затворами фотокамер, переключателями диктофонов. Кто-то из особо догадливых даже приготовил плоскую фляжку «буслов», которую тут же располовинил с «дедом Сергеевичем» под завистливые взгляды остальных, менее догадливых.

Через пару дней Сергеевич честно вернулся в Новоселки. И ему даже не помешали занять прежнюю должность директора школы.

...Словом, мы ни до чего не договорились — было совершенно очевидно, что местная элита пойдет на выборы разными колоннами. Правда, их будет не десять, как у демократов в 2010 году, но две — точно. Одна — Сергеевич с Миколой, агрономом Петровичем по прозвищу «ученый» (как пишут в дипломах Горецкой академии, «ученый агроном»), еще двумя учителями и одной библиотекаршей... Люди все хорошие, но маловлиятельные. К тому же Сергеевича нынче «вертикаль» даже не рекомендовала в председатели участковой избирательной комиссии, составленной исключительно из учителей его школы. Т. е. даже повлиять на качество подсчета голосов он теперь не мог.

Другая колонна — Эдвардович, а с ним все практически специалисты и основная масса населения, живущая по принципу: как батька скажет... Не говоря уже о власти.

Наполеон Бонапарт в такой ситуации смотал бы знамена, сдался на милость победителя и с чистой совестью отправился под конвоем на остров святой Елены. Но Сергеевич сдаваться не собирался…

Участок

…Зерновые уже обмолочены, и Эдвардович привычно сообщает в сводках, что да, по 60 центнеров с гектара у него есть. Копать картошку еще только начали, но и там не менее чем по 500 центнеров с гектара будет. Ничего удивительного: удобрений хватает, техника сплошь немецкая, культура земледелия — голландцам поучиться! Не зря Эдвардович регулярно повторяет: поле готово к севу, когда я могу проехать по нему на своем «Мерседесе» со скоростью 100 километров в час. Ну сто не сто, а поля гладенькие, как щека любимой женщины, и мягкие, как ее же… Словом, мягкие.

Сентябрь нынче солнечный, теплый. Пуща за Новоселками на фоне синего неба вся рыжая и золотая. Она даже на расстоянии успокаивает и манит под лучами заходящего солнца — такие ощущения бывают после первой рюмки хорошего местного самогона.

Избирательная комиссия расположилась в школьном спортивном зале: длинный стол, накрытый красным; кабинки для голосования — тоже красные. Отдельно — стол для наблюдателей из команды Сергеевича с ним самим во главе.

В фойе — магазин с мануфактурой, буфет с бутербродами, колбасой, громадным количеством печеньев и булочек и удивительно дешевой водкой. Там уже с утра толкаются все те же персонажи: недавно вернувшийся из тюрьмы Канарис (он же Лобанович) в компании с Брателлой (он же Игнатович) и примкнувшие к ним местные забулдыги. Нарядные местные тетки и дядьки пользуются случаем, покупая по дешевке продукты и мануфактуру. «Валька-магазинщица» руководит процессом, наливая, взвешивая и отмеривая. Францевич, ее муж, где-то мотается по Новоселкам, создавая видимость борьбы за порядок в день выборов. Находиться на участке, охраняя урну с бюллетенями, районное начальство ему не доверяет. На эту ответственную должность прислан «зеленый» лейтенант из района — восприимчивый и послушный, словно юная жена в первый день после свадьбы. Он ест глазами начальство и уже враждебен к Сергеевичу.

— Все нормально! — бодро рапортует Эдвардовичу председатель комиссии, завуч местной школы Людмила Ивановна — миловидная, пепельноволосая и вообще во всех отношениях приятная. Ей чуть-чуть бы еще длины ног и объема бюста… И приятности бы добавить в профессионально проницательный завучский взгляд — совсем бы была «ягодка опять».

— Уже сейчас, на 16.00, проголосовало больше половины избирателей. Выборы состоялись!

Людмила Ивановна радуется, словно уже состоялись не выборы, а ее свадьба — вторая по счету. Она пару лет назад развелась с первым мужем — хорошим местным парнем, но всего лишь механизатором, за которого неосмотрительно вышла, приехав после областного «педа» в Новоселки. Потом быстро поняла, что могут быть другие варианты. Развелась и теперь состоит в невестах…

— Интересно, — говорит Сергеевич. — Мы фиксировали каждого избирателя пофамильно, с указанием времени прихода на участок. У нас набирается меньше 40 %. Даже с учетом досрочного голосования…

— Не знаю, как ваши люди фиксировали… — упорствует Людмила Ивановна.

Видно, что конфликт с директором ее не смущает, поскольку работать с ним после этих выборов ей, судя по всему, не придется. Мало того что Сергеевич слывет оппозиционером, так он еще и пенсионер. Его обязательно уберут. А Людмиле Ивановне нужно, чтобы выборы состоялись, — тогда она первый кандидат в директоры! А если она в свои неполные 40 станет директором, то там — ого! — вариантов множество: со временем прямая дорога в заместители председателя райисполкома, а то и в область! Да мало ли куда судьба может вынести приятную женщину, желающую сделать карьеру во властном мире — почти исключительно мужском?

— Осталось недолго — посчитаем голоса, и все станет ясно…

Вброс

Мы вышли на школьное крыльцо.

— Они что-то задумали! — говорит Сергеевич. — Вброс будет. Но когда? Пока что в школу дополнительные бюллетени не привозили — мы там круглые сутки дежурим!

У Эдвардовича звонит мобильник.

— Что такое, Францевич? Где? Едем... — решительно сказал он. И повернулся к нам. — Вы тоже со мной.

— Я не могу, — сказал Сергеевич. — А кто наблюдать будет?

— Уже не надо наблюдать...

Ничего не понимая, мы сели в председательский «Мерседес», по случаю выборов сменивший рабочий УАЗ, и поехали на выезд из Новоселок, мимо разноцветных «президентских» домиков в сторону райцентра. Далеко ехать не пришлось: через пару километров на обочине сгрудились несколько машин, в числе которых новенькая черная «Волга» с разбитым радиатором и вздыбившимся капотом. Рядом «Опель» с помятым крылом и покореженными дверцами... Рядом разноцветный гаишный «Опель».

Люди в фуражках что-то замеряли. На обочине, закрыв окровавленное лицо руками, сидел человек.

В группе рядом стоящих зрителей я узнал яростно жестикулирующего Брателлу.

— Он пьяный как шнурок! — радостно сообщил подошедший Францевич. — Раздолбал исполкомовскую «Волгу», но это ладно. Я вызвал ГАИ — разберутся. Ты посмотри, что в «Волге» было...

На заднем сиденье белел разорванной при ударе упаковкой бумажный пакет. Вокруг него и на полу беспорядочно лежали избирательные бюллетени.

— 200 штук, я посчитал, — сказал Францевич. — И во всех крестики стоят против фамилии того... Из района...

Все было понятно. Видя, что выборы не складываются, Людмила Ивановна запросила помощи из района. Оттуда с нарочным, одним из чиновников исполкома, отправили пакет с дополнительными бюллетенями. И все бы прошло, бюллетени бы вбросили в урну с позволения послушного лейтенанта, не возникни на пути «Опель» пьяного Брателлы.

Дальше было просто. Еще до приезда ГАИ мы собрали бюллетени. Травмированного чиновника «скорая» забрала в больницу. А мы помчались в Новоселки на участок, благо было уже половина восьмого вечера. Там члены комиссии — учительницы местной школы плюс плотный паренькфизрук, — став плотной стеной вокруг стола, уже считали голоса. Как водится, наблюдателей близко не подпускали, и, что они там считают, видно не было. Скоро был вывешен протокол: явка — 53 % избирателей, выборы состоялись. Внушительную победу одержал кандидат от власти.

Но, по данным наблюдателей Сергеевича, явка составляла только 43 %. Разница в количестве проголосовавших у Сергеевича и комиссии была примерно в 200 человек.

Мы подошли к Людмиле Ивановне.

— А как получилась эта разница?

— Не знаю. Но, чтобы у вас не было сомнений, я готова даже пойти на нарушение закона: через полчаса-час, когда все успокоится, в присутствии членов комиссии дам вам пересчитать.

— Я думаю, нам не нужно ничего ждать. Он не приедет.

— Кто он?

Францевич вышел к своей машине и вернулся с пакетом, перевязанным бечевкой.

— Вот ваши потерявшиеся голоса!

— За это уже «закрывают» — и надолго! — задумчиво пробормотал Францевич.

Надо отдать должное: Людмила Ивановна реагировала быстро. Мы не успели насладиться зрелищем, как она метнулась с места, сорвала со стены протокол и куда-то умчалась, продемонстрировав хорошую стартовую скорость! Это в ее-то узкой юбке и на «шпильках»!

Мы только и успели, что открыть рты и переглянуться! Через небольшое время она, вальяжно цокая каблуками по выложенному плиткой полу коридора, появилась опять, прикнопила к стене новый экземпляр протокола.

— Какие ко мне претензии?

Мы, словно завороженные пением одиссеевских сирен, подошли, ощущая себя в некотором таком тумане. В протоколе значилась уже 43 % избирателей, т. е. по факту.

— А эти все бюллетени, что вы неизвестно откуда взяли, можете выбросить на помойку...

Сергеевич стал фотографировать новый протокол. Людмила Ивановна порекомендовала не трудиться и принесла копию. Мы вежливо попрощались и вышли на крыльцо.

Францевич обалдело покачал головой:

— А я «закрываю» пьянчуг... Вот кого нужно «закрывать»! Вот у кого совести совсем нет.

И вдруг оживился:

— А знаете что, мужики? Я ее два раза оттрахал! По пьяни...

Его краснощекое с подстриженными офицерскими усиками лицо светилось совершенно демоническим торжеством! Такого качества эмоции раньше были отмечены разве что на лице адмирала Нельсона после разгрома им французского флота при Абукире.

— Кого оттрахал?

— Да Людмилу эту...

— И как?

— А, абы что. Моя Валька лучше!

— Так зачем ты тогда?..

— Ну в первый раз я не знал, что Валька лучше.

— А во второй?

— Убедиться хотел.

— Убедился?

— Убедился, г...но!

И нам стало легче. Мы решили, что жалобу в Следственный комитет Сергеевич напишет завтра. А пока поехали к Францевичу, где «Валька-магазинщица» уже ждала нас за накрытым столом.

76 % беларусаў

маюць патрэбу ў свабодзе слова

Пра гэта сведчаць вынікі апытання сацыялагічнага цэнтра «ЛЮСТРА-ІНФА», праведзенага ўвесну.

Даследчыкі задалі беларусам тры пытанні: «Ці патрэбная вам асабіста свабода мітынгаў і дэманстрацый?», «Ці патрэбная вам асабіста свабода слова?» і «Ці патрэбная вам асабіста свабода выезду за мяжу?».

76 % рэспандэнтаў зазначылі, што ў той ці іншай ступені маюць патрэбу ў свабодзе слова. Пры гэтым больш за палову з іх — 41 % апытаных беларусаў — «адназначна маюць патрэбу» ў свабодзе слова, а для 35 % апытаных грамадзян яна, «хутчэй, патрэбная».

Пра сваю асабістую патрэбу ў свабодзе мітынгаў і дэманстрацый заявілі 46 % апытаных. Пры гэтым 27 % з іх адзначылі, што свабода мітынгаў, дэманстрацый ім, «хутчэй, патрэбная», а 19 % сказалі, што яна «адназначна неабходная».

Найбольш запатрабаваная сёння — свабода выезду за мяжу. У ёй маюць патрэбу 78 % рэспандэнтаў. Кожны другі дарослы беларус (50 %) «вельмі» хацеў бы выехаць за мяжу, яшчэ 28 % гараджан і вяскоўцаў не супраць гэтага.

Агульнанацыянальнае апытанне было праведзенае 29 сакавіка — 17 красавіка сацыялагічным цэнтрам «ЛЮСТРА-ІНФА». Апытана 3000 рэспандэнтаў. Памылка рэпрэзентатыўнасці не перавышае 0,6 %.

Стар. 19

